

СОДЕРЖАНИЕ

Страница главного редактора
Советы великих мастеров..... 3

ПРОЗА

Вячеслав Климов
Незримые потоки боли...
Повесть..... 15

Владимир Петров
Жизнь одна
Рассказ 71

Олег Солдатов
Ансамбль
Повесть. Окончание 115

ПОЭЗИЯ

Валентина Дмитриченко
Стихотворения 7

Олег Игнатьев
Стихотворения 103

Галина Шевченко
Стихотворения 107

Оксана Крис
Стихотворения 111

БРАТСТВО КАВКАЗСКИХ ЛИТЕРАТУР

Иса Капаев
Целитель
Рассказ 177

КРАЕВЕДЕНИЕ

Алексей Кругов
Олег Парфёнов
Проклятый «Сатурном» 209

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий Тимашев
Крест и звезда
Ивана Аксенова 227

Главный редактор
Владимир Бутенко

Литературное
Ставрополье
№3 (2019)

© Правительство
Ставропольского края

ББК 83.3(2=411.2)6я43 + 26.89(2Рос-4Ста)я43
УДК [821.161.1.09+908](470.630)(082)
Л64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**A72 Литературное Ставрополье. Альманах. —
Ставрополь, 2019 г. — № 3**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и вёрстка: С.Е. Стефанова

Корректор: Н.А. Шулик

Сдано в набор 12.08.2019. Подписано в печать 12.09.2019.

Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10.0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 110919. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Мир»:

394033, г. Воронеж, Ленинский проспект, 119 А, литера Я, офис 215.

Тел.: 8-958-649-53-31.

ISBN 978-5-6043340-6-5

Советы великих мастеров

Неведомо, где и когда родился на Земле первый поэт. На этот счет существует много разных преданий, одно другого романтичней и прекрасней. В любом случае, писать стихи этого человека заставила эмоциональная наполненность, желание передать другому свои чувства и мысли. С веками литература развивалась, — вслед за Гомером и Овидием пришли Данте и Шекспир, Сервантес и Гете. Деятнадцатый век явил человечеству вершину литературного совершенства и духовности — русскую классику. Под солнцем Пушкина прошли свой великий, неподражаемый путь Гоголь, Тургенев, Гончаров, Лев Толстой, Лесков, Достоевский, Чехов. А затем эстафету словесности подхватили, войдя в двадцатый век, Бунин и Куприн, Сергеев-Ценский и Шишков, Набоков и Леонов, Шолохов и Булгаков. Я уже не говорю о стихотворцах, ибо ни в одной стране мира нет такой изумительной и разносторонней,

**Страница
главного
редактора**

многогранной поэтической Вселенной, где вечным светом мерцают планеты Лермонтова и Баратынского, Некрасова и Блока, Ахматовой и Есенина, Пастернака и Заболоцкого, Павла Васильева и Твардовского, Евтушенко и Рубцова.

Я неслучайно сделал исторический экскурс. Некоторые начинающие литераторы по наивности считают, что необязательно знать предшественников, чтобы не впасть в подражание, не «заразиться» чужой манерой письма. Достаточно, мол, самому сочинять, доверяясь воображению, что взбредет в голову, «самовыражаться». То есть невежество, бескультурие возводится ими в ранг достоинства. И таких «гениев», к сожалению, год от года все больше. Они забивают интернет своими «креативными» виршами, худо рифмованным бредом, никому не нужной словесной белибердой. Минувшим летом в Центре дополнительного образования я услышал от одной старшеклассницы, что модная гламурная стихоплетша (так вежливо назовем московскую особу) на нее оказывает большее «впечатление», чем Ахматова. Я спросил, какие стихотворения Анны Андреевны она знает. Оказалось – ни единого...

Литературные дебри и болота заманивают, губя талант, легкостью успеха, достижимостью быстрой славы, вседозволенностью творчества. Туда и мчатся сломя голову и молодые, и престарелые любители «послагать» стишки и «черкнуть» мемуары. В этих обманных чащобах навсегда и останутся они, если не поймут, что писатель — явление социальное, что за каждое слово он несет ответственность и перед людьми, и перед Богом, что литература – главная составляющая всего культурного пространства общества.

Успех ждет только того, кто ощущает себя частицей непрерывного исторического процесса, продолжателем великих традиций. Только это позволит стать новатором, открыть себя по-новому, создать свой собственный неповторимый литературный мир. Только на твердом фундаменте знаний, опыта и осознания себя творцом можно сделать прорыв в литературе, обессмертить свое имя. И в этом смысле многому учат начинающих литераторов раздумья Леонида Леонова, выдающегося самобытного прозаика и мыслителя, мастера русского языка. Не удержусь от пространной цитаты из его статьи «Талант и труд»: «Всякая значительная вещь требует очень многого, и прежде всего — творческого проникновения в материал, большого труда и соответственной культуры. Представители самых различных критических течений и школ одинаково сходятся также на том, что еще для писателя желателен и талант. В результате создания литературы он занимает по меньшей мере процентов шестьдесят, а остальные сорок приходятся на знания, творческую волю, работоспособность и множество других качеств в самых различных дозировках. Разумеется, не меньше таланта писателю положено иметь ум, совесть и душу. Настоящий, большой писатель может родиться лишь из большого человека. Ведь литература — это мышление; следовательно, писатель — это мысль, а мысль — это производное от сердца, разума и гражданской совести: это большая любовь к своей стране, это желание не получать, а давать, это путь человека, на которого с особой ревнивой надеждой смотрят миллионы сограждан».

И еще хочется напомнить слова М. Горького:

«Первоэлемент литературы — это язык». Безусловно, наш русский язык находится в динамическом развитии, меняется под воздействием техногенной революции. Поэтому на молодых литераторах лежит особая ответственность за сохранение силы, красоты и жизненности родного языка. Увы, многие поддаются англицизмам, сленгу, профессиональному жаргону, засоряя и оскопляя речь. Существует лингвистическое понятие «исторической продуктивности языка», а именно: такого писательского стиля, со всеми его признаками, который максимально верно и полно будет соответствовать современной жизни. Однако это не означает, что писатель должен уродовать текст, обеднять, делать примитивным. Напротив, чем талантливей писатель, тем обширней его словесная палитра. И, стало быть, только закрома русской классики, а не переводная западная литература, состоящая из словесных штампов и фразеологических оборотов, могут обогатить языковой и мыслительный багаж молодого писателя или поэта.

Удел молодых — дерзать. Ставропольская литература за последнее время пополнилась новыми именами талантливых поэтов и прозаиков. Однако жизненный материал усложняется год от года. Творческие победы достижимы только с ощущением тверди родной земли под ногами и несравненной красоты и силы отчего русского слова.

Какая осень, боже мой,
Какая осень...
И облака за горизонт
Плывут, как струги.
Но ясен листья на асфальт
Ещё не сбросил –
Он так прекрасен
В золотой своей кольчуге!
Какая осень на дворе –
Поют цикады,
Река до донышка светла,
Созрели сливы.
И третий день
Гребу я золото лопатой,
И не завидует мне,
Разве что, ленивый.
И эхом звонким
Лето катится с откоса
К своим далёким берегам,
К своим причалам...
Но осень, осень...
Боже мой, какая осень,
Что так и хочется мне
Всё начать сначала!

Камин

Меня багрянец на охру,
Стремительно гаснет закат.

**ВАЛЕНТИНА
ДМИТРИЧЕНКО**

Поэзия

Раздетый, продрогший и мокрый
От холода ёжится сад.
А снег – невесомый и редкий,
И так беспрепятственно он
Струится сквозь голые ветки
На чахлый облезлый газон.
На улице не многолюдно.
Озябли сирень и жасмин.
А мне и тепло, и уютно
Подбрасывать сучья в камин.
Смотреть на весёлое пламя,
Как лижет оно, клокоча,
Оранжевыми языками
Поленья, шипя и урча.
И блики снуют по паркету,
И, напрочь забыв о былом,
Душа наполняется светом,
Любовью, стихами, теплом.

Всё, чего я хочу

В этом доме дороже гостей не бывало.
Жду, надеюсь и верю, часы торопя...
Знаешь, как бы тебя я сейчас целовала,
Знаешь, как бы сейчас я любила тебя!
Я бы заперла дверь, занавесила б окна,
Чтоб узнал ты, как сладко бывает в раю.
Я бы всё, что могла, отдала бы, не дрогнув,
За одну только эту улыбку твою.
Я б открыла тебе все калитки и двери,

Повелела б немедленно таять снегам...
Если б только ты знал, как я искренне верю
Этим ясным глазам, этим сильным рукам...
Защебечет капель и затенькают птицы,
И под яблоней будет подвешен гамак...
Всё, чего я хочу – непременно случится,
Ведь оно не случиться не может никак!

Розовое-розовое утро
Южного степного городка.
Ёлки, припорошенные пудрой
Первого пушистого снежка.
Голубые тоненькие тени
Молодых осинок у воды
Взволновали трепетом смятенья
Отраженье утренней звезды.
На душе светлым-светло, как в мае,
Этой чистой раннею зимой...
Всё я вижу, всё я понимаю.
Всё осознаю, хороший мой!
У тебя уют и постоянство.
Ты согрет, накормлен и одет,
И в твоё интимное пространство
Мне – по всем приметам – хода нет.
От своих назойливых поклонниц
Ты уже давно как во хмелю...
Только я цветных моих бессонниц
Никому вовек не уступлю!

Я шагами счастье мерила

По остеклённым за ночь лужицам,
Идём сквозь полдень голубой.
И голова от счастья кружится
От этой близости с тобой.
Деревья спят под снежной тяжестью,
И сердце с сердцем – в унисон...
А может, мне всё это кажется?
А вдруг всё это только сон?
А снег, как из перины вспоротой –
Летит, летит то вкривь, то вкось.
Мы по заснеженному городу
Идём, счастливые насквозь.
Слова твои неторопливые
Волною счастья обожгут.
Зато глаза твои пытливые
Не предадут и не солгут.
И я шагами счастье мерила,
Беспечно веря чудесам.
И никому я так не верила,
Как этим преданным глазам!

Поющая чаша

Догорает листва на гранитной плите парашета.
И густые туманы стеною стоят за рекой...
Я хочу подарить Вам поющую чашу Тибета.
Пусть она принесёт Вам любовь и душевный покой.
Впрочем, эти понятия, в сущности, не совместимы...

Но слова, как и звуки – бальзамом на сердце легли.
Вы могли б равнодушно пройти, как и прочие, мимо.
а, могли бы, конечно могли бы, но вот – не прошли.
Не скажу – почему я в глаза Вам смотреть опасаясь.
И не знаю сама – как ещё не сгорела дотла.
Я боюсь потерять Вас, молюсь и, как грешница, каюсь
Что любовью своей Ваш покой я у Вас отняла.
Но ведь эта любовь
Мне всевышним ниспослана свыше.
Это, может быть, слаще,
А, может быть, горше, чем мёд...
Присмирели ветра и дожди зашуршали по крыше,
Но о чём-то хорошем тибетская чаша поёт.

Затишье

Стоят в саду деревья неподвижно,
Склонив главы, как схимники в мольбе...
Какое-то тревожное затишье
В душе, в природе в творчестве, в судьбе.
Пьянит и дразнит яблоч винный запах
И кутаются ветки в бурый мох.
Крадётся в сад зима на мягких лапах,
Чтобы опять застать его врасплох.
Уже река по-девичьи вздыхает.
Кругом такая тишь и благодать...
Последний бражник над цветком порхает
И ни за что не хочет улетать.
Подсушит день зари невинной слёзы,
Оброненные ивами в траву...
Успеть бы мне – укрыть герань и розы,
А остальное — я переживу!

Капель

Я вздыхаю украдкой
От желанья цвести.
Как-то слишком уж сладко
Защемило в груди.
Перекрыло дыханье
Всё мешая вокруг...
Сердце сразу стихами
Переполнилось вдруг.
Звуки звёздного скерцо,
Неба зимнего гжель...
И в оттаявшем сердце
Зазвенела капель.

Луч

Заря склевало звёзд пшено –
Четыре – на часах.
Окна чернильное пятно
Редет на глазах.
А я до света не спала,
Плела из слов венки.
И муза в гости забрела
Ко мне на огонёк.
Поговорили по душам...
И сквозь завесу туч
По ручке звёздного ковша
Ко мне спустился луч.

Коснулся пряди на виске
И в душу влил елей...
А я была на волоске
От гибели своей!

Горят мосты

Дымят, дымят сожжённые мосты,
Пылают клёны, ясени, осины.
А я... я подливаю керосина,
Чтобы назад не смог вернуться ты.
Ты видишь, как обратный путь тернист?!
Его тебе преодолеть непросто...
А надо мной всю ночь сияют звёзды,
А надо мной кружит осенний лист.
А на душе – светлым-светло, как днём.
В ней тихий шум дождя и звон гитары...
Душа моя очищена огнём –
Того бесповоротного пожара!

Как хорошо

Поздняя осень. Меняют наряды сады.
Не прилетают ни зяблики, ни соловьи.
Ивы-монашки толпятся у кромки воды,
Моют в реке поседевшие косы свои.
Вот и пришла долгожданной прохлады пора,
Повеселели, спалённые солнцем, холмы.
Там – за горой набираются силы ветра

Для предстоящей морозной и вьюжной зимы.
А у меня... У меня — как всегда, что ни год...
Эта зима, леденцами сосулек звеня,
Снегом неожиданным на голову вдруг упадёт,
Обескуражив и обезоружив меня.
В бочке железной у бани замёрзнет вода,
Ягоды выронит в снег виноградная гроздь.
Дом мой до самых костей проберут холода,
Душу мою, как мечами, пронзая насквозь.
Будет помалкивать в тёмном чулане сверчок,
Будут заглядывать в окна сирень и жасмин...
Как хорошо, что дровами забит дровничок,
Как хорошо, что имеется в доме камин!

Незримые потоки боли...

Жили-были два друга...

Казаков — высок, статен, длинные волосы, завязанные в хвост... Одет стильно, со вкусом. Достаточно мимолётного взгляда, чтобы вычислить — степенно шагомера, да в белом костюме, вальяжно прогуливаясь, дышит воздухом фронт из поэтов, художников или музыкантов. И он на самом деле был известным поэтом и покамест неизвестным художником. Ещё он мог быть много кем, но при одном условии: если ему это интересно и, главное, нравится. Кувлечениям он относился с заинтересованностью, а увлечения отвечали ему взаимностью.

Климов — невысокого роста, спортивного телосложения, подкаченный или, как говорят, поджарый. Красивый заморский загар с лёгким малиновым оттенком, модные, неизменно тёмные очки в форме капель (ныне называемые «авиаторы»). Предпочитает строгие брюки с безукоризненными стрелками и сорочки с коротким рукавом.

**ВЯЧЕСЛАВ
КЛИМОВ**

Проза

Судя по слегка раскованной и быстрой походке, определялся как энергичный, целеустремлённый человек. Костюм надевал лишь единожды в год, для выступления со сцены в День вывода советских войск из Афганистана.

Оба друга — уроженцы Ставрополя. Первый, а значит, Виктор — коренной житель города Ставрополя. Второй, а значит, Вячеслав, стартанул с Кубани, с того небольшого отрезка реки, стремительно приходящего из КЧР и убегающего далее.

Им всегда было комфортно вдвоём — пребывать в тишине и просто молчать (как говорится, полбеда, когда поговорить не о чём, однако вовсе беда, когда и помолчать не о чем). Легко оттого, что не перед кем было пыжиться и выжимать из себя знаки приличия. В эти нечастые минуты, отбросив маски (которые так хотело видеть и требовало носить большинство собеседников), они были настоящими. Так сказать, на нейтральной полосе, в кабинете массажа первой городской клинической поликлиники, в народе называемой «студенческая», они встречались довольно часто. И не оттого, что Виктор был студентом (хотя в шутку Вячеслав так его иногда называл), а потому, что тот по прописке принадлежал к данному медицинскому учреждению. Гость сидел на стуле у двери, между ширмой и белоснежной раковиной (массажист всегда шибко ругался на вваливающихся без бахил в чисто вымытый кабинет). Пауза молчания — словно равнинная река — текла свободно и не суетливо, заполняя помещение прозрачностью понимания, без мути смущения и фальши. Они не стремились заполнить возникшую передышку ради уважения или приличия. В эти короткие минуты они просто были, и всё тут. Визитёр задумчивое безмолвие нарушал чаще — то коротким вопросом, а иногда

просто размышляя вслух.

Рассматривая антисептическое средство для мытья рук, которое в свободной продаже не сыскать, словно невзначай спросил: «А ты свои вещи складываешь?» Позволяя отдохнуть уставшему телу (естественно, с одобрения гостя), лежащий на кушетке собеседник, забросив руки за голову, слегка раздосадованно ответил: «Складываю, и вовсе не оттого, что прямо такой правильный. Жизнь научила: возьми там, где положил. И без того зависим от окружающих дальше некуда, аж тошнит...»

Климов, во время прохождения срочной службы в республике Афганистан, в свои неполные двадцать лет получил тяжёлое минно-взрывное ранение в голову. И, как последствие, остался навсегда в полной темноте. На бестактно поставленный вопрос любопытных о случившейся беде он иногда отвечал довольно жёстко: «А я своими глазами да кровью афганскую землю удобрил...»

Казачков тоже прошёл через эту горячую точку Земли. Вернулся, как говорится, живой, но неведимым его не назовёшь. Впрочем, как и всех, вернувшихся с войны. Незримые незаживающие раны на сердце излечению не подлежат, это навсегда...

...Задавший вопрос недовольно закричал, заёрзал на дерматиновом новеньком стуле. Спросил так, вроде невпопад, просто вспомнив свой стог из сорочек, маек и штанов, возвышающийся на гладилке в собственной однокомнатной квартире на Дзержинского. А ведь совсем недавно, на выходных, жена вместе с единственной дочерью от первого брака Виленой всё аккуратно гладили и развешивали в шкафу.

Виктор хоть и старше был на одиннадцать лет,

однако всё как-то приглядывался к своему дружку. И нельзя сказать, что брал пример, какие уж для этих поседевших бывших солдат идеалы, но всё же служил для него Слава неким психологическим костылём. Впрочем, как и Виктор для Славы.

Бывало, ещё по молодости, зайдёт старший неожиданно-негаданно в гости к младшему, да и засядут они на кухне в типовой многоэтажке, стоящей на пересечении улиц с названиями, которые встречаются чуть ли не в каждом населённом пункте нашей необъятной Родины. А точнее, на перекрёстке улиц Ленина и Пушкина. Гостеприимно улыбающаяся красавица-хозяйка накроет на стол и, оставив друзей, тихо уйдёт в комнату. Понуриив головы, изредка перекидываясь фразами как бы ни о чём, они будут пить крепкий чёрный чай вприкуску с выпечкой, приготовленной Леной. Иногда и по крепкой пропустят, при условии, что хозяину завтра не на работу. Контузия его категорически отказывалась дружить со спиртным и, как правило, после принятого на грудь отгрызалась распирающей головной болью. Словно невзначай Виктор будет внимательно отслеживать движения друга, который по квартире передвигается довольно легко и быстро, и совершенно не походит на людей, оказавшихся в схожей жизненной ситуации. Правда, за столом его движения становятся слегка неуверенными и настороженными, что бывает присуще человеку, попавшему в полную темноту.

Трезвые они сидят иль под градусом, но приходит минута, когда гость, глядя на дно опустевшего стакана, тихо выдавливает из себя:

— Свинья я, тебе вон как досталось... И всё равно не сломался, три года один, да в чужом городе, отучился, а теперь спину гнёшь на такой тяжёлой работе... А я из кайфа вырваться не могу...

Слава расправит плечи в махровом цветастом халате, глубоко вдохнёт и, поправив давящие на перебитую переносицу очки, прислонившись к мягкой спинке кухонного уголка, на выдохе скажет, весомо так скажет, но без малейшего нраво-учительного оттенка:

— Конечно, свинья, да ещё и какая.

— Ну ладно, я пойду. Дай мне сто рублей, потом верну.

— Да пошёл ты вместе с долгами. Я не денег жду, а другого.

И с этого момента разрывалось их молчание.

— Довольно уже вариться в воспоминаниях, столько лет отщёлкало, как ты вернулся. Ну да, попали мы под раздачу государства, что теперь... Родину, как и родителей, не выбирают. Да что я тебе говорю, ты вон какие стихи пишешь, три слова, и все в десятку. Мне даже после двух контузий, наяву или во сне, такие не приснятся.

Виктор встряхнёт ещё без намёка на седину русой копной волос, резко выпрямится и станет как-то ещё выше. С сожалением и горечью почти прокричит:

— Да только кому нужна правда об этой войне, да и правда в целом, в нашей разваленной перестройкой империи?

Избавляя молодую хозяйшку от негатива, Виктор потянется, осторожно прикроет кухонную дверь и крепко выругается далеко не литературным словосочетанием. Занимавшаяся бесконечными домашними делами Елена уже давно знала, что за этим последует затянувшаяся пауза. Друзья, вдавливая локти в и без того невысокий кухонный стол, ненадолго затихнут. Поэт, тяжело выдохнув, скажет:

— И всё равно, твёрдо знаю, что придёт время, и

я вырвусь из этого круга дурмана...

Затем Виктор, как всегда искренне, поблагодарит Елену за обычное гостеприимство. Так же, как и всегда, пожелает ей терпения с таким непутёвым муженьком. Поднуркивая да подшучивая над ним, откланявшись, уйдёт. В двухкомнатной квартире после этого повиснет молчание, Вячеслав ещё долго будет сидеть за столом и ещё дольше не сможет уснуть. И когда уже жена скажет: «Да спи ты наконец, всё ворочаешься да вздыхаешь, как ты будешь завтра работать?», мысленно с ней соглашаясь, он молча встанет, тяжело ступая, уйдёт и закроется в кухне. Опустился на присядки рядом с монотонно вибрирующим невысоким холодильником «Бирюса». Стараясь не греметь, вынет бутылку домашнего полусладкого вина.

«Кому нужна правда? Мне нужна, нашим детям и внукам. Вот кому будет необходима правда об этой войне...», — словно доказывая, скажет вслед давно ушедшему другу. Затем нервно дрожащей рукой, не вставая, сорвёт закупорку и прямо со ствола сделает несколько бесшумных глотков. Спиртное Слава употреблял редко, в основном по необходимости. Научился прислушиваться к своему организму, когда ситуация вынуждала успокоиться, пил по глоткам, обычно двух-трёх для расслабления хватало.

Подумалось — и ведь придёт время, дождутся равнодушные к человеческой судьбе, когда разорвёт поэт свой замкнутый круг из дурмана и золы прошлого.

Как говорится в русских народных сказках — быстро слово сказывается, да долго дело делается...

Виктор то пропадал, то появлялся вновь.

«Он сильный, он сможет...» Вера в друга вопреки всем и всему не пропадала и жила у Вячеслава в

душе всегда. В те годы он работал в городской физиотерапевтической поликлинике, что возле ЦУМа. Дружок его – через улицу Дзержинского, охранником на стадионе «Динамо», сутки через двое. Не виделись друзья уже давно. И вот осенним вечером в кабинете у Славы завибрировал мобильный телефон. В трубке раздался болезненно-уставший голос поэта. «Ну наконец-то я его слышу», – сверкнула радостная мысль.

— Славик, мне плохо...

— Ты где?

— На стадионе.

— Скоро закончу работу, в полседьмого приедет Лена, и мы придём к тебе.

— Я жду... — ответил как-то непривычно хрипловатый голос.

Центр города светился яркими фонарями и рекламными огнями. Минуя ФСБ, супружеская пара быстро добралась до проспекта Октябрьской революции и подошла с тыла к одноэтажному административному зданию стадиона. Обычно встречавший гостей у входа Виктор в этот вечер на невысоких ступеньках отсутствовал. Пустующее крыльцо говорило о неважном состоянии поэта. Небольшая «обломовская» рощица вековых деревьев (так он её с любовью называл) шелестом опавшей и ещё уцелевшей листвы пыталась хоть как-то оживить и скрасить уныние вечера. Виктор сидел на стуле у письменного стола, слегка подавшись ослабленным телом вперёд. Сидел замерев, прижимая к животу согнутые в локтях руки, словно пытаясь сдержать невидимую внутреннюю боль. Боль душевную и физическую одновременно. Пустынный холл холодным эхом разнёс обоюдное приветствие. Лена, прежде чем уйти в магазин, устроила мужа на его привычном месте,

мягко-скрипучем раскладном диване.

Сидя друг против друга, они, как раньше, просто молчали. За всё время прозвучало лишь две фразы.

— Ведь помрёшь...

— Да знаю...

Вскоре, цокая каблучками по асфальту, — звук доносился в открытую двустворчатую дверь просторного помещения без окон, — вошла Елена с покупками. На столе появились лекарства, печенье, черничное варенье и заварка. Пили свежесваренный крепкий чёрный чай, но всё также больше в тишине.

— Как там ваша доченька? — с интересом спросил Виктор.

— Дома, учит уроки, наверное. Ну, что ждёт нас, это уж точно, не любит оставаться одна. Завтра суббота, я не работаю. Повезём Настеньку в 25-ю гимназию. Мы теперь живём на Доваторцев, у входа в парк Победы со стороны зоопарка. Утром буду у тебя, а сейчас нам пора. Покуда доползём по пробкам, да машину на стоянку. Сиди, не надо нас провожать.

Мужчины обменялись рукопожатием, Елену Виктор, как всегда, поцеловал в щёчку.

...Играя белой эмалью в утренних лучах солнца, «форд» маневрировал по временно пустующему узкому дворовому проезду. Шелестя шинным протектором по крупнозернистому асфальту, машина подкатила к подъезду пятиэтажки и, слегка скрипнув тормозами, плавно остановилась. Уютную однокомнатную квартиру, сменяя друг друга, заполняли запахи то свежесваренного кофе, то сигаретного дыма. На кухонном столе расположился почти не тронутый фруктовый пирог. Здесь

же лежало цветное фото размером десять на пятнадцать, правый нижний угол которого был слегка загнут вверх — след многолетнего хранения в старом климовском дипломате. С фотки, на фоне бронзового солдата — памятника погибшим при исполнении воинского долга, — обвитые незримой паутиной дружбы, лучились смехом два воина-интернационалиста. На обратной стороне фотографии Виктор записал свои новые стихи, поставив роспись.

Наркоз
Два небесных лилипута
Распинают мягкий, ртутный,
Неспокойный, зыбкий шар.
В нем живет моя душа.

И пока они там мнутся —
Жить мне или же загнуться,
Наблюдаю, не дыша,
Куда мой покатыт шар.

— Нет, вот дано же некоторым. И как у тебя это всё ладненько получается — высказаться коротко, точно да в рифму? — спросил гость, сидевший на хозяйском дерматиновом мягком пуфике, прислонившись спиной к стене.

Стоявший у окна втянул сигаретный дым, ненадолго задержал в себе и выпустил туманную тёплую линию в прохладное уличное пространство. Повисло молчание. Уставшее-бледное лицо Виктора, подобно увядшему цветку, попавшему в долгожданную живительную влагу, постепенно просветлялось. Мягко улыбнувшись, ответил:

— Я не знаю, я, что называется, записываю. Думаю, что, пожалуй, этого никто не объяснит

точно. То есть мысли в голове, они как-то гуляют и не всегда гладкие, чтоб вот так ускользать. Они ещё и ершистые, цепляются друг за друга и цепляют душу. Что-то там для меня незаметно происходит, а потом вдруг ты произносишь фразу, вспоминаешь ни с того не с сего Гоголя, и всё становится на свои места. Ты приходишь домой и просто записываешь стихотворение. То есть это непонятная загадка, но очень такая чудесная загадка.

Он говорил не спеша, словно взвешивая каждое слово. На мгновение задумался, повеселел и, улыбнувшись, продолжил:

— Не знаю, для меня это как новогодний подарок в детстве...

Затем затянулся и медленно выпустил дым в ставропольскую осень. Не торопясь, погасил окуроч в приютившейся на подоконнике пепельнице, зацепившись внимательным взглядом за необходимую вещицу в виде кокосового ореха, сделанную, скорее всего, из современных полимеров. На боку у нее красовалась негритянка с ярко-цветным головным убором в виде скирды и не менее яркими вставками в ушах. Виктор придирчиво рассматривал штамповку. Вообще-то он любил такие вот небольшие штучки, но желательнее из недавнего советского прошлого. И, неплохо бы, с сохранившимися ценником в рублях и копейках, знаком качества и с надписью «Сделано в СССР». Рассматриваемая, с горкой окурков, пепельница не соответствовала его требованиям. Однако у этой вещицы был весомый аргумент — один, но перекрывающий все остальные типа знака качества. Это был подарок любимой дочери, привезённый Виленой с Чёрного моря. Друзья особой любовью любили своих дочерей, а они отвечали им взаимностью. Да и разве можно было не любить таких девчат, точных копий своих

отцов, походивших на них не только визуально, но и в привычках, и в манере говорить.

Оторвав задумчивый взгляд от предмета, Виктор поправил ярко-полосатую рубашу, вынул из-под стола раскладной чёрный стул и присел у окна. Не торопясь и заботливо убрал прилипшие пылинки с хэбэшного домашнего костюма. Молчаливо сидевший гость не препятствовал его размышлению, лишь где-то на верхних этажах, меняя тональность, всё гудел и гудел водопроводный кран. Виктор продолжил:

— Когда у Есенина спрашивали: «Сергей Александрович, мы вас видели везде, вы всё время где-то шляетесь. А когда же вы работаете?», он отвечал: «Всегда...»

Желая вытянуть друга в его привычный, пусть не лёгкий и не земной поэтический мир, Слава с интересом спросил:

— У тебя любимый поэт — Есенин?

— У меня поэт любимый один, это как родина. Родина такая, как Ставрополь, не как Россия, где Пушкин с Гоголем и Лермонтовым, и Лесковым, и Чеховым. А вот такая родина, как Ставрополь, это Есенин. Меня и брата отец к нему приковал. Я ещё маленький был и в школу не ходил, но читать немного умел. Отец усаживал меня перед собой на стул и говорил: «Читай «Песнь о собаке». И я читал это потрясающее стихотворение, такого, похожему, нет вообще ни в какой литературе. Кроме вот русской. Отец выплеснул на меня поэзию Сергея Александровича.

О судьбе Сергея Есенина Виктор рассказывал довольно часто, но ещё чаще читал его стихи — даже во время массажной процедуры, чему, вопреки своим правилам, Вячеслав никогда не препятствовал, сочувствуя порыву дружеской души. Вот и

сейчас Слава, поправив очки, тихо сказал:

— А давай, Витёк, «Песнь о собаке...»

Тот ненадолго замер, словно настраиваясь на нужную волну и, растворяясь в детстве и в глубочайшем переживании любимого поэта, в который раз начал читать:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.
До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.
А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.
По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.
А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.
В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.
И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Подобно доносившимся из-за окна детскому смеху и птичьему щебету, окружающий мир жил

своей жизнью. Друзья сидели в безмолвии, замороженные способностью великого мастера изобразить в словах всю глубину и ширину страдания, оказавшись вновь в одном мыслительном потоке, понурившись, смотрели перед собой в открывшуюся бездну. Не меняя положения тела, Слава, глубоко вздохнув, с горечью промолвил:

— ...Покатались души солдат Золотыми звёздами в снег...

Давая возможность поменяться местами сизому дыму и уличной свежести, Виктор настёж открыл форточку и поправил штору.

Они решили перейти из кухни в зал.

— Давай, что ли, музыку послушаем?

— Я твой рок, пусть он и хороший, слушать отказываюсь. Я парень спокойный, уравновешенный, поэтому и музыку предпочитаю себе подобную. Давай-ка, ставь мой любимый дудук.

— Ладно, уравновешенный ты наш паренёк, поставлю тебе твой любимый дудук, — сказал, улыбаясь, Казаков и, шлёпая тапочками, направился в комнату.

Понюхав прокуренный рукав джемпера, Климов, скривившись, многозначительно фукнул и зашагал по следам шаркающих тапочек.

— Диван разложен, — предупредил хозяин осторожно идущего.

— Ну так давай его сложим, ведь так удобней сидеть.

— Сколько тебе можно говорить, что мне лень его туда-сюда двигать.

— А от такого табачного смрада у тебя завянут цветы и подохнут рыбки в аквариуме.

— Ну да, вон Ипполит уже захворал.

— Какой ещё Ипполит?

— Да я так фикус называю. Вообще-то я стара-

юсь выходить курить на улицу, – бурчал Виктор себе под нос, одновременно роясь в каких-то тетрадках, затем перешел к переполненным книжным полкам и обратно к тетрадкам.

— Хватит тебе там шебуршиться, мешаешь музыку слушать. Что ты там ищешь?

— Да вот стихи снова на каком-то бумажном огрызке записал и не знаю, куда задевал. Спасибо Ленке, она старается сохранить. Ну ладно, когда придёт, спрошу.

— Возьми свой последний сборник, «Испорченный почерк», прочти что-нибудь из него...

Этот сборник однажды послужил причиной перепалки друзей. И скандалом её не назовёшь, но стреляные гильзы летели в разные стороны.

Давящим внутренним гнётом у Виктора, как и у многих творческих людей нового времени, оставалась неостребованность. Подмяла бытовуха народ, погасила любовь к тонкому, утренней росой орошающему человеческие души. А ведь дзэн-буддисты глубоко уверены в том, что творцом необходимо называть и того, кто умеет творить, и того, кто понимает творение...

После выхода в свет нового Витинового сборника Вячеслав решил помочь в его реализации. Взялся, изначально зная, что продавец из него будет неважный, и всё же... Пару недель спустя пригласил Казакова забрать деньги.

В физиополиклинике кабинет массажа разделялся ширмой на две кабинки. Во вторую смену Слава трудился один.

— Здорово! — раздался знакомый голос, разносясь эхом по пустынному коридору старинного здания с высокими потолками.

— Здорово. Заходи в правую кабинку, я только начал массировать мальчика, поэтому ждать ещё

долго. А у тебя, как всегда, заботы...

— Ну, так... — уверенно шагая, ухмыльнувшись, коротко ответил Виктор, входя согласно указанию в правый закуток. Положив что-то тяжёлое на массажную кушетку, перевёл дыхание.

— Видишь тумбочку, в выдвижном ящике лежат деньги, это твои. Там ровно тысяча, — не прерывая работы, напряжённо втягивая воздух, сказал массажист.

Гость взял ему причитающееся, не желая присаживаться, но и не пытаясь уйти, всё продолжал как-то топтаться на месте.

— А чем это ты там бабахнул, что принёс и куда тащишь?

— Да это я тебе ещё два десятка книг принёс. У тебя так удачно всё получается.

Зависла секундная пауза, ожидания — с одной стороны матерчатой ширмы и непонимания — с другой. Передышка длилась недолго, а затем началось:

— А известно тебе, умник, что семь из десяти книг я купил на собственные деньги и раздарил!

Виктор, сохраняя равновесие в тональности, и даже без малейшего намёка на угрызения совести, слегка улыбаясь, словно поднуркивая, произнёс:

— Ну, это всё потому, что ты дурной...

— А ну, забирай свои писульки и катись отсюда! Ты посмотри, нахал, нашёл торгаша, да мне за свою работу трудно цену назвать. Шуруй, чтобы духутвого здесь не было!

— Не ори, псих, — ответил гость, сохраняя спокойствие, забрал книги и, даже не попрощавшись, своим обычным размеренным шагом направился прочь из кабинета.

— Да, я псих и горжусь этим, понял! — и, уже уходящему, вслед бросил слова, понятные лишь

им: — Прав был твой покойный дед...

Разносясь эхом в пустынном коридоре, прозвучало их неизменное и коронное:

— Да пошёл ты...

— Сам ты пошёл...

(Дед Виктора до советских времён казаковал в должности сотника. Своему провинившемуся внуку, вместо наказания, с достоинством в голосе твердил: «Я твой дед — казак, отец твой — сын казака, а ты дерьмо казачье...»).

Спустя час-полтора массажист позвонил поэту и сказал, улыбаясь, слова, которые они иногда говорили друг другу и почти никогда — кому-то иному.

— Ты, конечно, человек неважный, но в разведку с тобой я всё равно бы пошёл...

— И я бы тоже пошёл... — отвечал без малейших обидок весёлый голос дружка.

Им часто задавали вопрос: где вы, такие разные, могли познакомиться, вы же не сослуживцы? Случайность чистой воды, понимаешь ли. По грустному совпадению мероприятие северокавказского масштаба наложилось на день трагической гибели Виктора Цоя. 15 августа 1990 года город Теберда собрал у себя неизвестных поэтов и бардов на три погожих дня. Палатки разноцветными пятнами хаотично рассыпались под раскидистыми кронами многовековых хвойных деревьев. Похудевшая на летний сезон одноимённая река встречала прозрачной приветливостью и обманчивым спокойствием. Теберда, схожая с прекрасным полом не только по роду, но и по своей непредсказуемой эмоциональности, ласкала слух плеском хрустальной воды, а тела — приятной прохладой.

Южная тусовка называлась «Горные вершины». «Концертный зал» приютился в уже успевшей взяться травой пойме временно отступившего русла. Участники и слушатели рассыпались в свободном выборе мест, заняв заранее принесённые стволы упавших деревьев. На сцене, сколоченной из неотёсанных досок неизвестными активистами, выступали две девочки-студентки. Под собственный двухгитарный аккомпанемент они исполняли весёленькую песню про запретную любовь к какому-то загадочному ёжику. По правую руку, сразу за лентой реки, кусты сочной зеленью сливались со смешанным лесом. Береговая линия, взяв круто вверх, переходила в Кавказские горы. Воспетые уже прославленными и ещё не известными, разместившимися на берегу поэтами и музыкантами, сверкающие на солнце седые вершины подпирали голубую небесную гладь.

Под ногами уже отстрелявшегося двадцатичетырёхлетнего Вячеслава слегка поскрипывала щебёнка. Прибывший из Солнечнодольска стоял, упершись гитарой в чёрные туфли и сложив на торце грифа обе ладони. Внимательно вслушиваясь в окружающее, почти бесшумно и едва заметно перемещался с пяточки на носок и обратно. По левую руку, в тени раскидистого дерева, предусмотрительная парочка лет так тридцати с небольшим сидела на надувном матрасе.

«Присаживайся к нам!», — по-приятельски, словно давнишнему знакомому, кинул фразу Славе Казаков. За что незамедлительно выхватил локтем в бок от соседки. Недвусмысленная гримаса сидящей рядом Люси Фисенко осудила без лишних слов: «Думай, что говоришь, человек ведь не видит». Однако тот даже и ухом не повёл. Не обращая внимания на полученную от тогдашней

его жены «шпильку» под рёбра, в том же задорном духе продолжил: «Повернись на 90 градусов влево и сделай пять шагов...»

...На сей раз, на берегу горной реки, Слава сделал эти пять шагов, как оказалось, навстречу многолетней дружбе.

Сходить в разведку им было не суждено, однако своё плечо они подставляли друг другу не раз. На гражданку вернулись давно, но разобраться, где легче, так и не смогли. На войне обстановка была понятной, там – опасность, угроза и боль. На таком несомненно кровавом фундаменте всё обстояло куда как прозрачно. Там, за речкой, имелась конкретная линия размежевания союзника и врага, надёжности и предательства, где боевая задача ясна, и, в любом случае, рано или поздно, её исход проявится. Дома, казалось бы, в мирное время, границы размыты, а зачастую втоптаны в грязь, будущее выглядит довольно туманно, и друзья, увы, оставались не поняты. Их не пугали трудности, безденежье и неудобства. Но напрягала жизнь с оглядкой нарваться на отсутствие взаимопонимания и подводные рифы людских поступков.

В один из ничем не примечательных дней Климов позвонил Казакову. По интонации знакомого голоса старший сразу понял душевное состояние младшего.

— Давай, Славка, ко мне, в своей берлоге я чувствую себя комфортней. Да и, как ты знаешь, лень – мой самый главный недостаток. Собираюсь, ехать в общественном транспорте совершенно неохота. Давай, ты ко мне...

Вячеслав спросил:

— Что с собой привезти? Говори сразу, всё равно

с Леной через магазин к тебе пойдём, ей будет так легче. Да и, насколько я тебя знаю, минут через пять однозначно перезвонишь и наоставляешь заказов. Давай, уточняй — творог, сигареты, мацони, что ещё? Отбрось свою ложную скромность, хотя у тебя и она отсутствует.

Даже пребывая в тусклом настроении, Слава не изменял привычке подколоть друга. Была у него такая манера общения — шутить даже в самых трудных ситуациях. Понимал на подсознательном уровне, что это и есть спасительный трюк.

— Кофе не вези, у меня его в зёрнах полно.

— Небось, тоже подарили?

— Ну конечно, ты же знаешь, я непритязателен и довольствуюсь малым, — растянул довольную улыбку Казаков. Хозяин не забывал давать заказы идущим, что совершенно не останавливало поток желающих провести время в приятной интеллектуальной беседе, да под качественную музыку, будь то поздняя ночь или утро, зима или жаркое лето.

Слава сидел за довольно приличных размеров столом, что выдавало гостеприимство небольшой кухни. Скатерть-самобранка, покрывающая «поляну», имела способность трансформироваться, но всегда выглядела нагромождением и отнюдь не грязной посуды. В творческом беспорядке на столе валялись какие-то бумажки с записями, зарядка для телефона, блокнот и всякие пишущие, но не режущие предметы. Возникающая необходимость в использовании стола по своему прямому назначению решалась довольно просто. Завалы бульдозерным способом сдвигались к стене и — садитесь жрать пожалуйста. Телоположение сидящего — локти в стол и поникшие «крылья» — без лишних слов определяло

настроение как ниже подошвы. Хотя тапочками шлёпал только хозяин. Пришедший от предложенной услуги на прокат отказался, при этом добавил:

— Не нуждаюсь в твоих лыжах сорок четвёртого размера, да ещё вдобавок и без лыжных палок. Ведь я тебе сто раз говорил: тапочек не ношу и твои мне на четыре размера велики...

В такие встречи Виктор, не обращая внимания на сказанное, терпеливо кружился вокруг друга, словно старший заботливый брат возле приболевшего младшего. Всё пытался как-то ненавязчиво угодить: то своё царское место на мягком пуфике у стола предложит, то сладость подсунет. Гость, которого по большому счёту и гостем-то не назовёшь, сидел, понутив голову, и словно смотрел перед собой в одну несуществующую точку. Казаков стоял у газовой плиты и уже в третий раз за проведённые совместные 60 минут варил в турке кофе. Застыл в ожидании кофейной пенки, немного сутуля спину, и вовсе не от своего высокого роста и низкой плиты, а больше от переживания за товарища. Удерживая медную посудину за длинную деревянную ручку, в который раз задавал себе вопрос: «Сколько же ему выпало пережить и сколько ещё предстоит?..»

Затем так же задумчиво, с горечью и болью от невозможности изменить случившееся на войне, процитировал старый фильм:

— Да пропади оно всё пропадом, и тёща, и Валет, и...

Сидящий за столом, не поднимая головы, так же тихо и ровно, в той же тональности продолжил:

— И твой кофе...

Старые советские кинофильмы, от детских сказок и до военных картин, они любили, устраи-

вая регулярные семейные просмотры перед телевизорами. Довольно часто в повседневной жизни использовали цитаты из понравившихся сюжетов. Кофевар, встрепенувшись, выпрямился и, радостно улыбаясь от блеснувшей надежды, промолвил:

— Значит, всё не так уж и плохо, если шутки понимаешь!

— Всё понимаю Витёк, и что унылость, распространяясь, подобно инфекции, влияет на окружающих. И что нет вины моих самых близких людей — доченьки и жены — в том, что меня достала мина. Однако после ранения, который год и теперь уже навсегда, чувствую себя подбитой птицей в темнице...

Слава медленно взял чашку, аккуратно поставленную перед ним на чистый стол. Кофе парил змеевидной спиралью. Сделав микроглоток, неторопливо опустил руку к столу и, облизнув губы, продолжил:

— Трудно достичь поставленных перед собой целей, но ещё труднее удержаться на достигнутом всю оставшуюся жизнь. Устал я, Витёк, устал... Но коль назвался плугом — врежайся в землю. Знаю, брат, знаю, что требуется делать, если желаешь выбраться из этого болота. Желание — это раз, не жалеть себя и не скулить на судьбу — это два.

Ненадолго приостановившись, повторил глоток ароматного крепкого кофе, аккуратно, стараясь как можно мягче, опустил руку на стол. Слегка подался назад и, словно сбрасывая незримую ношу, выпрямил спину.левой рукой поправил очки и к уже сказанному добавил:

— И третье — надо переключить мозг, заполнить башню чем-то положительным.

Словно боясь прервать ожившие мысли друга,

Виктор молча сидел на широком пуфике, забросив ногу на ногу. Не желая мешать с трудом разговарившемуся, держал ещё парящую кофейную чашку в руке.

— У меня от твоего ядрёного кофе каждая нервная клеточка звенит, — лёгкая улыбка словно начала плавить маску угрюмости на лице Славы.

Сменив тему, спросил:

— Я слышу, ты хромаешь?

— Да суставы болят, достали уже.

— В понедельник будь у меня в поликлинике, — затем он задумался и добавил: — В семнадцать тридцать.

Щёлкнул замок входной металлической двери, и в прихожую вошла жена Виктора Елена. Они поздоровались, и Витёк предложил:

— А не выпить ли вам водки? У меня в морозилке всегда для такого случая имеется поллитровка.

Гость ненадолго призадумался и, сделав одобрительный жест рукой, мягко улыбнувшись, согласился:

— А давай, завтра воскресенье, отвалиюсь...

После ухода боевого дружка Виктор, уже не вставая к форточке, сидел на своём любимом пуфике и с раздосадованным видом задумчиво курил. Лена тихо и несмело сказала и спросила одновременно:

— Славику тяжело, чем ему помочь...

Внимательно рассматривая удерживаемую в руке, давно изученную пачку сигарет «Пётр Первый», играя желваками, внезапно, до белизны в пальцах, судорожно сжал в кулак сопротивляющуюся упаковку и со злостью от безысходной горечи метнул её в газовую плиту.

— Не гавкать... Он сильный...

Вечером следующего дня громко и довольно бесцеремонно в дверь ударили трижды.

— Здорово!

— Здорово. Входи, ноздреватенький ты наш. (Казakov на самом деле обладал увесистым носом. Однако он его совершенно не портил, а даже наоборот). Вот тебе одноразовая простынь, вещи — на вешалку, не как ты привык у себя дома. И на стол, головой в сторону окна.

Виктор послушно разделся и, кряхтя, улёгся на кушетку. В кабинете неизменно звучала тихая музыка. Поправив тёмные очки, массажист встал из-за письменного стола и подошёл к распластавшемуся телу.

— Нет на белом свете справедливости! — шутейно, но совмещая с серьёзностью, тяжело вздохнув, проговорил он. — Человек не видит, а ещё должен лечить других. Вон, вытянулся на весь стол, как дышло...

Лёгким движением пальцев привычно пробежался вдоль позвоночника, надавил на тазобедренные суставы, отчего лежащий, поёжившись, заворочался. Не замечая недовольного бормотания, пальцы продолжали делать знакомую работу.

— А это всё потому, что ты, дылда, вымахал, как арматура. Вот когда ты зимой упал и сломал руку, небось, растянулся на два квартала. МЧС пришлось вызывать, чтобы собрать тебя в кучу. Я бы подскочил, как мяч, и отправился бы дальше.

— Ну да, и самое обидное, что из расстегнувшегося портфеля выпала и в снегу потерялась тетрадь со стихами, — грустно вздохнув, добавил: — Один текст так и не восстановил...

Под воздействием сильных пальцев больной, постепенно теряя терпение, начинал несмело

возмущаться. Пальпируя заднюю поверхность ног, массажист воскликнул:

— Да я о твои копыта свои пальчики сотру! Они и без того болят — не проходят. Ты знаешь, у меня в детстве была в колхозе корова, её ноги выглядели гораздо эстетичнее.

На что лежащий слегка приподнялся и, повернувшись, улыбаясь сказал:

— Слава, ну она же девочка!

Заглушая музыку, они дружно засмеялись.

— Я тебе на двери напишу: «Девушки и женщины! Будьте бдительны, у массажиста нежные, тёплые и сильные руки!», — продолжал шутить Виктор. И снова раздался смех.

Слава точным движением пальца ткнул в клавишу старенького и качественного, сделанного ещё в самой Японии музыкального центра — «Дживиси». Погасив музыку, сказал:

— У меня из головы не выходит закон о монетизации льгот. Замутили воду депутаты Госдумы, как всегда, насвистели народу, что всё для их же блага. Пятилетка миновала, а вместо обещанного достатка в каждый карман сунули кукиш. Я читал этот 122-й закон, ребят, потерявших ноги на войне, он лишает права на получение автомобиля. А ведь это — средство реабилитации. Причём что выкинули обезбашенные столичники: получившим травму на производстве льготы оставили, а ровно с такой же потерей у выполнявших воинский долг — отобрали.

Немного помолчав, по всему было видно, что слова ему давались с трудом, вздохнув, продолжил:

— Вчера по новостям из ящика прозвучало, что Россия простила Афганистану государственный

долг в размере 167 миллионов долларов.

Повисла пауза сострадания и сожаления. Обидно было бывшим солдатам за своих ребят. И за предательство на государственном уровне было тоже обидно... Виктор спокойно и уверенно сказал:

— Где много денег, там много гнили. Для меня Москва — столица не моей России, столица моей России — какой-нибудь маленький городок в глубинке, на Волге. Где чище, где меньше глянца и шкуродёрства.

— А давай напишем открытое письмо президенту Медведеву. Скелет текста в голове уже есть. От тебя требуется литературная обработка, острословия нам не занимать. Заодно потренируемся перед работой над задуманной повестью.

Виктор, без каких-либо эмоций, спокойно и тихо сказал:

— Давай, терять нам нечего. В пятницу отосплюсь после смены, и в субботу с утра приезжай ко мне.

Готовясь уйти, он осторожно привстал и, выпрямившись, щёлкнул суставами. Это были негативные последствия неосторожного прыжка с азиатского дувала — поясничный отдел Виктора почти всегда отзывался ноющей болью на любое неловкое движение. На ночной зачистке духовского кишлака, в полном снаряжении (это когда каска, бронежилет, за плечами — рюкзак, а в руках — автомат), не успевший сгруппироваться в кромешной тьме солдат жёстко приземлился на высохшую землю. С тех пор спина давала о себе знать.

...Всё получилось, как и было задумано. Субботние полупустые улицы напоминали недавнее советское прошлое, когда численность самокатов

и велосипедов на душу населения значительно превышала количество легковых автомобилей. Слегка отклонившись от привычного школьного маршрута, Вячеслав довольно быстро попал по месту назначения, в однушку на первом этаже. И уже в полдень друзья управились. Виктор, провожая гостя, пребывал в приподнятом настроении, а впрочем, и не только он. Приехавшая за мужем Лена, лицезрея сияющих «писателей», спросила:

— Отчего такие радостные?

— Да мы такое удовольствие получили, сцена походила на то, как ставропольские казаки писали обращение к московским конторщикам.

Возвращались домой в полном семейном составе. Держа лист перед глазами в раскачивающемся автомобиле, дочка Анастасия вслух зачитала послание...

«Обращение к президенту РФ Медведеву Д. А.

Здравствуйте, Дмитрий Анатольевич.

Давно уже собирался с Вами поговорить, да все дела насущные заедали. Теперь вот заели, и есть время для разговора. Я Климов Вячеслав Анатольевич. По отчеству, как видите, мы тезки, да и Отечество у нас одно. Хотя даже невооруженным взглядом заметно, что все-таки какие-то разные они, Отечества наши. А еще, Дмитрий Анатольевич, мы ровесники, и при иных обстоятельствах я называл бы Вас Димон, слушали бы вместе Деер Purple... Хотя мне ближе «Пинк Флойд». Но Вы, увы, Президент России, и Вы в глаза меня не видели. Я для Вас – никто... Народ... Но и я в долгу не остался. И по призрачному и несолидному закону совпадений, Вас тоже в глаза не видел. Я, Климов Вячеслав Анатольевич, участник Афганской войны, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, инвалид войны первой группы

по зрению, перехожу к сути разговора. Извините, еще одно немаловажное добавление. Я люблю свою семью, жену Елену и дочку Настеньку. Глазами я их не видел, но вижу сердцем. Вас я сердцем не вижу.

Прощать долги благородно. И вот прощен многомиллионный долларовый долг стране, в войне с которой пострадали тысячи не по своей воле мобилизованных на эту бездарную войну молодых людей. Ну, прощен так прощен. Да, видимо, в порядке денежной компенсации для пострадавшей казны провели мародерскую монетизацию льгот, и не строят дома, и у безногих отняли автомобили, и военную пенсию, всё это иначе, как афганскими чаевыми, не назовешь. И продовольственную корзину правильнее называть продовольственной сумой. У Вас, господин Президент, или глаз нет, чтобы это все увидеть, или же Вы попросту закрываете их на дела скорбные. Мы закрывали глаза совсем по другому поводу. Я, господин Президент, хочу называть вещи своими, им Богом данными именами. Имя этому – предательство. Нас предали. И, увы, не только нас, афганцев. А мы своих в беде не бросали.

Вам, господин Президент, дано и позволено многое. 15 февраля, например, многие годы — обычный серенький будний день, вдруг окрасился кумачовым цветом. Телевизор захлеб твердит о нас, нашей воинской славе. Наштампован из алюминия и бумаги традиционный юбилейный набор. Затрачены немалые деньги... А сказать Вам, Дмитрий Анатольевич, чем пахнут эти деньги?.. А пахнут они заживо сгнившим телом Сергея Лубянова. Годы спинальник-колясочник искал пути на операционный стол, а получал мотивированный на государственном уровне отказ. Мы с трудом

нашли нужные немалые деньги, да вот опоздали... Из петербургской ВМА пришел цинк.

А сколько спилось и повесилось в одном только нашем неблагополучном благодатном крае? Это мы на войну шли молодые и веселые. А сейчас мы иные. Но мы пока живы. Пока выживаем... Вам вопреки. Нет смысла напоминать точные цифры афганских чаевых. Вы их обязаны знать. Это запредельно трудно. А уж сходить в театр или на концерт, да еще в новых туфлях...

И все же мы покупаем туалетную бумагу. Человек, покупающий такую бумагу, надеется на завтра.

Надеясь на завтра, Вы призываете нас учить детей патриотизму. Но ведь дети не слепые... Они видят, какое отношение у Родины к их отцам... Сейчас, похоже, закладываются мины замедленного действия.

В обещания, как в сказки, мы никогда не верили. Поскольку слышали обещания ветеранам уже былинной Отечественной войны.

Извините, Дмитрий Анатольевич, но как-то расхотелось продолжать разговор. Пришло вот на ум то, что самый тяжкий грех ложится на того, кто мог сделать добро, но не сделал. Иными, козьма-пругковскими словами:

«Чрезмерный богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей с аппетитом собственную грудь у колыбели голодающего дитяти».

До встречи.

Русский народ Вячеслав Климов».

— А не боитесь? — спросили девчата у мужа и отца.

— Нет. Казакова я не сдам, а со мной, контуженным да прострелянно-залатанным, думаю, они

связываться не захотят. Дэрмократия, понимаешь ли. Вот и проверим так называемую свободу слова.

Письмо отправили во все государственные инстанции и всем лидерам политических партий. А в ответ – тишина... Трудно делать последующие выводы, а тем более, утверждать. Однако факт остаётся фактом, да ещё и зафиксированным на бумаге. Спустя год, 7 ноября 2011 года, Президент РФ Медведев Д. А. подписал федеральный закон о ежемесячной денежной компенсации получившим военную травму во время боевых действий...

Как известно, курс лечебного массажа длится в среднем 10 дней, что и позволяло друзьям встречаться практически в обязательном порядке. За окном второго этажа, изредка нервно гудя клаксонами, по узкой улице Ломоносова пробегали легковушки. Осмелевшие от вечернего спада автомобильного натиска птицы звонким пением нежили слух. В небольшом, но уютном кабинете, как всегда, звучала лёгкая инструменталка. Стараясь подольше сохранить массажное тепло, пациент-завсегдатай уходить не торопился и сидел, прислонившись к мягкой спинке стула. Начальник кабинета его не выпроваживал, о назначенной встрече они знали оба и вроде как ждали. Улучив момент, давая возможность отдохнуть утомлённому телу, массажист лежал на столе, забросив руки за голову.

У гостя приятным аккордеоном зазвонил телефон. Массажист, сливавшийся своей униформой со схожими тонами кабинета — синим линолеумом, светло-фиолетовыми стенами и голубой шторой, терпеливо пережидал привычную карти-

ну. Вскоре дружок начнёт заводиться, а затем и вовсе, повысив голос, перейдёт на нервно-командные тона. При одном условии: если звонят свои (за исключением дочери). Так получилось и в этот раз.

— Всё, я сказал, потом перезвоню, я у Славика в поликлинике, — раздраженно заворчал и «отбил» трубку.

— Ну и чего разоряемся? — не скрывая своего удовольствия, что вёл себя ровно так же вспылчиво, спросил младший.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Сто раз себе давал слово быть сдержанным и...

— И сто раз нарушал, — теперь уже повеселевшим голосом продолжил другой, перехватывая фразу и ухмыляясь.

...Сдавая свои позиции прохладной тьме, афганское солнце стремительно отступало от советского военного гарнизона. Временно теряя свою власть, пятившийся оранжевый диск откатывался за перевал Гиндукуш. Выдыхавшийся прямо на глазах уличный свет несмело поступал в проем тридцатиместной брезентовой палатки. Замполиты усердно твердили о временных трудностях. Но десятилетняя война, рисуя линии фронта, хладнокровно пристреливаясь, планировала совершенно иначе. Солдат сидел на армейской сетчатой кровати, заправленной колючим синим одеялом. Склонившись над расшатанной, с оголёнными углами тумбочкой, он застыл в не совсем удобном положении. Шариковая авторучка, оставляя синий след, словно юная балерина, покорно танцевала на клетчатом поле тетрадного листа. Лишь иногда она спотыкалась о принесённые

азиатским суховеем пылевые крупинки чужбины. Начинаящий же поэт внимал неизвестному зову. Послушная танцовщица изредка замирала, переводя дух, и снова кружилась в таинственно-божественном танце. И был этот двадцатипятилетний белокожий юноша, погружённый в творчество, одет в защитную форму и грубые кирзовые сапоги с рифлёной подошвой. Мгновенье спустя, вместе с погасшим солнечным светом, недоступное взору таинство растворится, и останется одетая в униформу молчаливая задумчивость.

«Убитых сегодня было больше, чем раненых, а значит, остался промедол...»

В Советском Союзе эти стихи ещё долгие годы будут под запретом. И лишь после разрухи, именуемой перестройкой, строчки вырвутся на свободу.

Стихи, облачённые в мелодию, приобретают иную жизнь. Песнь летит в более широкой и легко доступной плоскости...

1996 год, политиканы дерутся за президентскую власть. Жириновский сулит излишне терпеливому российскому народу в каждую хату по изобилию, а незамужним гражданочкам – по спутнику жизни. Ельцин прилюдно божится в центральных СМИ – в случае невыполнения не менее ярких, чем у Жириновского, своих обещаний, он положит руки на железнодорожные рельсы (пустобрёх не уточнил, чьи будут руки). В кампании под кличем «Голосуй или проиграешь!» участвуют певцы, артисты и спортсмены. Для убедительности нужны и люди из народа. Климов на предложение посодействовать – естественно, за деньги, – так же естественно отказался.

Вечером, в квартире на пересечении улиц

Ленина и Пушкина, по проводному телефону (мобильных ещё не существовало) раздался звонок.

— Здорово, очкарик!

— Привет, ноздреватый. И незачем так орать, слух у меня почти что в норме.

— Как жизнь?

— Ладно, давай, творческая личность, без лишних пустословий. Отчего такой радостный и что требуется? Ты же у меня как в приборе ночного видения.

— Вот поэтому-то я и называю тебя «очкарик», потому что они все слепцы. А вот ты моё фамильное достояние не трожь.

— Да нужен мне твой флюгер, ведь с нашими ставропольскими ветрами да пылью иметь такой нос — одни лишь проблемы. Ладно, давай к теме.

Здесь они ненадолго замолчали, и Виктор уже серьёзным тоном предложил дружку поучаствовать в гонке.

— Я же сказал, что в эти игры не играю.

— Мне нужно срочно вернуть долги...

Повисла пауза, Вячеслав, раздираемый противоречивыми чувствами, взвешивал не порадовавшее его предложение. А трубка тем временем тихо шумела и изредка щёлкала. Затем Слава, тяжело вздохнув, выдал:

— Согласен, но с одним условием. Мы не называем их имён и фамилий...

— А я им так и сказал, что со мной очкарик точно согласится! — выпалил повеселевший Казаков.

Час спустя, когда над городом уже зажглись осветительные и рекламные огни, в дверь настойчиво и продолжительно позвонили.

— Вот тебе стихи, завтра в десять ноль-ноль — запись в студии драмтеатра, — слегка хамовато, но

с уважительной задорностью сказал Виктор Славе.

И лишь потом познакомил со своим другом и оператором Львом Соловьёвым. Пребывая в полном недоумении и ошарашенный напористостью поэта, удерживая измятый листок и отшагнув назад, Слава сказал:

— У тебя башню заклинило? Для тех, кто на бронепоезде, напоминаю, что завтра мне во вторую смену на работу. И, что самое главное, надо выучить текст, сочинить мелодию и, соединив, всё спеть. Да не просто спеть для узкого круга, а для широкой публики...

На что гости лишь переглянулись, а Казаков, всё с тем же хамоватым уважением, как это мог сделать только он, похлопывая друга по плечу, с улыбкой добавил:

— До утра времени предостаточно, успеешь...

Визитёры ушли, а хозяин, озадаченно наморщив лоб, ещё продолжал стоять с недоумённым видом, замерев с листком в руках, размышляя вслух:

— Ну и зачем тебе это всё было надо, Слава?..

В музыкальной студии театра имени Лермонтова запись состоялась с третьей попытки...

...В кабинете массажиста словесная перепалка продолжилась.

— Ну да, я простой советский парень, простой советский комбайнер. Правда, в прошлом, а ныне — спиночёр. Как говорится, не умеешь работать головой, работай руками. Однако из себя интеллигенцию не строю, — и, взяв кончиками пальцев не существующие уголки воображаемого женского платка под своим подбородком, сgrimасничал: — Тю- тю тю... Имеете дома склады из запылившихся книг, чем форсите друг

перед другом. Заводите читательские билеты и с важным видом протираете штаны в библиотеках, — затем, словно вспомнив что-то подходящее к теме, ненадолго приостановил свою шуточную тираду, вскинув голову и имитируя важность, продолжил: — У меня тоже имеется читательский билет краевой библиотеки имени Лермонтова. Понял?..

— Откуда он у тебя взялся, наверняка фальшивка...

— Да пошёл ты. Ещё с времён учёбы в юридическом институте. Готовясь к сессиям, вынужденно посещали интеллектуальное заведение вместе с женой. Хотя, по совести говоря, от моего присутствия там было больше проблем, чем пользы. Она конспектирует тему, а я торчу, как скорпион на белой заднице.

— Белая-белая, как у попадьи, — прервал Виктор, вновь используя киношный афоризм.

Рассказчик сразу подхватил:

— А ты видел попадью-то?

— Доводилось...

— Брепешь...

— Давай-давай, продолжай, — словно извиняясь за прерванный рассказ, предложил старшой.

— Ну так вот, в читальном зале — приятная тишина и прохлада, лишь изредка слышатся шаги да шелест перелистывающихся фолиантов. Лена, стараясь не привлекать всеобщего внимания, тихо сообщает, что на меня подозрительно косятся люди. Вероятно, узрели во мне разгильдяя, везде, понимаешь ли, я как общипанный дятел. И мне ничего не остаётся, как, имитируя занятость, подделываться под окружающих. Ну я и взялся перелистывать страницы первой попавшейся под руку книги. Сижу себе, листаю листочек за листоч-

ком, словно обезьяна, пытавшаяся отыскать меж страниц спрятанный сладкий изюм. Я слышал, что в цирке именно так и дрессируют человекоподобных. И, о чудо, всё успокоилось, и проходимец потерялся в стаде мудрецов. Ты знаешь, что я заметил? — обратился он к дружку уже вполне серьёзно. — Находясь в людской толпе, будь то вокзалы, рынки и тому подобное, весьма легко засветиться. И, как ты думаешь, с помощью чего? — даже не пытаясь дождаться ответа, сразу продолжил: — С помощью осознанного бездействия. Пребывая в людных местах, я довольно быстро устаю от шума. Глазеть по сторонам, как все, не имею возможности в связи с отсутствием приспособления. Ничего не остаётся, как приступить к медитации. Успокаиваю дыхание, тело расслабляется и словно застывает, лицо становится постно-безучастным. Со стороны вроде как сплю, но и на спящего не похож. Спустя некоторое время люди начинают косо на меня смотреть. Жена или доченька, вроде как невзначай, шепчут, что я обращаю на себя внимание. Тогда я начинаю намеренно крутиться, чесаться или раскачивать ногой. И всё становится на свои места...

Казаков, с наслаждением слушая и улыбаясь, поднуркивая, предложил продолжать, не останавливаясь.

— Ая тебе не рупор перестройки.

— Давай-давай, может, что дельное услышу. В прошлый раз, побеседовав на тему трёхступенчатого понимания, вернувшись домой, даже стихи написал.

— Стоп-стоп, не лишай меня удовольствия потешить своё самолюбие. Это когда ты разорялся, что не въезжаешь в этапы понимания? И как я тебе, такому умнику, на пальцах объяснял, сравни-

вая этот процесс с морем. — Здесь Вячеслав показательно выпятил грудь и, вознеся указательный палец, перевоплотившись в знатока, продолжил: — Когда ты на первом этапе принимаешь информацию чисто интеллектуально, допустим, читая или рассматривая картинки с изображением моря. Второй этап — как внезапно возникающая вспышка, словно ты, находясь на побережье, видишь его наяву, вдыхая морской запах, можешь даже прикоснуться к солёной воде. И третий — последний — просто поплыл, ощущая каждой клеточкой величие моря... Давай-ка вернёмся к твоим стихам, читай, я слушаю более чем внимательно...

— Да я их снова не знаю, куда задевал, — опустив голову, грустно ответил Виктор.

— Мудак ваше благородие...

Нестандартный вид их общения многими воспринимался как развлекательное представление. Даже дочери всегда с умилением слушали отцовские перепалки.

...Поэт-лирик считал, что лучший подарок — это книга. Дарить книги из личной библиотеки Климовой-младшей любил он вдвойне. В эпоху компьютеризации встретить читающего книги становилось всё сложнее, а среди молодого поколения и того реже. Настя же книгоманила, как и он сам, поэтому поэт считал, что отдаёт свои сокровища в надёжные руки.

Девочка читала много. Войдя в книжный магазин и потеряв счёт времени, могла часами выбирать себе что-то новое. Новое не из бульварного чтива, а из литературы мирового уровня. Родители всегда ей удивлялись, в других лавках она быстро уставала и раздражалась от пристава-

ний назойливых продавцов. ЕГЭ по русскому языку в одиннадцатом классе, без репетиторов и посторонней помощи, сдала на 98 баллов. Узнав результат, с грустью сказала: «Папа, я сделала такую нелепую ошибку там, где никогда не ошибалась...»

«Ты просто, зайка, переволновалась, это блестящий результат — как для школы, так и для нас. Мы с мамой гордимся тобой...» Отец сразу, как и обещал, сообщил результат, позвонив Казакову. На что тот с радостью уверенно сказал: «Это оттого, что ребёнок с детства читает классику! Передай ей, она большая умница и красавица. Явно не в отца. Приезжайте ко мне, я приготовил ей книги».

На следующий день они встретились. Войдя в квартиру, шумно поздоровались. Поэт, пребывающий в приподнятом настроении, поднуркивая над отцом, вручил Насте стопку книг Есенина. Скромно поблагодарив, она взяла подарок.

— Ну, что напрягся? — похлопав отца по плечу, как всегда, с задорной дружелюбностью обратился Виктор к Славе. — Повезло тебе с ребёнком, сам, пожалуй, за свою буйную молодость «Три поросёнка» с трудом прочитал!

— Некогда мне тут с тобой рассусоливать, мы спешим.

— Куда ты вечно спешишь, наверняка продрых в своём уютном кабинете на массажном столе.

Сохраняя невозмутимый вид, Климов повернулся к новой блестящей двери. Как бы высчитывая, на какой высоте могла б находиться голова дружка, вывел указательным пальцем овал и ударил кулаком в воображаемый лоб обидчика. Металлическая дверь завибрировала и отозвалась жалобным гулом. Хозяин, улыбаясь и словно продолжая поднуркивать, предложил вести себя

поприличней. Затем, не удержавшись, поделился причиной повышенного настроения:

— Знаешь, какие я себе сегодня туфли на распродаже купил! — шлёпая домашними тапочками, подошёл к столу. С бережливой заботливостью взял пару летних туфель и, желая хвастануть обновкой, вернулся в прихожую.

Казаков любил красивые вещи. Мог подолгу бродить от одной товарной полки к другой. Даже на покупку, казалось бы, элементарных зимних перчаток всегда тратил массу времени, покуда не подберёт подходящее на все сто.

Климов, сохраняя молчание, послушно подставил обе ладони. Виктор со словами: «Смотри, очкарик!» (он никогда за все годы знакомства не акцентировал своё внимание на отсутствие зрения у друга) с самодовольной заботливостью опустил фирменную обувь на подставленные руки. Зная неординарность общения друзей, присутствующие замерли, ожидая чего-то новенького. Слава с загадочным лицом некоторое время пробовал обувку на вес. Затем, передразнивая дружка, бережно, двумя пальчиками, взял одну кожаную туфлю и, подкинув ее, пнул, как футбольный мяч. Та, подчиняясь команде, подлетела и, выделяясь чёрной кляксой на белой плоскости, прилипла к потолку. Будто осознавая, что она там совсем не к месту, с виноватым видом ненадолго задержалась и, согласно гравитации, полетела на пол. От неожиданности и стремительно разворачивающихся событий хозяин покупки остолбенел. Да, впрочем, и не только он. Покуда все ещё пребывали в оцепенении, гость подкинул оставшуюся туфлю и со словами: «Ты на что молишься, бездельник!» — с силой пнул и её. Та под ударом, кружась в дугообразном движении, отправилась в дальний угол.

— Да он сошёл с ума! — выйдя из ступора, закричал Виктор. — Настя, Ленка, как вы с таким придурошным живёте?!

Анастасия, застыв от фантастической сцены, стояла сияющая, по-прежнему прижимая подарочный набор к груди. Её серо-голубые глаза блестели восторгом. (На слова: «Климов, когда ты уже повзрослеешь?» дочка всегда шептала отцу: «Папа, пожалуйста, оставайся таким, не надо взрослеть»). Лена, жена разбушевавшегося, с улыбкой, однако страдальчески, произнесла:

— Да, Витя, вот так всю жизнь и мучаюсь...

И лишь только Елена — супруга поэта, шокированная такой манерой общения, продолжала стоять, переводя взгляд то на летающие туфли, то на мужа, то на невероятную семейку.

Обменявшись прощальным рукопожатием как ни в чем не бывало, друзья заговорили о деле:

— Послушай, очкарик, мне нужна твоя помощь.

— Короче, Склифосовский, без лирики.

— Как ты знаешь, у меня опубликован третий сборник стихов. В октябре будет презентация, приходите, и гитару захвати.

— Ты же не хуже моего знаешь, что я нервничаю до, во время и после таких мероприятий.

Казаков, посерьезнев, уточнил:

— Это мне надо...

И получил вполне ожидаемый ответ:

— Хорошо...

Субботним полднем, с трудом припарковав машину в центре города, климовская супружеская пара подошла к центральному входу в краевую библиотеку. Висевшее на большой двери маленькое объявление сообщало, что в связи с ремонтом — вход со двора. Нервным движением Вячеслав

отыскал телефон в кармане осенней куртки и раздражённым голосом начал с наезда:

— Казаков, всё у тебя не как у людей! Откуда нам знать, где находится вход со двора?..

Вскоре появился степенно шагающий и широко улыбающийся виновник торжества. Поцеловав Лену в щёчку, правую руку подал Климову для приветствия, левой дружески хлопнул по плечу и сказал:

— Не психуй, давай гитару и топай за мной.

Не выпуская ручки зимнего чехла гитары, тот сразу ответил:

— Гитару я тебе не доверяю, а впрочем, и никому, давай, показывай, куда идти.

Поднимаясь в сопровождении поэта по лестнице и увидев плакат с его фотографией, Лена восторженно воскликнула:

— Ой, Витя ! Какой ты красивый! Да в красной рубахе!

И, приостановившись, стала рассматривать красочное изображение. Аккуратным движением руки муж отодвинул жену в сторону и, подойдя поближе, плюнул в афишу.

Елена, растерявшись от неожиданной выходки супруга, воскликнула:

— Ты что творишь? Ведь люди смотрят!

На что тот, даже не задумываясь, с невозмутимым, но слегка проказливым видом произнёс:

— Это для того, чтобы нашего ноздреватенького не сглазили. Представь, сколько разных людей пялятся на него в течение дня. А ты что подумала? — обратился он к супруге, повернувшись.

Виктор, ухмыляясь художеству и находчивости друга, слегка подталкивая его в спину, добродушно поторопил:

— Давай, давай, иди дальше. Время уже начи-

нать.

В небольшом конференц-зале гудел собравшийся народ. За столом — так называемым лобным местом, слегка смущённые обилием людей, сидели Тузы — поэт Николай и его жена — прозаик Галина. Хотя — сначала прозаик, им она стала раньше, чем женой Николая. Супругов напрягала роль ведущих, им предназначавшаяся. Как и Казаков, они не любили помпезности и всячески старались этого избегать. Однако данной троице, известной своим творчеством в литературных кругах, сегодня раствориться в толпе навряд ли удастся.

Свернув резко вправо, Климовы быстро поднимались по редким мягким ступенькам в конец зала. Стараясь перекрычать ор, Виктор повысил голос и кинул удаляющейся семейной паре вдогонку:

— Славик, иди к нам!

На что сразу же получил многообещающий ответ:

— Нет уж, мне надо настроить гитару. Да ещё, как и положено на таких мероприятиях, я хочу слегка вздремнуть...

Вскоре люди стихли, виновник торжества, держа в руке свой новый сборник «Сентябрь в тёмно-синем», открыл встречу, связанную ещё и с его шестидесятилетием. Поприветствовав гостей, Виктор обвёл взором собравшихся и с присущим ему лёгким сарказмом произнёс:

— К сожалению, сегодня здесь отсутствуют оппоненты...

С галёрки не до конца заполненного зала, кликнувшись в возникшую паузу, забавы ради прозвучало отчётливое:

— А ты не беспокойся, трудности я тебе сегодня обеспечу!

И несложно было догадаться, кто продолжал вносить смуту в собрание местного бомонда и ему сопереживающих.

— Слава, води себя поприличней... — обратилась вполголоса жена к мужу.

— А вы мне, девушка, не указ. Понаехали тут... Житья от вас нет... — тихо, но опять-таки похулигански пошутил он, склонившись над гитарой и пытаясь услышать тонкий звук спаренных струн.

(Елена по отцу была осетинка, а по матери — украинка).

— Вот же зараза какая, я больше с тобой никуда не пойду... — шёпотом, также шутливо ответила она. Остроту его забав понимали далеко не все, в отличие от близких и друзей.

Не успела двенадцатиструнка после температурного перепада прийти в себя, как Виктор вновь обратился к гитаристу:

— Давай, Славик, с тебя и начнём!

— Давай! — быстро согласился он. — А то меня кондратий хватит...

Елена помогла мужу выйти и разместиться между притихшей публикой и литературной тройкой. По ранней договорённости с Казаковым, они с ним были одеты в светлые сорочки с длинным рукавом, строгие брюки с наглаженными стрелками и чёрные туфли. Представший перед залом быстро перебросил через голову широкий гитарный ремень и поправил инструмент. Стараясь успокоить себя, глубоко вдохнул и, шумно выдохнув, продолжил едва начатую встречу. По всему было видно, что слова ему давались с трудом. Рассказывал он об известном поэте, но мало знакомом присутствующим участнике афганских

событий. Во время исполнения «Цинковой почты» на небольшом экране шла хроника минувшей войны. Желая вывести слушателей из грустного настроения, между песнями под свои мелодии и на стихи Казакова, Слава вспоминал путевые случаи, связанные с их дружбой. Внимающий зал с оживлённым удовольствием принимал и грустное, и весёлое.

— Пресса достаёт нас обычно раз в год, — рассказывал Вячеслав, — в день вывода советских войск из Афганистана. И вот — очередная дата, которую и праздником не назовёшь, но и «чёрной цифрой» тоже, по мне, ей больше подходит — День памяти. Ну так вот, в телефонном режиме уже назревало предстоящее знакомство с корреспондентом. Не горю особым желанием копаться в воспоминаниях, да и журналистов, мягко сказать, слегка недолюбиваю. Эти пронырливые ребята в поисках жареных новостей не стесняются влезть в самое сокровенное, будь то личная жизнь или переживания травмированной души. Самочувствие участника во время интервью и после публикации их мало интересует. Выслушивая звучащее в трубке предложение о встрече, я напряжённо думал, как бы увильнуть. Терпеливо дожидался завершения слышимого уже не раз, и тут вовремя осенила замечательная мысль. «Вы знаете, — говорю журналисту, — я не могу в связи с плотным графиком работы в поликлинике. Но ситуация легко поправима, у меня есть знакомый, прошедший Афганистан. Поверьте, лучше Казакова об этой войне никто не расскажет. Да и вдобавок ко всему, на эту тематику он пишет стихи...» Удачно переведа стрелки, с лёгкостью называю телефонный номер Виктора. Считаю, что выигрышно завершил переговоры, сижу с упоённым видом, не скрывая весёлости от своей находчивости. Жена, видя моё

сияющее лицо, желает знать причину утренней радости. «Да я одним выстрелом от журналистов открутился и с ранья Казакову напакостил», — отвечаю, одновременно набирая его номер. Довольно часто мы связывались по утрам, используя скайп.

Обмениваемся дежурным приветствием, и я аккуратненько, но с удовольствием сообщаю новость. На что получаю вполне заслуженный и мало ожидаемый мною ответ: «Да я им ещё вчера вечером дал твой номер, сказав, что лучше Климова об Афганистане никто не расскажет. И добавок ко всему, он ещё и под гитару поёт на эту тему...» Имея счёт «один-один», мы рассмеялись и распрощались. На этот раз общения с прессой избежали оба.

Выступающий тронул струны, гитара покорно отозвалась богатым звуком, и Слава запел. Зал послушно перешел от совместного с рассказчиком веселья к сопереживанию поющему.

— Вообще-то, — продолжил он говорить, закончив петь, — мы хвалим друг друга довольно редко, даже, можно сказать, никогда. Но зато я ему часто говорю: «Ты, конечно, Казаков, поэт безусловно талантливый, но человек ты неважный...»

После сказанного Слава повернул голову влево и как будто бы сплюнул на пол. Публика взорвалась смехом. И, словно в доказательство произнесённого, два женских голоса, не удержавшись, воскликнули: «Да, это точно!»

На что Вячеслав, быстро развернувшись, обратился к сидящему за столом, широко и довольно улыбающемуся юбиляру.

— Видал, а ты говорил, что нет оппонентов, а нас уже трое. И ещё надо внимательно разобраться, чем это ты насолил таким прекрасным девушкам...

Слушатели вновь взорвались смехом. А гитарист, подстроив струны, запел. Завершая песню, на словах : «...Ворвался свинец и не отпустил. Скрутил и пригнул к земле...» голос заметно задрожал. Закончив исполнять, Слава снял гитару и, устало поблагодарив публику за внимание, попросил разрешения свернуть выступление. Сидящая в первом ряду пожилая женщина, видя его непростое внутреннее состояние, предложила глотнуть воды. На что Казаков громким голосом посоветовал заменить её на водку. Климов лишь молча перевёл взволнованное дыхание и отмахнулся, выражая всем своим видом и жестом руки их коронное и неизменное: «Да пошёл ты...»

Ровно год спустя их вновь собрал юбилей, но теперь уже — пятидесятилетие Вячеслава. Именинник встречал гостей в оригинально-стильных очках «Рей-Бен». Пару-тройку дней назад Казаков, не особо отличавшийся от своего друга по части выходов, опять-таки умудрился выкинуть номер. Зная, что сослуживец решил приобрести новые солнцезащитные, неизменно непроницаемые для посторонних взглядов тёмные очки, сказал: «Не мудри, у меня знакомая держит магазинчик, поэтому я смогу выбрать и по разумной цене взять, что понравится».

Вручение подарка осуществлялось довольно экстравагантно. Они договорились встретиться вечером после трудового дня. Супруги, выйдя из поликлиники, сели в припаркованную напротив центрального входа машину. Слава, придерживаясь договорённости, сразу отзвонился Витьку. Последний в этот момент находился в полулежачем положении, вдобавок ко всему — с открытым ртом, у стоматолога. Однако это ему вовсе не помешало остановить лечебный процесс и отве-

тить на ожидаемый звонок. Раздражённым тоном (по вполне объяснимой причине) выпалил: «Да я у стоматолога!» Продолжение своей чудесной неожиданностью застало врасплох даже Климова. На что уж он был мастак на такие штучки, но тут... В тишине автомобильного салона из мобильной трубки довольно отчётливо прозвучало обращение к доктору: «Я ненадолго отлучусь, мне так надо. Всего лишь пару минут». И тут же взялся объяснять Климовым, куда необходимо подъехать. Привыкшая к таким «бомбам» Елена завела двигатель и, влившись в суматошный автомобильный поток, выехала в заданном направлении. Благо, точка прибытия находилась буквально за двумя углами. Однако всё обстояло не так легко, как думал сорвавшийся со стоматологического кресла. Машина, соблюдая правила движения, проехала мимо стоящего на тротуаре Виктора и припарковалась немного дальше. На протяжении всей поездки мужчины продолжали телефонную словесную перестрелку. Вячеслав, правда, больше помалкивал, да и понятно, ведь ехал на примерку желанного подарка. Раздражённый голос Казакова слышался синхронно и из мобилы, и в открытую форточку: «Куда вы делись? Долго я ещё буду ждать?!» — разорялся он. «Да не ори ты на всю улицу! Разуй глазки-фугаски, даже я твои вопли слышу. Смотри внимательней, мы на чёрном кроссовере RAV4», — выпалил Вячеслав и «отбил» трубку. Дверь распахнулась и в салон ввалился раздосадованный Казаков. Хамовито плюхнулся на переднее пассажирское сиденье и, сменив тон на уважительный, поздоровался, но только с Леной. Быстрым движением вынул из кармана осенней куртки два футляра. Аккуратно достал и передал новые очки сидящему на заднем сиденье будущему имениннику. Тонированные стёкла

«Тойоты» позволяли без оглядок на любопытных прохожих спокойно заняться примеркой. Обновка соответствовала требованиям. Виктор таким же быстрым движением сунул другу ещё одни очки. Вячеслав опробовал, и снова с тем же положительным результатом. И тут началось...

— Я выбираю «Рей-Бен»...

— Бери и те, и те...

— Нет, мы так не договаривались, я знаю, сколько они стоят.

— Одни от меня, а другие от моей Лены...

— Нет, я так не согласен.

Казakov, вполголоса бранясь в адрес упрямца, схватил лежащие на автомобильной «торпед» два жестких чехла, слегка развернулся и со словами: «Подавись!», киданул футляры через левое плечо в потенциального юбиляра. Нервным движением дёрнул ручку и, даже не попрощавшись, громко хлопнув дверью, быстро зашагал, вколачивая каблучки в тротуар. «Эй, психопат, спасибо! А дверью будешь хлопать от своего холодильника! Привет Елене, и ждём вас в субботу к пяти вечера...», — крикнул Слава вдогонку.

Анастасия, увидев отца в обновке, помолодёжному оценила:

— Не кисло живут ветераны в нашей стране, «Рей-Бен» носят.

Для отца было достаточно, чтобы понять — подарок подошел.

— А это, доченька, ты сама знаешь, заслуга не государственная, а как там у Высоцкого:

«...Надеемся только на крепость рук, на руки друга и вбитый крюк,

И молимся, чтобы страховка не подвела...»

За праздничным столом они сидели рядом и,

как всегда, балагурили и смешили гостей. С учётом прошедшего Настенькиного дня рождения (за три дня до отцовского), Казаков, не изменяя привычке, подарил Славиной дочке книги. Подписал имениннице свой новый сборник, да не просто так, а в стихах, ей посвященных.

Когда гости слегка разомлели от выпитого вина и виски, Виктор предложил хозяину выйти на перекур. Прикрыв за собой пластиковую дверь, они перешли из гостиной на открытый балкон. В лицо ударил свежий осенний воздух. Гуляющий на уровне девятого этажа ветер не сразу позволил зажечь сигарету. Гость затянулся и выпустил светлое облачко. Подхваченный дуновением дым улетучился и бесследно исчез.

— Мне вот такого балкона не хватает. Неплохо устроился, очкарик, хата, вероятно, квадратов на сто будет, да с тремя балконами.

Улыбаясь в ответ независтливому гостю, Слава, соглашаясь, ответил:

— Спасибо твоему другу Михаилу Кузьмину. Будучи мэром города, многим «афганцам» с жильём помог. Они, вместе с тогдашним губернатором Петром Марченко, в одиннадцатиэтажке на Тухачевского три подъезда ветеранам боевых отдали. Во всей России такого не было и уже наверняка не будет. Где это видано, чтобы глава города приезжал на личной машине и возил семью, да в полном составе, по городским новостройкам. Мы тогда, выбирая квартиру, грязной обувкой ему все половички в «Вольве» уделали.

Медленно втягивая в себя дым, Виктор, тем не менее, наслаждался свежестью воздуха и любовался простиравшемся с балкона пейзажем. Не отрывая взора от раскинувшейся панорамы, с нотками благодарности в голосе произнёс:

— Да, Мишка хороший человек, и к вашей семье с большим уважением относится. Он теперь в Госдуме.

— Я знаю. А давай ему позвоним.

На что Виктор разочарованно ответил:

— Да у меня его номера нет.

— У нас всё под контролем и, естественно, имеется.

Переговорив с Москвой, они не торопились вернуться в помещение. Осматривая красивый пейзаж, гость спросил:

— Откуда наверняка Эльбрус виден?

— Да, справа, но только в ясную погоду.

— А что это за пруд за городом — среди холмов?

— Вообще-то в народе его называют Вшивым озером. Но я сомневаюсь, что оно изначально носило такое имя. Просто так уж повелось. Недавно я прочитал, что этот водоём — след ушедшего Сарматского моря, естественное бессточное озеро и ему более миллиона лет. Иные учёные связывают его название с обилием насекомых, которые обитают на поверхности воды: водомерок, циклопов и всяких там водяных блошек. А краевед Прозрителев считал, что сначала оно называлось Уши, в переводе с татарского — «три». Так татары нарекли найденный неподалёку крест, который был поставлен древними христианами. На этом озере во время перелёта всегда останавливаются для отдыха лебеди...

Приличие заставило друзей вернуться к столу. Но через часик они вновь стояли на прохладном ветру. Ребята, прошедшие огненный прессинг войны, теперь и давно принадлежали другому царствию. Они любили уединение, природу и животных больше, чем... Стараясь спрятаться от шума, незримыми тисками сдавливающими слух

и мозг, Вячеслав стоял, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене. Ему были под силу длительные физические нагрузки, но только не гудящее столпотворение. Ярко-светлая сорочка с коротким рукавом совершенно не препятствовала осенней прохладе освежать тело подобно бодрящему душу. Подпирая спиной гладко-ребристую плоскость, Слава замер, сунув руки в карманы джинсов. Маски приличия были сброшены, оттого-то друзья были настоящими, а значит, слегка грустно-задумчивыми. У именинника изредка нервно пульсировали мимические мышцы лица, что говорило об утомлённости и внутренней тягости. Утомлённой тягости, давящей, и не только затянувшейся вечеринкой. Молчаливо стоящий Виктор рассматривал ночной город. Засыпающие дома, подчиняясь сумеречной власти, гасили окна и постепенно растворялись в нависающей тьме.

— Устал я, Витёк. Трудно мне даётся работа над повестью. Тридцать лет старался спрятаться от воспоминаний, уходил от тяжёлого прошлого. Пью успокоительные. Руки трясутся, пальцы по клавиатуре не попадают. Иногда еле сдерживаю слёзы. Не думал, что будет так тяжело...

С внимательным пониманием Виктор слушал дружка. Оторвав локти от балконных поручней, выпрямился и аккуратно опустил окурок в стоящую на подоконнике металлическую банку из-под оливок. Спокойным движением вынул ещё одну сигарету и закурил снова. Теперь Вячеслав ожидал ответных слов.

— Знаю, Слава, знаю. Но только так можно сделать что-то настоящее, только через настоящую боль и переживание. Фальшь сразу будет видна. Душа должна быть обнажена, правда, от этого устаёшь. Я сам себе иногда говорю, что я так

пишу, как сам на себя донос. По такому случаю известный поэт сказал как-то: «Застегните душу, господин Есенин, это так же неприлично, как расстёгнутые брюки». От этого устаёшь и замолкаешь...

Виктор повернулся спиной к уснувшему в мерцании разноцветия огненных точек городу. Прислонившись к балконной перегородке, без интереса посмотрел на погасшую сигарету. Падающий сквозь тюлевые шторы яркий свет большого окна окрасил его одежду и задумчивое лицо в желтоватые тона. Взгляд Казакова проникал сквозь стекло и занавеску и даже как будто сквозь сидящих за длинным праздничным столом гостей. Недолго помолчав, он с грустью продолжил:

— Ты знаешь, у меня был в жизни период, когда я просто устал от потока рифм и слов, которые одолевали мозг. И в горячке усталости сказал: «Господи! Я больше не могу. Хватит!»

Даже и не заметил, как всё пропало... Проходит неделя, месяц, а в голове всякая всячина — всё, кроме стихов. И вот тогда я ужаснулся своему поступку. И вновь взмолился, но теперь просил прощения. Постепенно всё вернулось, так же незаметно, как и исчезло...

Друзья, понимая необходимость возвращения, не сговариваясь, засобирались. И уже перед дверью Виктор, чуть задержавшись и взглянув на друга, сказал:

— Обязательно пиши о своих переживаниях и размышлениях. Глубоко и, знаешь, просто вот как Владимир Семёнович Высоцкий. Открывайся в строчках ровно настолько, насколько чувствуешь сам. Я ж тебя знаю, эту границу ты видишь уверенно...

Вернувшись к гостям, дружки взялись за стру-

ны. Лет этак пяток назад они обменялись гитарами. Старший передарил свою двенадцатиструнку, требовавшую большего умения и навыков. Взамен получил тоже ленинградскую, но уже с шестью струнами. А сейчас инструмент переходил от одного к другому. Поэт пел как бог. Двенадцатиструнка ликовала и плакала, старательно передавая одновременно энергию и скрытую душевную боль афганцев. Поэт словно вбивал и вбивал последний гвоздь. Последний творческий гвоздь в своё распятие...

Подобно крупинкам песочных часов незаметно посыпались зимние дни, и неизбежно наступила весна. В день, когда по всей России миллионы людей ждали последнего школьного звонка, раздался другой, никем не ожидаемый звонок. Приятной флейтой мобильный телефон подозвал к себе Климова. В трубке грустный женский голос сообщил: «Умер Виктор Казаков. Сердце...»

Играя каждой клеточкой живущих, гуляла смерть. Сплетаясь с запахом сырой земли, текли последние вязкие минуты. Стоявшего поодаль Вячеслава пробирала мелкая дрожь. Волна нервозности, подобно ряби на воде, нарастала и ненадолго спадала. Прижимая платок к лицу, он старался спрятать судорожно пульсирующие мимические мышцы. В такие минуты над ним непременно властвовало тяжёлое ранение в голову. Пребывая словно в невесомости, он всё пытался и пытался вытянуть из остолбеневшей памяти стихи ушедшего друга. Та, отказываясь подчиняться, выдавала лишь: «...Ты, конечно, убит...»

...Заплаканная сотрудница краевой библиоте-

ки Маргарита Воронова сдавленным голосом обратилась к Лене Климовой: «Подведите Славу поближе, Виктор так его любил...»

...Развеваясь унылостью на лёгком ветру, триколор опустился траурным саваном на гроб. Выделяясь ровными геометрическими углами, он был схож теперь с солдатским погоном. Могильным колоколом трижды ударил почётный караул. Пронзив мозг и частоколobeliskов, рвануло эхо. Рвануло и быстро увязло в вечном покое каменных плит и чужих фотографий. Чёрным облаком над Игнатьевским кладбищем поднялось испуганное вороньё. Преодолевая озноб, Слава всё пытался оживить упрямые строчки. Находившаяся поблизости женщина предложила настойку боярышника. Открутила маленькую крышку и со словами: «Это спирт» вложила плоскую металлическую фляжку в Славину дрожащую руку. Сделав три привычных глотка и не чувствуя обжигающего напитка, вернул настойку. И вот – приятным теплом понеслась по жилам послушная кровь. И упрямая память вдруг ожила.

...Ты убит. Странно думать и страшно представить.

Опечатку... ошибку... исправят в конце-то концов.

Тем не менее, факт – тусклый рубль посмертной медали.

Тем не менее, факт – почерневшее чье-то лицо.

Вилки нет на столах... Видно, просто забыли про вилки.

Может, просто забыли включить электрический свет...

Тем не менее, факт – скорбный звон поминальной бутылки...

И склоненное знамя платка на моем рукаве.

Голубые мундиры брезгливо, как в общей уборной,

С элегантной подошвы счищали могильную грязь.

Ты, конечно, убит, если льются из медного горла
Золотые слова, что живым не слышал отродясь.

Стихли последние аплодисменты поэту. Бесконечно сыпавшаяся земля пронзительной дробью невыносимо долго давила на душу и слух...

По-прежнему не ведая усталости, крупинки календарных дней вращали жизни колесо. Отщёлкнув год, крутнулись вновь песочные часы.

Замкнувшись на ключ в 224-м кабинете массажа и плотно задвинув оконные жалюзи, Слава пытался спрятаться от людей и вновь пришедшей весны. Сняв тёмные очки и прикрыв ладонями лицо с засевшими в нём осколками, устроился, упершись локтями в письменный стол, глубоко погрузившись в себя. Мерцая световыми индикаторами, старенький музыкальный центр крутил лазерный CD-диск. Возможно, оттого, что Вячеслав играл на гитаре, знал и сам пел песни об афганской войне, слушал он их довольно редко. Воспоминания о службе накрывали под гитариста-виртуоза Валерия Дидюлю. Восточная музыка, сумевшая сохранить свою древность, во всех тонкостях передавала переживания и чувства побывавшего на этой земле: «Арабика», «Мираж» и неизменная «Дорога на Багдад» (переименованная им в «Дорогу на Саланг»). Принято считать, что родина у человека одна, но Афганистан для этих воинов навсегда остался второй родиной.

Перед Славой «лицом вниз» лежали две книги. Слева – небольшой сборничек стихов «Сентябрь в

тёмно-синем» Виктора Казакова. Рядом – ещё пахнувшая свежестью бумаги и типографской краской Славина автобиографическая повесть «Сон весёлого солдата», на обложке которой бронзовыми буквами были напечатаны стихи:

Афганистан. Осколки октября.
Незримые потоки теплой боли.
Ночным цветком взошла над минным полем
Моя последняя рассветная зоря...
Я вижу сны....

Через перепет «Сентября...» шел рисунок извилистой трещины на светло-зелёной стене, трещины, походившей на оголённый нерв. Слава сидел, слушая мелодию и погружившись в воспоминания.

...Красивое голубое небо не препятствовало светилу властвовать над землёй.

Высоко в поднебесье, распластавшись на восходящих потоках горячего воздуха, одиноко кружил горделивый «смотритель пустыни» – гриф-стервятник. Петляя между сопок, два бронетранспортёра с автоматчиками, вырвавшись на ровную поверхность чужой земли, прибавили скорость. Боевые пятнистые машины, сливаясь с местностью и сохраняя дистанцию, двигались след в след.

Выжженная саванна лежала, словно чистый лист бумаги. На горизонте зеркальной дрожащей кляксой блестел завораживающий мираж. Редкая, давно высохшая трава трухой оседала на землю. На пути показалось пристанище для кочующих пастухов – одинокая глинобитная хижина. Спешившиеся солдаты, лёжа на бронежилетах и пристреливая оружие, палили в дувал. Глубокая старая трещина разводила глиняную стену на две неравные половины. Расселина, олицетворяя след времени, походила на застывший извилистый

нерв. Врезаясь в иссохшую землю, она ползла сверху вниз и слева направо. Указательный палец привычно и мягко давил на спусковой крючок. Оглушительные выстрелы, нарушая вековой покой саванны, подобно кругам на воде возмущённым эхом плыли над её раскалённой бежевой гладью. Разбрызгивая земляную крошку и пыль, пули вязли в сухой глиняной морщине. Расползаясь от зримой трещины, война подбиралась к солдатам своими незримыми щупальцами. Приклад послушно бил в правое плечо. Трещины, пока что без боли, упрямой паутиной на стекле проникали в солдатские сердца. И чем глубже они впивались, тем больше чистое стекло юных душ теряло свою безвинную прозрачность и целостность. Война, не разделяя на своих и чужаков, монотонно увеличивая зону владений, обвивала людей паутиной боли, страха и смерти. Не имея представления о сроке давности, она сеяла разрушительный хаос во внутренний и внешний миры.

...Красивая восточная мелодия, с лёгкостью ветра надувающая паруса прошлых событий, всё несла и несла Славу в горно-пустынные дали... Память рисовала далёкую Азию, а он, не пытаясь избавиться от картинки воспоминаний, всё сидел, прижимая ладонями застывший след минувшей войны.

Жизнь одна

Подчас, сталкиваясь с недобрыми обстоятельствами и одолевая их, люди круто меняют жизнь: одни становятся ясновидцами и гениями, другие исцеляются от долгой болезни, третьи уходят от мирской суеты в отшельники, четвёртые обретают ту единственную, навсегда, любовь.

Жена Филина Ивана подала на развод и собиралась уходить. Он сидел на кухне молча, уложив большие руки на стол, перед чашкой остывающего кофе, а она, почти бесшумно, перемещалась по квартире, укладывая вещи, то появляясь, то исчезая в проёме двери. Ему подумалось, что беда эта случилась на целый мир одна единственная и именно с ним, Иваном Филиным, бывшим футбольным мастером, лидером команды, чемпионом страны, кумиром мальчишек, а теперь незлобивым скромным горожанином, словно приговор, словно проклятье за чьи-то грехи, словно рок, и оттого на душе стало ещё горше. Вспомнились её насмешки последнего времени над видом, одеждой, кривой походкой, речью,

**ВЛАДИМИР
ПЕТРОВ**

Проза

поведением, должностью. «Средненький учитель физкультуры средненького колледжа со средненьким окладом, которым помыкают все, кому не лень — от охранника до директрисы», — выбрасывала жена своим маленьким, как у ребёнка, ртом с тонкими яркими губами. При этом белел, как всегда в сильном раздражении, кончик носа и делался недобрый с прищуром взгляд. Она упрекала, что живут от зарплаты до зарплаты в районном городишке, который никогда не полюбит, живут скучно и серо, что спорт, которому отдал столько лет, кроме ежегодных нескольких недель, а то и больше в больнице, ничего не дал, что так будет завтра, и послезавтра, и через год — всегда. Даже в имени и фамилии его находила почву для издевки. «Ну, Иван, здесь нет вопросов, за версту по масти видно, другого не достоин, — говорила она, кривя губки, вибрируя голосом, вперив в него тот особый взгляд, который не любил. И фигурка её от ножки тридцать пятого размера до личика с мягким подбородком, с ямочками на щеках, с нежными мраморными ушками подтверждала то же. — А вот фамилия подошла бы, — тут она держала паузу, расслабляясь, довольная собой, точно актриса на пике спектакля, в финальной сцене, радующаяся окончанию, предвкушая овации, цветы, ужин, и с весёлым сарказмом, заканчивала, — «Простофилин!» И Ивану вклинилось и вросло в думы, что так и есть. Кто, собственно, он, что совершил выдающегося, к чему стремится, зачем вообще живёт?.. Он глядел в угол, где висела посудная горка, сработанная его руками из натурального дерева, лакированная, с виньетками и выдуманной, которой очень гордился, отделкой: углублениями, завитушками, овальчиками, с декоративными разделочными досками, массивными фигурными свечами, какие давно уже не

зажигали, с глиняной расписной вазой, а видел, как жена, выплескивая на него в очередной раз недобрую тираду, назло играет телом, голосом, жестами, словно дополняя сказанное, более и более утверждая, что права, и тем возвышая себя, но не мирно, простительно и с иронией, по-доброму, а напротив, жёстко и зло, будто, не ровен час, взметнётся, точно крылатое чудовище, и поразит огненным копьём. Казалось, она то лишь и делает, что ищет повод для замечаний, высказываний, обличений: стул не на месте, чашка оставлена на подоконнике, недомытые ложка или вилка в сушилке, одежда на спинке стула, а не в шифоньере, крошки хлеба на кухонном столе. И, войдя в раж, втягиваясь и втягиваясь всё глубже и глубже в ссору, вспоминая прежние, нанизывая их на общий стержень, казалось, читая его состояние, чувства, мысли, понимая всю силу своего действия, упивалась этим, подобно маньяку, насильнику над низвергнутой жертвой. А заканчивала ещё язвительнее: мол, предки были, возможно, и мудры, вроде упомянутой птицы, да на нём явно сбилась генетика, выдав брак... В застёгнутом кое-как халатике, непричёсанная, без макияжа она показалась в дверном проёме, упрекнув одну руку в бок, а другую красиво приложив к косяку. Иван поднялся.

— Вот и оставайся в своём учебном гадюшнике — платном отстое для недоумков, в городе, точнее, в большой деревне, с морем-лужей, не сравнимым ни с Анталией, ни с Египтом! — выкрикнула она, высмеяв и место работы, и место рождения. — До пенсии, если раньше не сопьёшься — спортсмен-неудачник! Ха-ха, губатый!..

— Но... — только и выдавил из себя Филин.

Надменно-насмешливый тон ни на секунду не менялся, говорила, как и вчера вечером, объявив

об уходе, накатывая и накатывая, весомыми, представлялось, доводами, твердила, что так жить совершенно невозможно, что общего у них нет, что она жертва, терпеливая и чистая, а то, что происходит в доме, угнетает всё более и более. И вправе, имеющая только одну неповторимую ценную жизнь, положить этому конец: сменить дом, работу, город, вернуться в родную столичную среду с другим укладом, мыслями, желаниями и возможностями, с театрами, концертами, кафе, ресторанами, с друзьями и родственниками, и ощутить себя, наконец, как прежде — молодой, красивой, привлекательной женщиной, вроде по волшебству оставила тот прелестный мир всего лишь на миг и — вернулась. Распирало грудь, перехватывало дыхание, энергией наполнялся организм, и невидимая сила толкала вперёд: глаза холодно блестели, она привычно отбросила лёгкой рукой длинные волосы, продолжила, отойдя от двери, с паузами, без горячности, делая гордые шажки, неся красивую спину значительно, будто ещё раз, на прощание, выказывала всю себя, точно укор, точно довесочек к сказанному. Иван также вышел. Походя, опять уколола тем, что не завели детей, находя это, как выразилась, мудрым шагом высших сил. Вот тут она говорила не то, что думала. Ибо, как любая замужняя женщина, мечтала родить. Но не складывалось, лечение не помогало, а врач в поликлинике — невысокого роста, толстый, неопрятный мужичок с маленьким наглыми глазками, небрежно, даже показалось, с насмешкой предложил верный способ — зачать от него. Тогда её чуть не стошнило, и успокоилась лишь дома, под душем, долго смывая, казалось, липкие и грязные прикосновения чужих рук... Села у трюмо, взяв в руки губнушку, кинула взгляд на Ивана, не открыв до сих пор того эпизо-

да, и продолжила с тем же напором и тоном. При сём он стоял, не переча, угибаясь и угибаясь, словно буква за буквой, слог за слогом, фраза за фразой, весь поток ощутимо давил на плечи — и делался меньше ростом, тоще объёмом, слабее. Только перебирал пальцами рук, давил подушечки от мизинца к большому и обратно, тёр друг о друга ладони, не зная, зачем, после расслабленно бросал их вниз и снова повторял действия. И, словно бы со стороны, с ужасом убеждался — да, жизнь его пуста и ничего не стоит; ну что ж, что мастер спорта, думающий футболист, с артистически-тонким дриблингом, молотобойным ударом с обеих ног, периферическим зрением, феноменальным чувством партнера, ну что ж, что объездил страну, поиграл в столице и за границей, ну что ж, что полстены в кубках, медалях, грамотах, но то — в прошлом. Сейчас же — болячки и существование с похожими один на другой днями, с однообразной работой по учебному расписанию, без ярких порывов, взлётов, неожиданностей, словно фотоснимок: когда ни взгляни — одно и то же... «Я ничтожный, я ничтожный, я ничтожный...» — толклось в уме, и нервы, какие всегда подчинялись воле, дали о себе знать. Он задышал глубоко и шумно полным содержимым легких, напряг жилы, мускулы и подумал, что может, защищаясь от несправедливых нападков, сорваться, ответить той же монетой, кольнуть грубым сравнением, наконец, выругаться, по-мужски, крепко, но природа характера говорила обратное, и лишь безмолвно, словно немой, сцепив зубы, мычал, чем ещё больше раздражал жену, и она взвинчивала голос... Представилось, не только здесь: посуда, мебель, книги, любимая видеоколлекция, грамоты, кубки, призы, но и там, снаружи: здания, деревья, скверы, шумящее море, воздух

тусклым видом говорили о его беде: «Ты — ничто, худшая частица человеческого рода, изгой, самый несчастный на свете!» А в мозгу болезненно билось: «Это — финал, матч проигран! Жизнь кончилась...» Филин никогда не задумывался, каково жене с ним, да время от времени отмечал не лучшие изменения: пропал девичий смех с ямочками на щеках и вспыхивающими ярким светом глазами, речь всё больше укорачивалась, точно стенограмма, без сердечной окраски, и отдавала равнодушием; рабочими новостями не делилась и не спрашивала о его делах; не шутила, подтрунивая над ним, а в постели отвечала на его ласки, как по обязательству...

Жена его была насыщенный тип метиски с пепельно-черным отливом волос, точь-в-точь как у цыганки, не хватало лишь цветка, и чёрными сильными глазами, которые в минуты близости источали какой-то завораживающий и пугающий свет. Складывался редкий особый вид, но и красота, и страсть, и манера ласк, и облик, и звуки в любовной близости имели манящий и одновременно подчиняющее-гнетущий уклон, настолько плотный, нервный, что, казалось, один неверный жест — и она взорвётся, точно граната, из которой выдернули чеку. В добавление природа в это создание, кроме ладно скроенного тела, отточенных деталей, делающих её совершенной — один к одному, античный образчик — достойных манер и воспитания в семье университетских преподавателей, воздвигла стержневой характер и натуру, не терпящую полутени, полумнения, полочувства; оценки и точки зрения её имели формы чёткие и крайние: либо — либо. Поэтому решение о разводе не могло быть иным, как только безоговорочным. И пришло не сразу: взвешенное и осмотренное со все сторон, оно сложилось, как любимый её пась-

янс перед сном, и было до времени упрятано, будто помещено в надёжный сейф, а значит, не подлежало замене. Филин это знал, как знал, что плетью обуха не перешибёшь, а жену не проймёшь ни мольбами, ни уговорами, знал, что в прощальный час, чтобы ни сделал: упал в ноги, взревел, как зверь, полоснул вены, бросился с балкона, глотнул яду — всё без толку. Знал, что эта особа — красивая и мягкая снаружи, но внутри твердее гранита, назад не повернёт, не отступит, а его потуги напрасны и смешны, словно набег лёгкого ветерка, пытающегося в знойный день создать видимость основательной прохлады. Но всё ж слабая надежда исправить дело, повернуть в свою пользу, не давала пропасть, ухнуть в тартарары, точно подпорка под валяющийся столб. И Филин всеми узелочками серого вещества, всем существом понимал, что жизнь его за день до отпуска, тридцатого числа, в воскресенье треснула, подобно ножной кости, по которой били и били каменной бутсой...

Иван вышел в прихожую, загородив собой проём. Через минуту жена, на изготовке, ни дать ни взять, бегун перед стартом, собранная, красивее прежнего, в дорожном брючном костюме, с легким шарфиком на шейке, в белых босоножках с острым высоким каблуком, с чемоданом яркой кожи, с сумочкой-косметичкой на золотой цепочке через плечо, появилась и замерла, словно не ожидала такого поворота, уставив холодно-презрительный взгляд с прищуром твёрдых глаз мимо него в дверь — бездушного свидетеля её победы и его поражения. Откинсь эта дьявольская филёнчатая створка — и мир рухнет. Но, как будто наслаждаясь собственной властью, или, что впрямь немислимо, сомневаясь, медлила, приняв стойку. Повисло странно-опасное молча-

ние, точно каждый в схватке умов, сил, характеров ждал выпада противника, чтобы сразить ответом; казалось, им тесно в малой площади и любое движение непременно достанет другого, а значит, решит поединок. Здесь вместились всё — любовь и ненависть, обида и прощение, надежда и отчаяние, страсть и бездушие, радость и боль... О, эта её поза и взгляд! Они говорили полно — Филин повержен. Да любящее сердце забилося, нервы зазвучали, он встрепенулся, впился отчаянным взглядом в густо-чёрные очи, ища в них хоть малую слабину, толику жалости, йоту сочувствия, бросился было отговаривать, вернуть, поднимая из жизни добрые порывы, дела, ходы, напоминая дни счастья, прыгая с мысли на мысль, взлетая чувствами и падая. И напрасно — от неё несло стойким холодом, как от ледяной мёртвой статуи. И Филин сник безнадежно. Даже если б не издавала и ползвуха, то работа мышц лица, посадка головы, блеск глаз и, главное, стойка фигуры — безжалостной и сильной — выдавали натуру, а заключила убийственную картину резко выброшенная вперёд почти что до его груди холёная ладонка с жутко-наманикюренными ногтями, вроде возведя между ними стену.

— Останься, прошу... — вымолвил он.

— Поздно, губатый! — вставив его кличку, проговорила она звучно и закончила шипящегрозно. — Уйди с дороги!

Он посторонился, и жена толкнула дверь. Филин дёрнулся с искажённой гримасой втиснуться то с одного, то с другого бока, чтобы отсечь путь, спросил, куда направляется, где искать, как ему быть? Она же твёрдо, молча, шагнула за порог, усмехнулась в ответ и, расправив красивые плечи, тронулась прочь. И ему вдруг послышалось: «Не ищи зря, Простофилин». Он догнал на лестнице,

нацелился вырвать чемодан, но жена откинула его руку и пронзила своим твёрдым, с прищуром, взглядом. Стук её каблуков колко отозвался в ушах, пока не пропал вовсе...

Женщина почти выскочила из подъезда, поставила дорогие вещи на скамейку, отдышалась и прислушалась. Но звуков, подобных шагам, не было слышно, клацнул сзади дверной магнитик и всё стихло. Это значило, что Филин не бежал за ней. И она осознала — вот он, конец драмы под названием развод, а то, что виделось там, на третьем этаже, за синей дверью с номером сорок два, достававшее до сердца, пронизывающее до пят, вдруг получило простое и ясное значение — в кошельке лежал билет на самолёт, пути назад отрезаны и можно упиться свободой и независимостью. Но это отчего-то совсем не радовало: не запела, не подпрыгнула, не завертелась на месте, как бывало в счастливом веселье — порыв как загорелся, так и приостыл. Она заострила слух — тихо, взяла чемодан, неторопливо застегнула лёгкий, по фигуре, пиджак, прикинула, куда двинуться к остановке автобуса: вправо или влево, шагнула направо, но, не дойдя до соседнего подъезда, развернулась, злясь на себя, взяла в другую сторону. Миновала детский садик, будку сапожника Ильи, где не раз чинила обувь, а хозяин — тучный, с голыми по локоть волосатыми руками с поломанными ногтями всегда наговаривал короб комплиментов, затягивая разговор, даже пытался как-то назначить свидание; у аллеи обернулась, кинула взгляд на дом — холодную блочную пятиэтажку, который только что оставила, и отчего-то защемило сердце. Движения ума и души никак не складывались, словно была какая-то неправильность, ущербность в её позиции; пробовала отбросить сомнительные мысли, но они, как саранча,

необоримо наступали и наступали. Казалось, прохожие — и те, что шли навстречу, и те, что обгоняли: женщины, мужчины, семейные и одинокие, молодежь и пожилые, с сумками, авоськами, колясками, мобильниками, сигаретами, с весёлыми лицами и не очень, говорили взглядами — вот идёт женщина, только что бросившая дом. Вспомнила, что подходит очередной срок лечения мужа в больнице, но теперь не будет её рядом, не будет посещений, передач, сидения у кровати после операций и болезненных процедур, держа его большую крупную кисть, не будет благодарного преданного взгляда. Не будет ничего... Она пропустила одну, вторую, третью маршрутку, оцепенело стоя лицом к углу кирпичного здания, из-за которого мог появиться Филин, но выходили не те фигуры. Она жалела то себя, то его, а то и себя и его вместе, но остановить катящуюся телегу событий уже была не в силах... «В чём же моя вина, что я такая?.. — твердила она в который раз, так же, как перед ссорами и после, в разговорах сама с собой. И пошла вдоль остановки, и обратилась назад, откинув волосы красивым привычным широким жестом, неся себя ровно, достойно, твёрдо. — Ещё б завела любовника? Так это не моё и никогда не будет моим... Что многого требовала, хотела? Верно, и не получила, что ожидала. Да разве он этого не видел, не понимал или не желал понять меня, женщину, свою жену? Эгоист-футболист, эгоист-футболист. Вот, вот, вот и ответ... — Почти что обрадовано, как будто разгадала какую-то сложную тайну, развернулась, расстегнула пиджак, глубоко вдохнула воздуха. — Надо переключиться на другое, зацепиться за что-то весомое и важное». Молодая, красивая и свободная женщина обвела взглядом знакомую округу, но мысли, точно под действием реле,

поставленного на возврат, кружили и кружили вокруг одного. Наконец неспешно села в микроавтобус и следила взглядом в заднее окно — мелькнул на развороте тот красный угол строения и исчез. Медлила с входом в аэровокзал, с регистрацией билета, с посадкой, пока чуть не случилась задержка рейса, а недовольная бортпроводница долго с укоризной смотрела на неё. Даже у трапа оглянулась, подумав, что пояись Филин в сей миг, и неизвестно, сделала бы она шаг вперёд или нет...

На восьмой день крепкого по-русски запоя Иван Филин пробудился с тяжелой головой, мутным сознанием. И опять окружающее встало перед ним чёрно-серым вязким пятном, сквозь которое наплыло строгое, без малейшей тёплой линии, точно маска, лицо жены. Он лежал один, да семейное ложе, пожалуй, что, во всех домах, ещё хранило запах женского тела, остро напоминая, что произошло. Иван повернулся на бок, упёрся глазами в рисунок ковра, да ромбики, завитушки, цветочки, раньше милые и симпатичные, теперь не радовали, вроде грубой мазни. Поднялся, нашарил босыми ступнями тапочки, но отбросил их и, чувствуя паркет, прохладу, дошедшую, кажется, до темечка, двинулся по квартире вяло и тихо, как после очередной ссоры. Сознание жизненного поражения было унижительно и глубоко влезло под кожу, потекло по артериям и венам, объяло кости, будто проказа. Стал у трюмо: губы показались ещё более вывернутыми, ещё более пухлыми, точно после драки, левая бровь рассечена и сшита не однажды, нос поломан ещё с молодёжки и свёрнут чуть в сторону, глаза почему-то были разными — левый уже правого и тусклый, будто с бельмом. Он зажмурился, покачал большой, начинающей лысеть головой и, замычаяв

глухо и печально, уткнулся лбом в прохладное стекло. «Разве можно такого любить? — мелькнуло в голове. — Добавить горб и — готов Квазимодо». Отлип от зеркала, потянул вперёд одну, другую ногу, повторил действие, не глянул в сторону коробок с фильмами чемпионатов, тетради с выписками, вырезками из газет и журналов, вдруг остановился, точно наткнулся на преграду: запах, тот домашний, от духов, одежды, тела жены, воздух, которым дышали — добрый, тёплый, милый, словно третий член семьи, не улёгся, а сделался будто бы нарочно сильнее, ярче, плотнее и откинул назад, в лучшее время. Точно горячая волна, нашла, встряхнув и выведя из ступора, картины близости: он крепко обнимал точеное, как у гимнастки, тело, целовал страстные губы, нежные ушки, атласную шейку, слышал любовный шепот: «Милый, милый, ещё!.. Крепче, сильнее, слаще!..» Жена покусывала игриво подбородок и влипалась почти что вся в его большое тело, прервав дыхание, и закидывала красивые голые руки за голову в истомной неге. Он был счастлив, и ревновал, ибо не раз в компаниях или толпе замечал мужского пола характерные взгляды, нацеленные на неё. Филин слонялся по дому, и мысль ни на чём не могла задержаться, как лишь на своём горьком положении. Вчера, позавчера, три дня назад, неделю он вливал в себя очередной стакан, чтобы уйти от терзающих дум, но алкоголь не спасал, лишь, подобно наркотику, на время глушил боль, отправляя его в какое-то иное мирообразование, и возвращал ещё более поникшим, угрюмым, злым. Снова бесцельно и понуро задвигался по квартире. Мысль, что мир жесток и несправедлив, всё упорнее и упорнее теснила мозг, выдавливая нетронутые, будто в потайных точках, добрые и чистые думки. Иногда что-то из того

счастливого времени и проникало в тяжёлое сознание, но коротко и слабо, точно случайный и неверный сигнал телефона. И этот всплеск чуть оживлял его, вроде докторского укола при травме. Потерю семьи объяснить не умел. «Почему, почему это произошло именно с нами?.. Я ли виноват, или она? Два разумных существа, отчего портим себе жизнь за просто так, тратим нервы и время, угождая самолюбию, эгоизму, вина друг друга, требуя, доказывая и делая не так, как надо было?» — который раз спрашивал он себя, волоча ноги. И мучился, ища среди массы возможных догадок и версий подтвердительно верную, и не находил, точно бился в тупиковом напряжении, собирая пазл, а тот, как на грех, не складывался. Факт, увы, оставался фактом — нелепым и ужасным... Конец десятилетней совместной жизни можно было объяснить тем, что жена сменила учительскую на кабинет в администрации, и общих разговоров, как водится среди педагогов, не стало, тем, что Иван чаще и чаще уединялся за письменным столом, много читал о футболе, выписывая интересные мысли в особую тетрадочку-блокнотик, а она не пропускала ни один телесериал, тем, что стала разбираться в заморских винах и закусках, грезила Мальдивами и Бали, а он не понимал, как можно ехать к другому морю, когда своё под боком, тем, что ушли в прошлое вечерние прогулки по набережной, игра в подкидного перед сном, тем, что открылись ранее не замечаемые диаметрально противоположные привычки, взгляды, мнения, тем, что с детства, научившись играть на гитаре, влюбился в классическую музыку, а она ещё с музыкалки её терпеть не могла, тем, что ужены пошли задержки со службы, командировки, странные, с долгими молчаниями при нём, телефонные разговоры. Её раздражал его ночной храп, разговоры о футболе,

почти ежедневный пересмотр наград, грамот, кубков, призов, какой называла «стояние у стены плача», но более всего ненавидела молчание в ссорах — безропотное и тупое, как у животного, и тот, в глубине зелёных глаз с выпирающими надбровьями, то и дело вспыхивающий твёрдый и презрительный огонёк. И участились размолвки, чаша непонимания супругов наполнилась изо дня в день, они отдалялись и отдалялись друг от друга, подобно двум рукавам реки, разошедшимся в силу всяких причин: изгибов местности, земной тяги, человеческих рук или природного катаклизма. Это были уже не те мужчина и женщина, вышедшие когда-то из ЗАГСа полные любви, надежд и стремлений, он — известный спортсмен, лидер команды, кумир пацанов, она — завидная невеста, победитель конкурса учителей, первая красавица, и не те, что ещё недавно не мыслили врозь и минуты и не могли наглядеться друг на дружку — Котик и Мышка, так любовно друг друга называли. Но определённо те, что не целовались при расставании и встрече, не желали спокойного сна и доброго утра, те, что за столом отмалчивались по большей части, а выходные проводили врозь: жена, не объясняя, исчезала надолго, а Иван то часами просиживал в библиотеке, то заглядывал в винный погребок или спортбар пропустить стаканчик, о спорте поговорить, вспомнить молодость, то устраивался в любимом кресле у торшера и смотрел фильмы с матчами...

Небритый и помятый Иван, чувствуя сердце, выбрался на балкон, закурил. В голове было пусто, тело потеряло упругость, колени слегка подрагивали, горло пересохло, как после отобравшего все силы матча. Привычные звуки, несшиеся из-за сетчатого забора детского сада напротив, прежде лёгкие и весёлые, сейчас раздражали до болезнен-

ного чувства. Он поморщился, ибо заныл, как обычно, по утрам, позвоночник, подтверждая любимое присловье: «Физкультура лечит, а спорт — калечит», поскрёб щеку, закурил вновь. Филин не чувствовал жизни, точно потерянный и отверженный всеми. Хмуρο глядел с высоты и ненавидел мамаш в джинсиках и наушниках, чуть ли ни волокущих своих чад под зелёную крышу, воспитателей, с ленцой встречающих детвору, ненавидел завхоза — толстую, переваливающуюся при ходьбе с бока на бок женщину, в молодости, по видимому, интересную, в нелепом парике, невзрачную дворничиху с метлой, повара — щекастую деваху, курящую с напарницей за углом столовой, заведующую — строгую даму в дорогом костюме, стоящую на крыльце уверенно, похожую на актрису-полковника из детективного сериала; ненавидел и утро с редкими облачками и ветерком — явными признаками жаркого дня и тёплого моря. А в нём всплывал тот же вопрос: почему?.. Казалось, что-то невидимое, злое и огромное, жмёт сердце, точит мозг, давит на глаза, уши, плющит тело, норовя смять до молекулы, а свет тает и тает, будто бы округу накрывает непроницаемая тьма. Тупиковые ситуации и раньше мучили, да не так остро и безнадежно. Вспомнилась мамипокойница: бывало, в детстве прибежал к ней с бедой и тем же злосчастливым вопросом, а она прижимала к себе, гладила по головке, целовала макушку и шептала мягким голосом, точно уговаривала: «Значит, это должно быть. Смирись, сынок, так угодно Боженьке!» И Ваня удивлялся и не мог понять, отчего этому неизвестному Боженьке, лик которого в тяжёлой раме в углу под потолком, где мама по утрам молилась, угодно, чтобы его, доброго, смиренного мальчика обижали старшие ребята, или чтобы разбил, падая, колено,

или слёг в постель с простудой?.. Встала перед глазами первая с будущей женой встреча: после выигранного матча, в котором он, городская знаменитость — высокий, статный, с мощными бицепсами и торсом, трижды поразивший ворота противника, а один раз коронным ударом «ножницами» через себя, ревущая чаша стадиона, и она — безумно ослепительная, яркая, передавшая букет цветов с запиской «Я Вами восхищена!», а вместо подписи — номер телефона... «Куда всё то пропало!..» Филин затянулся глубоко и шумно, пальцы сжали перила, тело напряглось и подсело, будто вот-вот рванётся вперёд, но не к мячу в атаке, а вниз, к смерти; голову замутило, в виски ударила кровь. И спокойный тридцатилетний мужчина двухметрового роста всеми клеточками плоти, извилинами мозга и тем, что позволяло работать, чувствовать и мыслить образами, какие способен был нарисовать, возненавидел хозяйку красивого тела, нежную, манящую и любящую страстно, до дна, подругу, возненавидел женский род, да что там род — весь белый свет! Жизнь опротивела... Сколько хватило сил, он оттолкнулся, бухнулся всей тушей на табурет, сунул в зубы очередную сигарету и принял спиной к прохладной стене. Взгляд поплыл по округе: в соседнем доме здоровяк в одних плавках, выходящая по лоджии, смеялся в телефон, весело играл крутыми плечами, бицепсами, мышцами живота, будто атлет-стриптизёр в ночном клубе, откидывая назад шевелюру, и был, по всему, доволен собой и жизнью; в блочной пятиэтажке напротив, сидя на подоконнике открытого окна, блондинка в лёгком халатике курила, держа красиво тонкую сигаретку, а заметив Ивана, игриво махнула ручкой и упорхнула; внизу по тротуару, смеясь, повизгивая и гогоча от какой-то дешёвой байки,

пробежала стайка молодёжи. Филин ещё больше нахмурился, вспомнив тот прощальный лик жены, слова, жесты, и безразличие ко всему, и бессилие овладели им. А боль в спине, мысли о палатах, уколах, микстурах и теперешнее одиночество напрочь придушили все чувства. Хотелось тут же грохнуться об пол, впасть в сон и не проснуться никогда. «Всё кончено, — подумал он с силой и, выплюнув сигарету, потопал обратно, кинул тусклый взгляд на зеркало, будто попрощался сам с собой, допил вино и упал в кровать. — И жить не к чему!..»

Вечер уже обозначился той прелестью видов, звуков, запахов, какая присуща лишь приморским курортным местечкам в середине лета. Вот-вот потухнет небо, и неопределённо-зыбкий, таинственно-милый воздух займёт всё пространство над землёй, обнимет аттракционы, кафешки, парки, скверы и праздный народец, выползший из душных стен на волю и плывущий ручейками и реками по дорожкам и аллеям в поисках пищи и зрелищ.

Молодая стройная женщина, покинув корпус санатория, везла коляску с больной дочерью сосредоточенно и отрешённо. Затем молча, не глядя по сторонам, повернула к центральному пляжу, а ступив на тёплый песок, энергично, решительно, резче обычного толкала перед собой груз, точно пребывала не в духе или чем-то недовольна. Теми же нервными жестами, не медля, как будто жгла одежда, скинула её с себя, раздела девочку, взяла на руки.

— Опять она, — промолвил, заметив прибывших, Валерий Павлович Нелепкин, главный на спасательной станции. — Третий день кряду.

— Фигуристая, — подхватил его помощник,

студент Влад, уследив направление внимания шефа. — Но нервная.

— Во-во, это и беспокоит, разрази меня гром, — протянул Нелепкин, не отрываясь от бинокля. — Не хватало только в конце дня какого-нибудь ЧП.

Палыч, так с непременным уважением величали его все, кто знал, бывший моряк торгового флота, борец-разрядник в молодости, служивший массажистом в детском санатории, а в курортный сезон ещё и на спасвышке, неспешно обзревая пустующую к вечеру территорию, а в голове сложилась задача: определить на постой неожиданно приехавшую давнишнюю пассию — фигуристую девицу из Тамбова. Правда, случилась накладка — вечернее свидание с курортницей из ближайшего дома отдыха. Он задумался, ища выход, помял мясистое, как у всех борцов, ухо, лёгкая дрожь, даже не дрожь, а приятная волна пробежала по крепкому телу, и душа сорокалетнего мужчины, имеющего две стойкие и приятные слабости — вино и женщины — чуть колыхнулась. Сладостная улыбка тронула загорелое, с припухшими подглазьями и густыми выгоревшими бровями лицо, он напрягся, будто проверяя собственный мускульный заряд, и с удовлетворением истомно расслабился, точно после долгой любовной близости. Палыч имел собственный домик с виноградником, какую-никакую пенсию, работу, и каждую осень, бродя по пустынному дому, давал себе слово прервать холостяцкое существование и в новый сезон обязательно жениться. Но наступала весна, потом лето, один курортный заезд сменялся другим, и женщины мелькали. Он втягивался в этот приятный водоворот, круг замыкался, туманом затягивалось обещание, и снова приходила дождливая осень, и снова, бесцельно и одиноко меряя шагами любимый домик, давал себе

слово... Тут Влад, показал часы и постучал по стеклу ногтем мизинца, мол, пора, конец работы. Палыч встрепенулся, согласно кивнул, что означало команду собираться: навести порядок на объекте, уложить инвентарь, дать сигнал второму спасателю Сергею, дежурившему у буйков с моторкой, на возвращение. Солнце вот-вот должно было упасть за линию, где море сходилосъ с небом, притягивая народ сим явлением, сродни какому-то с необычной яркостью и красотой древнему обряду, будто не раскиданы по земному шару миллиарды душ с суетой пыльных городов, вокзалов, аэропортов, ресторанов и прочих благ цивилизации, а есть лишь море-океан, светило, как огромное, магическое, всесильное божество, и стайка дикарей-аборигенов в оцепенении и преклонении. Валерий Палыч навёл бинокль на зону купания: две-три головы ещё виднелись там, а Серега медленно правил назад, перевёл объектив ближе, к грибкам, и невольно задержал взгляд. Молодая женщина у коляски курила, пуская неумело дым в сторону. Он не любил курящих дам, и с первого дня настроился против незнакомки. Но, несмотря на это, на дубильность и просоленную шкуру закаленного моряка, много чего повидавшего, и характер не из слабых, подобные встречи, а в санатории сталкивался с ними постоянно, скребли сердце. И он поморщился. Ещё вначале по привычке отметил красивую фигурку незнакомки, явно тренированную ровную спину, посадку головы, но в походке и в движениях тонких рук и тела виделась надломленность, смирение и усталость человека, долго ходившего за больным. Женщина меж тем сбросила с головы косынку, и та, спланировав, упала мимо сиденья, вернула дитя обратно, словно передумала купаться, закашлялась. Затем бросила окурок в урну,

почти выдернула девочку с места, прижала к себе, поцеловала и, глубоко давя песок красивыми стройными ногами, направилась к водной кромке. И Палыч каким-то шестым чувством уловил напряжение и резкость в действиях, как будто два человека — мать и дочь — в ссоре, и воздух, наполненный грубыми словами, неприятием и отчуждением, порывами как перед грозой, летел от них. Но ни ползвуха не исходило от пары — молча и согласно, как одно целое, они стремились к темнеющей глади. Вдруг Диана, так звали молодую женщину, остановилась, бросая взгляд то на дочь, то на морскую даль, точно раздумывая, безвольно опустив красивые плечи и тонкие руки. Видимо, серьезная мозговая работа шла в ней, ибо нервничала, то и дело озиралась, переступала ногами, тронула спинку ребёнка, будто поправляя купальник. После распрямилась, передёрнула плечами, повела резко головой из стороны в сторону, вроде как пыталась отбросить ненужные мысли, замерла.

Биография её ничем не отличалась от биографий многих других сверстниц, росла смиренной и послушной, с мягким характером и в том большую роль сыграло то, что родители: мама — главбух солидного треста, папа — директор успешного заводика, воспитывали ребенка в рамках формулы — ограничение и дисциплина. Причём, каждый видел в ней продолжение себя, своего пути, своего характера и взглядов на жизнь. Для общего развития решено было приобщить девочку к искусству, и по совету приятельницы-театралки, обратившей внимание на чувство ритма, музыкальность и лёгкую фигурку, будто рожденную для танца, её отдали в кружок балета. Здесь судьба явила свой характер, способности дочери ярче и ярче проявлялись, успехи отмечались специали-

стами, и Диану приняли в балетное училище. Упорство и труд вкупе с ограничением и дисциплиной, как инструменты резчика, из грубой заготовки творящего нечто прекрасное, сделали свое дело, превратив неказистого подростка в яркую балерину. Этот зигзаг нарушил родительские планы. Однако почтенная чета несколько успокоилась, когда принятая в лучший театр Диана заняла место в заднем ряду кордебалета, почти не отличимая от других. И рассудили, что уязвлённая дочь отступит, и с танцами, наконец, как с безделицей, будет покончено. Да маховичок судьбы повернул наоборот — юное существо не сдалось и не смирилось: станок, растяжки, упражнения и тренировки, работа до седьмого пота, до изнеможения, как будто задалась целью обессилить, уничтожить себя физически — и так изо дня в день, из неделю в неделю, из месяца в месяц. Диана имела невысокий рост, курносый нос с тонкими ноздрями, слегка оттопыренные уши, за которые убирала гладкие черные волосы, маленький сжатый рот, который редко растягивается в улыбке, широко поставленные глаза, ни прямоугольное, ни овальное, ни круглое лицо с чёлкой. Дополняли картину худые руки и тонкая длинная шея с россыпью мелких родинок. Её нельзя было назвать красавицей, ибо отдельные детали были резковаты и не привлекали. Да преображал танец: являлся густо-ровный румянец лица, точно нанесенный искусным гримёром, рдели ямочки-вишенки на щеках, блестели по-особому глаза, мелкие зубки алмазно сверкали, жесты и телодвижения были плавны и совершенны — она делалась красивее, чем есть. И вскоре пробилась в первый ряд, участие же в конкурсе и победа в нём подняли её до солистки, а гастролёр, столичный премьер, красавец и ловелас с мощным прыжком

и магнетирующим взглядом, выбрал в партнерши на свой спектакль «Дон Кихот». Она танцевала партию Китри в красной пачке и чёрном лифе, с красными же цветком в волосах и такого же цвета веером так упоительно, так красиво, с душой, выжав из себя всё, как в последний раз. А в заключительном выходе, с улыбкой, которая из лица сделала чудный лик, и с наслаждением, играясь, легко, воздушно, точно не было под ней пола, прокрутила тридцать пять фуэте, подняв на ноги весь аплодирующий зал с «браво» и «бис». Это было феерично и упоительно: худенькая девушка, почти девчонка, с чёлкой, одними ножками, волшебной головкой, взглядом своей героини, непостижимо сумасшедшими вращениями, мягкими «па» привела в экстаз и держала в руках, словно под гипнозом, сердца тысячи восторженных и влюблённых в неё. И мир засверкал красками, круговорот бомонда затянул: интервью, беседы, телевидение, газеты, приглашения, известность — и она посчитала себя самым счастливым человеком на свете. Диана влюбилась в приезжего танцора отчаянно и глубоко, как может только прежде никогда не любившая тонкая и чистая натура, и забеременела. Гастролёр вскоре исчез, она же в положенный срок родила девочку, да на беду с ДЦП. Это накалило обстановку в доме — родители требовали сдать дитя в специнтернат, но дочь не поддавалась, полюбив всей душой ребёнка. Последняя ссора окончательно расстроила прежде благополучное и крепкое семейство, Диана замкнулась, ещё сильнее притянулась к дочери, как орлица, укрывая её собой, отдавая всю себя, и не мыслила ни о чем, как только поставить калечку на ноги. Между тем, врачебные мнения не утешали и не давали надежду, а каждый ушедший день всё более и более

сжимал сердце, глушил душу, обессиливало тело. И мир увиделся холодным и чужим, точно мрачный незнакомый дом с решётчатыми окнами и заколоченными дверьми, а балет и успех, казалось, были давно и как будто даже не с ней. Путёвка в приморский знаменитый санаторий приободрила, Диана воспрянула духом, повеселела, казалось, теперь-то наступит перелом, а мать с отцом, провожая, выставили условие — примут обратно только её одну. Всю дорогу стояли в ушах родительские жестокие слова, их образы в гневе и отчуждении, как будто они общались не с кровным родственником, с любимым ребёнком, и не было доброго тёплого детства, их забот, любви, нежности, а с чужим ненавистным человеком, с врагом. Уплывали за окном города, менялись соседи по купе, а усталость, безысходное положение, нервы, тяжёлые мысли и тревоги грозили привести к сумасшествию и отнимали последние силы. «За что, за что, за что?..» — спрашивала она себя и не видела ответа. Санаторные врачи, осмотрев дочь, также в бессилии развели руками...

Диана понесла лёгкое скрюченное тельце, едва сдерживая дрожь. Глазёнки девочки смотрели, не отрываясь, не моргая, но умно и страшно так, что забылась безжалостная болезнь, ущербность и, словно говорили: «Мама, мама, что же это?» И Диана по-бабьи завывала, слёзы сами бежали из глаз, затмевая свет. Перекрестив дочь, поцеловала, прошептав «Прости», тяжело ступая, приблизилась к неласковому морю. Ощувив первое касание воды, остановилась, колотило, как в болезни, она боялась выронить свой дорогой груз. Вдруг страх стиснул сердце, как будто плоть восстала, а в мозгу билось «Что вздумала?.. Зачем?.. А как жить?..» Плача, ещё крепче прижала дочь к груди, упорно продолжила путь. «Прос-

ти, прости, — шептали дрожащие губы. — Прости, моё солнышко, моя радость!» Тёплая вода обняла колени, тряска усилилась, она не могла совладать с ней, ещё шаг и ещё. Вот тело вошло по пояс, следом — по грудь, по плечи. Вода тронула подбородок. Ребёнок заволновался, по членам прошла судорога, нечеловеческий стон, будто чуя недоброе, исторгся из больной детской души. Диана ещё крепче сжала тельце, ничего не видя и не слыша, кругом все словно умерло, нервные сигналы пошли по сложенным, как у летучей мыши, конечностям её ноши, глазенки страшно расширились, и мычание источала худая, с выпирающими ребрами грудь. Ещё один шаг тяжёлый, но почти бессильный, ещё — вдруг она оступилась — и ушла под воду... А в это время Филин, принявший по пути солидную дозу спиртного, пребывая в состоянии, когда слабо управлял как телом, так и разумом, резко, в единый миг, объявившийся на пляже, точно свалившийся с неба, абы как стянул с себя шорты, майку, перекрестился. И, не давая свободы мыслям, как одержимый, не глядя вокруг, а вперившись лишь в оранжевый шар вдалеке, побежал к морю, широко раскидывая сильные, большие, убитые футболом ноги, утопающие в почве, оставляя ямы и буруны, с целью занырнуть как можно дальше. Манёвр Филина, никогда не поступавшего так ни по времени, ни по поведению, заметил Палыч и удивился, правда, считая, что при любых обстоятельствах мужчина знает, что делает. Они с Филином, с губатым, были знакомы давно, любили один и тот же винный погребок Генацвале — полнотелого грузина, бывшего спортсмена-тяжеловеса, имя которого трудно запоминалось, встречались на спортивных праздниках и уважали друг друга, как уважают старинные приятели, связанные добрым про-

шлым. Странное волнение взяло бывшего моряка, сведя, как будто не по своей воле, два явления: неожиданный рывок «губатого», массивное и длинное тело которого, словно торпеда, врезалось в воду, и нервозность странной мамыши с ровной спиной. Он пошарил глазами по воде — пара исчезла, пропал и губатый. Прошла секунда, две, три... Почувяв неладное, Палыч вскочил на ноги, не уводя глаз с района потери. Между тем Иван ушёл на глубину, перебирая руками по дну. Вдруг из плотной массы соображающих извилин совершенно диким образом сложилась и полоснула мозг чёрная мыслишка — стоит лишь открыть рот, и все, что не давало покоя в последнее время: на работе, с женой, с разводом, кончится. Страха не было, будто в футболе, намеренно идя на фол, на столкновение с противником, не загадывал, что после. Филин заколебался... Но в ту же секунду ткнулся во что-то мягкое и живое — узнал тонкие, не мужские ноги, икры, колени; сверкнула догадка, что это тонущий, оседающий человек, скорее, женщина, да не одна. Филин, забыв обо всём, уперся длинными ногами в дно, и мощно толкнул вверх обнаруженное тело. Море в том месте разверзлось, точно при вулканическом выбросе, вспенилось, вынырнули три головы. Палыч, не сомневаясь, что случилась беда, почти слетел вниз, как по вантам при морском аврале, прыгнул в подошедшую моторку Сергея, заорав всей мощью лёгких: «Полундра! Скорей, туда, тысяча чертей!», кинул волосатую мускулистую руку в сторону барахтавшихся. Женщина и ребёнок уже наглотались воды и пребывали в том состоянии, от которого до полной отключки всего-то маленький шажок. Женщина выплевывала воду, кашляя, вокруг. Иван поймал за волосы девочку, поддерживал так, чтобы вода не попадала в рот, подло-

жив другую руку под спинку. Глаза у неё были закрыты, но тело, руки и ноги в нервном движении. Тут подоспели спасатели, взяли ребёнка, и Палыч, употребляя все умение и силы, принялся приводить её в чувство. Иван же обратился к женщине.

— Что, что такое? — вдруг заорала она в слезах, отбиваясь от Ивана. — Уберите руки!

Филин опешил.

— Да я, вы что? — выдавил он из себя, поперхнувшись водой.

— Кто просил? — не унималась Диана. — Откуда взялся, идиот?..

— Да он же спас, а вы?.. Хотя бы спасибо! — заорал Сергей, уцепив её за руки и вместе с Иваном втягивая в лодку.

Женщина кинулась к дочери, которая задышала и открыла глазки.

— Прости, прости меня, родная! Солнышко моё, кровиночка, чудо! — заголосила она, обнимая.

Когда все оказались на берегу, Палыч пожал руку Ивану со словами благодарности за помощь, а тот лишь теперь, уняв сердце, осознал, что сделал. Хмель покинул его, он нахмурился и отвёл глаза. Спасатели обтёрли насухо мать и дочь, напоили чаем из термоса, помогли одеться. Девочка вдруг потянулась к Ивану. Филин поднял глаза на женщину, та кивнула. Тогда взял ребёнка на руки, легонько прижал к себе.

— Простите меня, — проговорила Диана смущённо, обращаясь к Ивану. — Я виновата.

Филин пожал плечами, мол, ничего, не в обиде, осторожно уложил обратно дитя, и она, улыбнувшись, прикрыла глаза. С пляжа тронулись втроём, Иван вёл коляску, аккуратно объезжая неровности. Там, сзади, плескалось мирно тёмное море,

чуть было не поглотившее их, яхты, катера и пароходики, как игрушечные, с огоньками, а здесь, на набережной был целый океан света, музыки, веселья: вертелись карусели, бегали пони с седоками и электромобили, зазывалы приглашали в рестораны и кафе, жарились шашлыки и люля-кебаб, фотографы, суя в руки гуляющим то голубей, то обезьян, то ручных змей, требовали делать снимки, загорелые мускулистые парни приглашали на ночные прогулки по морю, на рыбалку, подводную охоту. И действительность резко не сходилось с тем, что могло произойти. Диана и Филин переглянулись, ибо, по-видимому, одновременно подумали об этом. У винного погребка Генацвале Филин предложил зайти.

— Нужно согреться, — сказал по-доброму он, — да и познакомиться. — Я — Иван.

Диана улыбнулась и назвала себя. Их быстро обслужили, некоторые из сидящих за столиками тепло здоровались, норовили угостить. Видно было, что он здесь не новичок. Диана благодарно пожала руку Ивану, красиво повела плечами, свободно и легко вздохнула впервые за последнее время.

— Мне стыдно... Я... я... — призналась она и опустила глаза.

Тут в зал вошли двое: Палыч и Севостьяныч, глава спорткомитета.

— На ловца и зверь бежит! Можно к вам? — спросили они почти в один голос и подсели.

— Ну, за спасение! — произнёс тост Палыч и первым осушил свой стакан с любимым красным полусухим вином. Он намеревался спросить губатого, в чём причина, толкнувшая его сегодня в неурочный час в море, однако сдержался, будучи наслышан о семейной неурядице, помял ухо.

Затем внимательно осмотрел девочку, пощупал скрюченные ручки, протянул Диане визитку.

— Придите ко мне на массаж. Это — рядом. Таких детей я знаю, но, поверь моему опыту, твоя не безнадежна. Сейчас, в стрессовом состоянии, она боролась за жизнь как здоровый человек, двигая и руками, и ногами. А значит, есть надежда. И врача присоветую, не журись. Наберись терпения, много терпения, красавица. Готова? — Диана кивнула. — А он, — Палыч показал на Филина, — надёжный скромняга, футбольный талантище, городская знаменитость, поддержит, верь!.. Ну, жду.

Он поднялся, поднялся и Севастьяныч, и бросил Ивану: «Проводи, есть разговор». На выходе, закурив, сделал неспешно две-три затяжки, как перед серьёзным делом, повернул начинающее полнеть тело бывшего спортсмена к Филину.

— Послушай, гу... Извини, Ваня, Иван Григорьевич, — сказал он, — пора возвращаться в футбол, но — тренером... Опыт есть, видение игры тоже. Возьмёшь нашу «Черноморочку». Лады? Только это, — он щёлкнул по горлу знакомым жестом, — ни-ни. Усёк? — Филин высказал согласие. — Загляни ко мне завтра, часиков в одиннадцать, — продолжил он, засмеялся и приобнял Филина. — Упрёшься, как раньше, на поле, характер выкажешь, будет толк. Не боги горшки обжигают. И вбей этим мухам сонным в бошки, что скорость и еще раз скорость решает всё... — Он сделал последнюю затяжку, сунул сигарету в урну, расправил плечи, подтянул живот, будто штангист перед подходом к снаряду, и закончил, как выдохнул, с чувством и нежной хрипотцой в голосе. — Вечер-то какой, мужики?.. Прелесть!.. Нет, всё же чертовски приятная эта штука жизнь — одна единственная...

— Пока, любитель ночных купаний, — с иронией добавил Палыч, пожимая на прощание руку. — Спешу.

Филин возвратился в хорошем настроении.

— Ты на самом деле здесь известный? — спросила Диана.

— Есть немного. А ты, ну, профессия там, занятие?..

Она не сразу ответила.

— Балерина...

— Выходит, артистка, творческая личность...

— Выходит. Правда, со сценой пока никак, да это теперь не играет роли. Вот главное, — она кивнула в сторону дочери, погладила её по головке. И та спокойно и точно поймала материну кисть, глазёнки при этом радостно засветились, на щечках выступили точь-в-точь, как у Дианы, ямочки.

Она поправила одежду на дочери и, глядя прямо в глаза, спросила:

— Скажи, Иван, как же наткнулся на меня?

— А случайно, — помолчав, ответил Филин. — Люблю далеко и глубоко нырять.

— Врешь!.. Следил за нами?..

— Считаю сама, — ответил он. — А наверное, это рука неба...

И задумался на время, удивившись, как всё обернулось...

Диана не отвела взгляда, будто не поверила ответу, потом проговорила с сожалением:

— Мне пора, режим, — и в глазах блеснула радостная искорка. — Встретимся завтра?

— Конечно, непременно.

Они прошли через людской плотный и безалаберный заслон среди музыки, смеха, карусельных

визгов, фотовспышек, тряски аттракционов, песен караоке, смеси запахов еды и цветов, иллюминации, по набережной мимо порта, расстались у санаторных ворот. Неспешно Иван тронулся обратно, выпрямившись во весь свой двухметровый рост, чувствуя так, будто и душа и мысли, ещё совсем недавно скрюченные и убогие, теперь сгладились и изменились. И сам, от шкуры до самой потаённой точки внутренности, переменился и стал другим, а потому двигался легко, стараясь никого не задеть, как будто в игре тонко и умно вёл мяч, обводя соперников, думая, что совсем недавно мог, поверженный обстоятельствами, кончить эту единственную и неповторимую жизнь. «А ведь она продолжается!..» — радостно про себя сказал он несколько раз, ещё сильнее распрямив плечи и торс, ощущая себя гордым, большим и сильным мужиком. У винного подвальчика остановился, затем решительно двинулся мимо. Он радостно шёл по родной улице с высокими тополями, раскидистыми липами, всегда цветущими сочно и густо яблонями, вишнями, абрикосами, с магазинчиками и парикмахерской, где кудесничал армянин Гурген — отец четырёх дочерей, всё ещё ждущий сына-наследника, с будочкой сапожника Ильи, тучного, с большой челюстью и острыми глазами холостяка-бражника, с модным бутиком красивой блондинки Раи, известным жене от входа до таинственной и манящей подсобки, с булочной тёти Таи — дородной с легким макияжем дамы в белоснежных халате и колпаке, замужем за холёным, из богатой семьи инженером, шествующим по проспекту неизменно в белом костюме, при шляпе и трости. Хотелось сделать что-то от души, помочь кому-то случайному и незнакомому, улыбаться людям, любить мир, жизнь, красиво, бесшабашно, наконец, сотворить нечто ужасно

яркое и доброе. И думать, думать, думать только о добром и о будущей жизни — обязательно необыкновенной, будто яркий цветок, будто тихий закат, будто говор моря. На углу поздоровался с бабушкой Марго, торгующей орешками, фисташками, семечками и домашним винцом почти что чернильного цвета, бросил словцо приветствия соседу-старичку с баночкой пива в руке на лавочке, поправил кем-то сдвинутую урну. У подъезда его встретила щупленькая девушка в топики и светлых узеньких брючках.

— Я вас жду. Вы — Филин, известный футболист?

Иван от неожиданности, смешав мысли, смутился, не сразу ответил.

— Ну...

— Я из светской хроники, журналистка. Мы пишем о звездах всякие интересные вещи...

— Звёзды на небе, девочка. — Он шагнул и всей своей массой навис над ней. — А что до интересов, то мне моя жизнь куда интереснее всякой другой.

— И всё-таки?.. — Девушка закусила губу, забегала глазками.

— Уйди, красотка...

Девушка не сдвинулась, вытягивая из сумки диктофон.

— Всего два слова. Я слышала у вас драма... семейная.

— Драма в театре! — он повысил, раздражаясь, голос и нажал кнопку домофона. — Отвали!..

— Я разве обидела вас? — негромко спросила она, отступив на шаг. Губки её задрожали, она шмыгнула носиком, попыталась засунуть диктофон обратно, но не попадала внутрь.

— Ладно, извини, — мирно бросил Филин. — Прощай.

В квартире устало добрался до постели, широко и удобно улёгся, воображая себя на тренерском мостике, правильным, умным и сильным, имеющим желание и талант сделать такой же успешной и крепкой свою команду. «Прав, как прав Севастьяныч! – думал он и радовался, что и его мысли к этому приводили, особенно в последнее время. – Без скорости мышления, движения, паса современного футбола быть не может. Это факт». Ночью часто выходил на балкон, курил, глядя на милый детский садик, красивые липы и каштаны, белеющие дома, фонарные со светящимися головками столбы. «Я – тренер, я – тренер, я – тренер... Вот так поворотик, губатый!» – думал он, вспомнив, как и с какими мыслями стоял тут недавно. Прошёлся руками по коллекции, взял любимую тетрадочку с записями и лёг.

Едва забрезжил рассвет, как зазвонил городской телефон.

– Доброе утро, Котик! – услышал он и не сразу узнал голос жены. – Не спишь?.. – И продолжила незнакомо-мягким, почти что извинительным тоном. – Скажи, милый, ты ещё не выписал меня из квартиры?..

Иван растерянно протянул: «Не-ет...»

– Чудненько, спасибо, дорогой! Пока, Котик!..

И трубка дала отбой.

Посвящение Александру Мосинцеву

Ночная мгла. Метельная погода.
Ужели зря уверовал народ,
Какою будет встреча
С Новым годом,
Таким и станет выдавшийся год?

Забиты льдом и снегом водостоки.
И, как ни подходи, с любых сторон,
Скупой на чувства,
Щедрый на упреки,
Зимует город в обществе ворон.

Метёт, метёт! Неведомо куда
Летят снега. Но что сейчас об этом!
По всем земным поверьям
И приметам
На всякую судьбу — своя беда.

Вот и у друга старые обиды
В единый ком смерзаются в душе,
И кажется ему, что у планиды
Он выклянчил все радости уже.

Я понимаю опасенья друга
И шумное в стаканы лью вино.
Не то печаль, что в мире
Правит вьюга,
А то печаль, что слишком уж давно.

1976

**ОЛЕГ
ИГНАТЬЕВ**

Поэзия

Когда июль шатается по свету,
Я знаю, этот воду подожжёт.
Стоит жара, и в пыльные кюветы
Солома осыпается с подвод.

Сгорели дни, когда рубахи скинув,
Ныряли мы за раками на дне,
И зябли под водою наши спины,
И тина шевелилась в глубине.

Степной речушки высохшее русло
Ветра полынным прахом замели.
И там, где бричка в паводок загрузла,
Торчит кривое дышло из земли.

За упоенье вольницы недавней,
За русло, пересохшее в яру,
За всё мы платим неизменной данью,
Извечной тягой к свету и добру.

И странно думать, что и нам когда-то,
Как этой мёртвой речке ввечеру,
И краски миротворные заката,
И шелест вётел станут ни к чему.

Не верится, что всё пройдёт и минет,
Что выгорит зелёная трава!
И я страшусь произносить слова,
За словом человеческим – пустыня.

1985

Какие тяготы на плечи
Народа русского легли!
И что ни вечер, всё не легче
Встречать холодный свет земли.

И что ни осень, всё темнее
Печаль просёлочных дорог.
За лесом — речка, а за нею
Ракитник и чертополох.

Пусты поля, мертва деревня.
Боярка мокнет у плетня.
И ветер хлещет откровенней
Листву осин средь бела дня.

А мы у края преисподней
В самосожжении своём
Живыми жертвами сегодня
В чужом сознание предстаём.

Но грянет час! Лишь зубы стисни,
Да русской правды не нарушь,
И нас вернёт к нестыдной жизни
Горячий пепел наших душ.

29.02.04

*Памяти
Александра Мосинцева*

Наведаюсь к другу быломu,
А друга былого и нет.
Лишь ветер сметает солому
С пустынной дороги в кювет.

Не праздные речи, а слово
Сближало нас, рядом вело.
То самое, что от любого
Недуга спасало его.

То слово, что было вначале,
И, как нам казалось самим,
От истины ложь отличали
Мы только в согласии с ним.

И, кланяясь пролескам синим,
Себя уверяли при том,
Что если до лета не сгинем,
По осени не пропадём.

И вот я стою на пороге,
А встречи загаданной нет,
Лишь ветер с пустынной дороги
Сметает солому в кювет.

2010

Откровенно Говоря

...С пристрастием к родным пенатам,
к заветам предков, к очагу,
кусок последний делим с братом,
стакан вина нальём врагу.
Для сироты и аксакала
достанем раду с небес;
под звон булатного металла
достойно вынесем свой крест.
Не мы определяем Время
и формируем облик дня...
Мне не под силу это бремя,
поскольку я уже одна.
Но есть соратники по духу!
В них верю безгранично я.
Созвучие сердец, по слуху,
есть, откровенно говоря.

**ГАЛИНА
ШЕВЧЕНКО**

Поэзия

Мир земной великолепен!
Во дворце ли, в шалаше —
снеговых гигантов цепи
размещу в своей душе.
Соберу снега и ветры,
солнце — в небе сохраню.
Дальних странствий километры
в плат священный заверну.
Звук беззвучный мыслей Бога
слухом внутренним приму,
отрешившись от земного,
от соблазнов по уму...
Светом собственных исканий
в сонме звёздном промелькну...
На площадке тараканьей

к насекомым не примкну.
Буду славить ежедневно
ясноглазую зарю,
незабудки и деревья
честным людям раздарю.
Драгоценными камнями
путь-дорогу замощу...
отмолю достойных в Храме, —
лицемеров сокрушу.
Жаркие вихри страстей отшумели,
стояли клятв бесконечных слова...
Счастье, в которое верить хотели,
тихо исчезло... А память жива.

Сильнейший удар

Я, ощутив дыханье Смерти,
решила подвести итог
своим делам на этом свете...
Всему свидетель — мудрый Бог.
Суровый быт не сделал злобной!
Сильна в предошущенье Зла.
Для лицемеров — неудобна,
лгунам и подлым — не родня.

Без притязаний на награды
почётом истинным сильна...
Заслуги чтут не для бравады —
честь по достоинству видна.
Слова мои от бликов Солнца
запоминаются легко
и просветляют лик эстонца,
азербайджанца Сулико...

Смешенье крови у казачки!
Адыги – праотцы драгун,
что царству русскому служили...
Один из них прапрадед мой...
Стенокардия нестерпимый
удар сердечку нанесла —
а я Судьбе неповторимой
строфы в блокнотик занесла.

18 апреля 2019 года

Пушкиногорье

Мне на Псковской земле
в монастырь Святогорский
указали дорогу
ямбы Пушкинских строк.
Мисаил с Варлаамом
таинственно просто
засветили в Успенском
золотой огонёк.
Поднимаюсь по старым
истёртым ступеням.
Пахнет сочной крапивой
под обрывом крутым,
воскрешая вокруг
жизни прожитой тени
над холмом, ещё Грозным
наречённым «СВЯТЫМ».
На Синичьей горе —
тишина не мирская;
на могиле священной —
живые цветы;
но охапку гвоздик
на плиту опускаю...
От обилия пчёл

в дрожь бросает кусты.
Буйно липы цветут.
Запах воска и мёда
наплывает густой
ароматной волной.
Оживляет на миг
ту эпоху природа;
нарушает покой
птиц концерт озорной.
Колокольная медь
повествует о прошлом,
о щемяще-тревожном
сегодняшнем дне...
Вдохновенный источник
чарующей мощи
помогает быть чище
и достойнее мне.

Детям войны

К скалистой груди Пятигорья
с надеждой и верой прильну.
Здесь встретила тысячи зорь я,
здесь мы пережили войну
Взираю со скал безучастных,
как слёзы роняет трава..
Склонившись у ниши, о счастье
заветные слышу слова.
Солёную воду с горчинкой
я пью из расщелин скалы,
и черпаю каждой кровинкой
целебные силы Земли.

Апрель

Эта вешняя ночь
Так тиха и прекрасна!
Даже ветер притих
И присел на окне.
Проливной дождь пропел
Предрабасветные стансы
И признался в любви
Неожиданно мне.

Но пока ещё время
Раздумий не вышло.
Пусть земля отдохнёт,
От вчерашних забот,
Только призрак-туман,
Одиноко по крышам
Бродит, словно бездомный
и вымокший кот.

И среди тишины,
Необъятной, глубокой,
Время нам рассмотреть
Наступивший апрель.
Пусть навстречу ему
Распахнут люди окна,
Пусть вдохнут полной грудью
фиалковый день!

Небо вновь задумчиво и мглисто.
Быть грозе... И значит до утра
Ветви будут гнуться коромыслом,
Первоцвет роняя во дворах.

**ОКСАНА
КРИС**

Поэзия

Засинели негаданно пролески,
 Не скрывая
 улыбки своей,
 И размашистой
 смелою росписью,
 В небе клин
 промелькнул журавлей.

...А коль вдруг
 завируха-сестрица
 Возвратится
 на треснувший лёд —
 Песней звонкою
 смелая птица
 За пригорок её уведёт.

Не стану вспоминать напрасно я
 Всё то, что было прежде между нами.
 Ведь время вернуть назад нельзя —
 Оно шуршит листвою под ногами!

...А мне бы так хотелось ворковать
 Голубкой белой рядышком с тобою,
 Чтоб счастье больше в жизни не искать,
 И быть твоей замеченной звездою!

Тишина... Только чуткая птица
 Встрепенулась в полночных ветвях.

Почему же пичуге не спится,
Когда брезжит заря в небесах?

Потому что восторженной песней
Ей не терпится мир огласить:
И опять городское предместье
И людские сердца разбудить.

Невдомёк милой маленькой птахе,
Что и мне в этот час не до сна.
Май-красавец в цветастой рубахе
Едет в гости. Жизнь света полна!

Ансамбль¹

На следующий день Варвара позвонила старику.

— Зайдите ко мне... дельце для вас есть одно...

— Да, Варенька, слушаюсь, — ответил старик спросонья. — Чего изволите?

— Приедете — скажу... Стишочек написать тут просят. К юбилею...

Надо сказать, что старик хоть и не тягался с Пушкиным, но стихи писал, и даже, что оказалось весьма полезно в определенных ситуациях, умел сочинять поздравления в стихах. И пользу от этого имел самую прямую. Однажды, сидя у Варвары в кабинете, еще до знакомства с юношей, он заметил беспокойство на Варварином лице и поинтересовался, в чем причина такого неожиданного расстройства.

— Да вот, — ответила Варвара, — у человека юбилей, а никто не может поздравление написать... А мне начальство сказал: пиши! А я это... гхы-гхы-гхы... и не знаю, чего писать-то... Это ж не документ, не договор... тут творчество надо... А где же его взять?

Окончание. Начало в №2 2019 г.

**ОЛЕГ
СОЛДАТОВ**

Проза

— Ой, Варенька, не горюйте, — бодро заявил старик. — Мы сейчас его с вами в миг единый напишем! Вот еще! Было б чем огорчаться! И даже в стихах! Стихи — это моя стихия! Ха-ха! Каламбур! Любой человек творческий, ежели он, конечно, творческий, должен уметь писать стихи...

— Да, правда? — в глазах Варвары блеснула надежда.

— Конечно! Только вот что... Необходимо все про этого человека выведать: сколько ему лет, чем занимается, как жену зовут, детей, хобби его, словом, ну, по возможности, как можно больше информации хотелось бы иметь...

— Будет, — резанула ладонью Варвара и выскочила в коридор.

Вскоре вместе с подробной информацией о юбиляре старик имел перед собой на столе бутылку джина, кофе и пирожные. И поздравление успешно было написано в течение двух или трех часов, не считая перекуров и обеденного перерыва.

С тех пор неоднократно приходилось ему писать оды, поэмы и речи, в которых восхвалялись, в общем, вполне приличные люди: начальники нынешние и будущие, а также начальники их начальников. Старик стал популярен на Варваринской службе, заказы сыпались валом. Благодарность обычно изъяснялась в виде бутылки водки, а то и некоторой денежной суммы, чем старик бывал немало доволен.

Вот и на этот раз предстояло нечто подобное.

— Чтоб их там всех перекособочило, — думал старик, собираясь в дорогу. — Надо тариф уже устанавливать. Пятьдесят баксов! И баста! Они думают это так легко — для всякой мрази стихи сочинять, да еще поздравительные. Пусть сами попробуют! Узнают, сколько это сил и нервов! Думают бутылкой отделаться, а то и за «спасибо»

норовят уже... Ну, так спасибо на хлеб не намажешь, в карман не положишь! Нет... Нужен тариф, а то совсем на шею сели. Что спасибо, что дурак — одно и то же...

К одиннадцати он был в кабинете Варвары. Кроме нее самой за столом сидела дама из соседнего отдела — маленькая, толстенькая, похожая на пивной бочонок женщина с кудрявой головкой и с полным отсутствием шеи. Глаза у нее были бессмысленные и наглые, в зубах торчала сигарета.

— А! Наш рифмоплет пришел! — громко рассмеялась она. — Опять стихи писать?

Это была та последняя капля, которая способна разрушить плотину. Терпение старика лопнуло и негодование прорвалось на свободу.

— Минуточку... — взглянув на обнаглевшую мадам, тихо произнес он. — Это почему вы ко мне так обращаетесь? Это Варваре Семеновне я иногда позволяю некоторые вольности, ну, так это потому, что мы вместе работаем и давно знаем друг друга. А с вами мы едва знакомы, я вас не знаю и знать не хочу, а вы мне заявляете такие вещи! Я же вас не называю какими-нибудь нехорошими словами? Почему же у вас хватает наглости оскорблять меня подобным образом?

Улыбка сползла с лица толстой мадам, она побледнела и глаза ее наполнились испугом.

— Ой, вы знаете, я не хотела вас обидеть. Я не думала... — залепетала она.

— Вот это совершенно напрасно, — разошелся старик. — Необходимо всегда вперед думать, прежде чем что-нибудь сказать или сделать.

Варвара напряженно следила за уничтожением своей коллеги, и в глазах ее светилось скрытое торжество.

— Вы совершенно невоспитанный человек, — продолжал между тем старик. — Мало того, что я

старше вас, но я еще и делаю то, на что у вас самой не хватит ни способностей, ни ума, ни желания, и вы смеете меня оскорблять! Я вам не друг, не родственник, вы меня не знаете и обращаетесь ко мне таким фамильярным тоном, который больше подходит бомжу или торговке!

— Извините... извините, пожалуйста, — взмолилась женщина-бобонок, делая попытки встать и протиснуться в коридор.

— Нет, что значит: извините? — не унимался старик. — Не надо в душу плевать! Нагадить каждый может. На...л кучу и прощения попросил. Как хорошо! Потом опять, и так без конца. Куда вы? Подождите, я еще не договорил. — Толстуха застряла в дверях, руки ее повисли плетьюми, а глаза, часто и беспомощно моргая ресничками, вперились в старика. — Я хочу, чтобы это послужило вам уроком. Должен же вас кто-то учить, если в свое время вас не воспитали, как следует! Все. Теперь идите. Больше мне вам сказать нечего.

Посрамленная мадам тихо скрылась в коридоре. Старик полез в карман за сигаретами.

— Разрешите, Варенька, закурить, а то никаких сил нету.

— Курите, курите, — позволила Варвара и подвинула старику пепельницу. — Здорово вы ее отделали. Гхы-гхы-гхы... Я прямо удовольствие получила...

— Ну так, Варенька, ну, сколько можно терпеть? — объяснил старик. — Это мы с вами давно знакомы, а для нее я совершенно посторонний человек, и она мне такие вещи заявляет! Ну, как так можно?

— Правильно, правильно, так их! — одобрила Варвара.

— А еще моду взяли сейчас современную — спрашивать артиста, сколько он стоит? Или фотографа. Вон, я пришел в одну контору, говорю:

давайте я у вас поснимаю, а там сидит какая-то шмакодявка — вчера, извините, волосы на манде проросли — и спрашивает меня: сколько я стою? Я ей отвечаю, милочка, такие вопросы задают проституткам, а я фотограф и пришел к вам не продаваться, а предложить свой труд... Но они же не понимают... Правда, та поняла, выслушала меня, говорит: извините, я была не права... Так это ж потому, что я с ней говорил! Ну, ладно, — старик глубоко вздохнул. — Варенька, что стряслось, зачем вызывали?

— Понимаете, тут у нашей одной очень важной дамы у мужа юбилей, — сообщила Варвара. — Она хочет ему как подарок сделать поздравление в стихах.

— Пятьдесят баксов, — заявил старик, внимательно наблюдая за Вариной реакцией.

«В крайнем случае, все можно свести в шутку. Если она вдруг начнет кричать: вы с ума сошли! Или: вы в своем уме?! Тогда скажу: уж и пошутить нельзя», — думал он.

Но Варвара, видимо, находясь под воздействием предыдущей сцены, нисколько не удивилась.

— Ну, я не знаю, — сказала она. — Это надо с ней самой говорить. Давайте я ей позвоню, или нет, лучше сбегая, она тут недалеко, на первом этаже сидит.

Вскоре Варвара вернулась.

— Пойдемте. Она вас ждет, — сообщила она старику. — Вы с ней повежливей, это не шавка какая... Пятьдесят баксов я ему не дам, говорит, а тысячу рублей, пожалуй, можно дать.

— Ну, так, Варенька, — на ходу причесывая волосы, говорил старик, — любая работа должна оплачиваться. А то все только ограбить норовят. А знаете, что японцы говорят по этому поводу?

— Что?

— Не будь тупой — все себе да себе, а будь пилой — себе и другому...

В глубине огромного кабинета сидела очень приятная с виду, плотненькая бабенка лет пятидесяти с умными глазками и пухленьким личиком. Единственное, что выдавало в ней большого начальника, это крепкие неженские скулы и суровая глубокая морщина, застывшая меж бровей.

— Вот он — наш поэт! Хы-хы-хы, — сообщила Варвара. — Талантище!

— Очень приятно, — улыбнулась бабенка, обнажая прекрасные вставные зубы. — Присаживайтесь, пожалуйста.

— Благодарю вас, — ответил старик, предложил стульчик Варваре и только потом присел сам.

— Вы уже, наверное, в курсе? — спросила бабенка.

— Да, я все сказала, — поспешила Варвара, но бабенка на нее даже не взглянула.

— Так вы согласны? — спросила она старика.

— Уважаемая... простите, как вас по имени-отчеству? — почтительно спросил старик.

— Надежда Ивановна, — сказала бабенка и коротко зыркнула на Варвару.

— Уважаемая Надежда Ивановна! — улыбнулся старик. — Ну, как я могу вам отказать? Это среди профессионалов не принято. Фотографу говорят: снимай — он снимает, артисту говорят: играй — он играет и, заметьте, никто не спрашивает: нравится ему роль или нет. Не можешь, значит, профнепригоден. Так же и поэту, говорят: пиши — он и пишет.

— Ну, поэт это все-таки другое дело, — заметила бабенка. — Этому не научишь... Это от Бога...

— Ошибочное мнение, — решительно заявил старик. — От Бога это у гениев, а нормального человека можно научить всему, чему угодно! Есть законы речи, законы стихосложения, все давно

изучено и сведено в четкую систему. Вам же не требуется «Евгений Онегин», например? Пушкин, конечно, тоже писал поздравления друзьям, но делал это ради забавы, мимоходом, так сказать... У вас же совсем другой случай... Варвара Семеновна мне сказала... Как, кстати, его зовут?

— Юра... хм... Юрий Алексеевич, — поправилась бабенка.

— Прекрасно! — обрадовался старик. — Как Гагарина! А что, он космосом не увлекается?

— Нет... он, знаете, строить очень любит, мастерить что-нибудь... Машинами увлекается еще... у него сейчас «Тойота»... рыбалкой... На работе уважают...

— Ага, — записывал старик. — Это хорошо! А кем он работает, если не секрет?

— Вообще-то он по снабжению специалист, — неопределенно сообщила бабенка. — Нет. Давайте лучше об этом не будем. Хорошо? В армии он служил на таможне... плов любит готовить...

В присутствии начальства на Варвару Семеновну находило странное нервическое оцепенение: руки ее смыкались у живота в неразъемный замок, который навряд ли под силу было разжать двум дюжим молодцам, шея непроизвольно вытягивалась вперед, словно она намеревалась лизнуть начальство в щеку.

— Ну что ж... Сколько вам потребуется времени, чтобы написать? — спросила бабенка.

Старик внимательно изучал свои пометки.

— Денька два-три... — наконец прикинул он.

Написать-то он мог и за час, и за два, но необходимо было создать атмосферу трудового подвига, повысить значимость процесса и в конце... намекнуть о деньгах!

— Хорошо, — согласилась бабенка. — Тогда жду вас в пятницу. А что касается оплаты... не беспокойте

тес, — сказала она, словно читая мысли старика. — Если ваши стихи подойдут — тысячу рублей я вам дам.

Боже мой! Тысячу рублей за стишок! За несколько десятков рифмованных строчек! Такие гонорары не снились даже Пушкину! Старик ликовал. «Ведь надо же? А мог бы за бутылку мучиться или за «спасибо»... Ловок, дорогой! Вот уж действительно: нет худа без добра! Не назови меня та дура рифмоплетом, может, и не было бы ничего...»

— Ох, Варенька, — выйдя из кабинета, вздохнул он. — Вот как приходится деньги зарабатывать. Лиру, можно сказать, продаю.

— Ладно вам... Лиру! Больше зарплаты в один момент заработали! — взяла обычный тон Варвара.

— Ой, ну что вы так волнуетесь, — заулыбался старик. — Это ж сколько я стихов вам бесплатно написал! Так в этот раз со мной как бы за все сразу и рассчитались. А потом, Варенька, их же еще сочинить надо, стихи эти. Думаете, это так просто?

— Ладно-ладно, шучу я... Идите, пишите... Мальчика нашего встретите, скажите: пусть мне позвонит.

...Заняться театром ему посоветовал знакомый доктор, которому старик пожаловался на подозрительные шелушащиеся язвы, которые, словно лишай или проказа, покрыли все его тело. Старик мазался кремами и маслами, тер себя пемзой и мочалкой, плескался в дорогих шампунях и соляных ваннах, но ничего не помогало. Проклятая сухость донимала его все больше и больше. Вдобавок на коже появились весьма болезненные трещины, которые подолгу не заживали и оставляли бледные рубцы.

— Здравствуйте, — протянул руку доктор — очень подвижный, энергичный человек, ровесник стари-

ка, — проходите.

— Здравствуйте, доктор, — переступая порог, старик показал свои руки. — Только, знаете... может это не безопасно?

Доктор скользнул взглядом.

— Ерунда. Я уж вижу.

— Ерунда? — обрадовался старик, предполагавший ранее у себя наличие чуть ли не всех самых страшных смертельных болезней. — Доктор, вы вернули мне жизнь! А что же это?

— Так, пустяки... стрессы, нервы, экология, питание... все в комплекте. Проходите... — доктор любезно пригласил старика в комнаты. — Вы чем сейчас занимаетесь? Помнится, были актером? — спросил он, едва они расположились в креслах и закурили.

— Ну, это когда было, — махнул рукой старик.

— А на телевидении больше не работаете?

— Нет, уж лет пять как... Я теперь на вольных хлебах... Фотография, заказы, съемка...

— Ага... ну вот что, голубчик, я устрою вас в санаторий, вы там поживете месячишко, попьете травки, шиповника, подышите воздухом, отдохнете и все у вас пройдет, вот увидите...

— Это что, психушка, что ль? — испугался старик.

— Зачем же? — улыбнулся доктор, растянув тонкие губы. — Это клиника неврозов. Туда очередь на год вперед, но я постараюсь уладить, — он испытующе глянул на старика. — Пьете много?

— Дык... м-м... ну, так, в общем, бывает, — признался старик.

— Пока не пейте. Особенно водку. Не нужно, — он поднялся, открыл небольшой бар и достал пузатую темно-коричневую бутылку с бежевой этикеткой. — Вот мы сейчас с вами выпьем немного настоящего напитка, и больше извольте не пить. Пока не восстановитесь. Если уж будет совсем

невтерпеж — выпейте немного коньяку. Водку не пейте.

В клинике неврозов, куда попал старик, частенько гостили известные писатели и режиссеры, кинозвезды, художники, скульпторы, прославленные поэты и прочая знаменитая братия. В основном это были люди профессий творческих и, что называется, те, кто на хорошем счету. Неумеренное потребление икры и сопутствующих ей горячительных напитков плюс несоблюдение режима, бессонные ночи, проводимые в шумных пирах и застольях, утренний кофе с неотъемлемой, черт знает какой по счету выкуренной сигаретой и, наконец, сама работа рано или поздно приводили их в уютные тихие палаты клиники, где, попивая настой шиповника и заедая его манной кашкой, они принимали оздоровительные процедуры и готовились к новым схваткам с неутомимым Бахусом. Кто-то, действительно, был на грани, кто-то просто отдыхал, сбежав от рутины и скуки.

Здесь старик встретил тех, с кем когда-то начинал на Бронной, ныне заслуженных артистов, театральных педагогов, сыгравших массу ролей и строящих не менее грандиозные планы. Встретил оператора, с которым вместе исколесил полстраны. Он тоже перешел на какую-то службу, о которой предпочитал не распространяться, называя ее просто «контора». «Знаешь, — говорил он, достав из тумбочки бутылку коньяка, что, конечно, возбранялось, но не каралось строго, — кем мы были, старик? Я это только сейчас понял... Мы — телевизионщики — переносчики культуры!» Старик соглашался и пил коньяк.

Так проходили дни. Постепенно страшные язвы, покрывавшие тело старика, стали уменьшаться и через пару недель исчезли совсем, оставив едва

заметные рубчики и неприятные воспоминания.

Почувствовав себя вновь бодрым и свежим, старик вышел из клиники, купил бутылку самого наилучшего коньяку и отправился благодарить... Доктор был очень доволен.

— Вы, — сказал он, — совершенно напрасно бросили свое занятие театром. Поверьте мне, я кое-что смыслю в этих делах, и могу сказать вам с полной ответственностью. Зря... Вам необходимо что-то в этом духе... больше движения, песни, танцы, займитесь чем-то живым... Я не призываю вас к спорту, вам это может показаться скучным, но театр — это то, что вам, несомненно, подходит... Смех, положительные эмоции, молоденькие красотки — не повредят ни в коем разе, а, напротив, пойдут только на пользу.

Распроставшись с доктором, старик, не долго думая, решил действовать. Началось все с театрального кружка при домоуправлении. Но дело не заладилось. Какие-то интриги, косые взгляды, от старика требовали денег, намекали, что студия должна быть платной... Промаявшись с месяц, старик перебрался в ближайшую школу, но и там дело не пошло на лад. И тогда старик устремился к независимости. Не будет никакой пользы здоровью, говорил он сам себе, когда тебя дергают, понукают, грозят и не дают свободно воспарить над суетой и обыденностью жизни.

Старик собирал документы, подавал заявки, писал устав и, наконец, получил бумагу, свидетельствующую о том, что он является руководителем молодежного творческого объединения, имеющего помещение по такому-то адресу, со всеми правами и обязанностями, которые подобному заведению определены.

Невозможно представить, сколько сил и време-

ни это стоило. Сколько инстанций и бесконечных коридоров. Зато теперь — полная свобода! Да здравствует театр!

Ученики валили валом. В привокзальную студию приходили москвичи и приезжие, рабочие и студенты, девушки и юноши, желающие стать артистами или просто повеселиться. Никто из них, правда, не поступил в театральный вуз, многие, провалившись на экзаменах, бросали студию, иные, самые стойкие, не теряли надежды, устраивались на работу, осваивали другие профессии, а вечером после работы приходили играть к старику. В их числе оказалась и Томочка.

Ей еще не было восемнадцати. Что она знала? Чего хотела? Трудно сказать, но уже тогда ее хищные зубки тянулись к самому лучшему, а лучшим во всей студии был, конечно же, старик — холостой, опытный, умный и еще не старый. Все, буквально все проходящие в студию девушки, а порой и юноши влюблялись в его отточенную манеру говорить, в его роскошные жесты, в его талант и театральную внешность. Его любили страстно и самозабвенно и, насколько поняла Томочка, не безответно. Старик был осторожен и предпочитал девушек из провинции. Родня их была далеко, а сами они жаждали приключений. Ведь именно авантюрный характер заставлял их бросать родные деревни и далекие города и стремиться в Москву — в мир, где все должно быть прекрасно и удивительно, где их таланты будут оценены по достоинству, и конечно же, самым благоприятным для них образом, где однажды им встретится прекрасный принц-миллионер, который забудет обо всем ради их уникальной особы и посвятит свою жизнь их несравненному дарованию. Конечно, не было и речи о том, чтобы связаться с несовершеннолетней! Но Томочка! Томочка — это был особый случай! Словно бешеный тигр бросилась она в битву за

старика, разметала менее хватких соперниц, при этом не обошлось без душераздирающих истерик и таскания за волосы, и, наконец, победила! Окончив школу, она и вовсе перебралась к старику. Ее родители, поначалу пребывавшие в шоке от такого выбора, расценив, что кроме Томочки на их двухкомнатную жилплощадь претендуют еще двое взрослых детей, оставили девочку в покое, а со стариком завели приятельские отношения.

Первые годы все складывалось довольно благополучно. Правда, Томочка, как и все студийцы, провалилась на экзаменах в театральное училище, но зато поступила в какой-то библиотечный институт. «Ничего, — успокаивал старик. — У тебя же есть театр! Гораздо, поверь, лучше, чем любой другой! Здесь ты можешь играть то, что хочешь! И никто тебе слова не скажет!» И Томочка успокаивалась, компенсируя нереализованные амбиции хорошим аппетитом. Незаметно для себя самой, могла она смолотить сразу полбуханки «Дарницкого» и литрушку баклажанной икры, да еще и запить все это не менее как двумя-тремя литрами пива и при этом почувствовать некое успокоение и, может быть, приятную легкую сонливость. Хороший ее аппетит все же нельзя было считать признаком здоровья, так как габариты ее росли и ей это не нравилось, да и старик поглядывал неодобрительно, называя ее то пончиком, то бомбочкой, но возражать не смел, зная Томочкин характер и полагаясь на то, что как-нибудь оно само все рассосется.

Прошло несколько лет, театр старика заметно опустел, и если ранее зрительный зал заполнялся самими студийцами, то теперь все чаще приходилось играть при пустых креслах. Вдобавок театр выгнали из уютного привокзального клуба, и старик с трудом, после долгих скитаний, разыскал в

Москве, неподалеку от Садового кольца, пустующий подвал. Надеясь, что это временная мера, старик въехал в грязное, сырое помещение, где до этого размещалась обувная мастерская. Ни холодильника, ни телевизора, ни туалета, ни даже раковины в нем не было. Это и стало началом конца...

Один за другим студийцы покидали театр.

Томочка начала скучать. Новизна происходящего уж больше не прельщала ее, да и бывшие соперницы, превратившись в молодых женщин, все реже и реже бросали пламенные взоры в сторону старика, отдавая предпочтение молодым крепким мужчинам, которыми стали их бывшие мальчишки. Ох уж этот... театр! Свобода... раскрепощенность! А куда прикажете девать разыгравшийся пламень молодых здоровых тел? Вот вопрос! И вулкан проснулся! Волна свадеб, словно цунами, прокатилась по студии, а следом за ней, закономерным отливом, волна разводов. После лишь внешнее затишье, на самом же деле студийцы, обжегшись на первом огне, теперь осторожно, но настойчиво искали друг в друге свою половину и не замечали сами, как теряли осторожность, поддаваясь безумному азарту. Занятия в студии переросли в колоритные пьянки и почти оргии. Порой они случались на природе, порой на чьих-то дачах или квартирах, а иногда и в самой студии... Кто сказал, что это плохо?! Когда молодость хлещет через край, когда мир кажется только твоим, когда соки юности влекут тебя к жизни, а на плечах нет еще груза повседневных забот и тревог! Нет! Это прекрасно! У каждого возраста свои забавы! Лишь бы не было переломанной мебели и разбитых окон. Хотя и это не самое страшное...

Поняв, что старик, не является более объектом страсти для женской половины труппы, Томочка кинула взгляд по сторонам. Она была молода,

горяча и привлекательна, страстные потребности ее с каждым днем росли, в то время как старик все реже проявлял подобающую в этом деле активность. Нет... Он, конечно, был опытен и мог бы ответить запросам любой женщины, но тело его становилось дряблым, волосы седели, а глаза утратили прежний блеск. И Томочка начала искать. Поиски эти напоминали скитания голодной волчицы. Она не пропускала ни одной возможности, всякий раз выбирая нового кавалера. Чаще всего ими становились те, с кем она разучивала новые роли. Старик избегал подобных веселий, для него это было уже чересчур. Он предпочел предоставить Томочке полную свободу. Ей же именно этого и хотелось.

Кончилось тем, что, запершись как-то раз на кухне с красавцем героем-любовником, по которому сохли все девицы в студии и который, кстати, был мужем одной из них, она предложила ему заняться этим, но раздевшись, почувствовала, что абсолютно холодна. Она безразлично взирала на его обнаженное тело и не чувствовала при этом и тени желания. И он ощущал то же самое. Не произнеся ни слова, они оделись и сели курить.

— Странно, — сказала она. — Совсем, знаешь, ничего уже вроде и не хочется.

— Да, — подтвердил он. — Странно даже...

— Я думала, ты будешь возбужден...

— Но я же не импотент! Вон, спроси у Верки, — обиделся герой-любовник. — Может, ее позвать?

— Нет уж, это вы потом, без меня... — поморщилась Томочка. Она сосредоточенно курила. — Но ведь это не значит, что ты мне не нравишься. Может быть, женщина м-м-м... должна восхищаться мужчиной, и если степень восхищения недостаточна, ничего не получится?

— Я тебя что — не восхищаю? — удивился краса-

вещ.

— Нет, что ты! — на всякий случай воскликнула Томочка. — Просто, наверное, мне надо другое.

Что это — другое? Томочка не знала, и это ее ужасно мучило.

Она терзалась, обвиняла старика в обмане, в том, что он украл ее лучшие годы, восхитил ее детскую душу и не сумел продлить это восхищение на всю жизнь.

Старик в ответ саркастически улыбался и качал головой.

— Что ты, птенчик? Кто тебя держит? Бросай меня! Я тебя прошу: бросай, пока не поздно! — говорил он. — Ну зачем я тебе такой старый, плешивый нужен? Ну, сама подумай. Найдешь себе молодого красивого, вот и заживешь!

Но Томочка не торопилась. Как опытный хищник, она не собиралась отпускать однажды пойманную добычу. А при воспоминании о том, сколько сил и нервов было потрачено, чтобы заполучить старика, мысли об уходе казались ей глупыми. К тому же уходить было решительно некуда. Вряд ли родня встретит ее с распростертыми объятиями на пороге двухкомнатной хрущевки. Странно было и надеяться...

— Ах! Так вы меня гоните?! — закатывая истерику, кричала Томочка. — Не нужна стала?! Попользовались, теперь пошла вон?! — При этом на пол летели тарелки и кастрюли, в старика метались ножи и вилки, об стены разбивались чашки и прочая принадлежавшая старику посуда. В квартире наступал полный хаос. В довершение Томочка хватала веник и принималась дубасить им несчастного старика по голове; и наконец, устав, она в изнеможении падала на пол, начиная биться в припадке и истошно вопить.

Старик подобных сцен не выносил.

— Ну что ты, птенчик? — оправдывался он. — Живи... Кто ж тебя гонит-то? Я ж хочу, чтоб тебе лучше было...

Но Томочка уже прониклась идеей мщения. Почувствовав себя уверенней и поняв, что никто не собирается ее выгонять, она стала приводить в квартиру старика кавалеров. При этом, нарочно, старалась подгадать время, когда старик был дома... Кто бы мог подумать, что из милой пухленькой девочки с жесткими косичками вырастет такое... Но что выросло, то выросло... Старик при этом жутко мрачнел, но ограничился лишь тем, что вставил повсюду замки, включая кухню и уборную. Так что, когда к Томочке приходил очередной ухажер, он черной тучей проносился по квартире и моментально запирали все двери.

— Кто это? — спрашивали кавалеры.

— Это? Сосед, — безразлично кивала Томочка.

— А чего это он?

— Сумасшедший, — объясняла Томочка и пожимала плечами.

Наутро, когда кавалеры уходили, Томочка закатывала старику шумные истерики. Она требовала оставлять двери открытыми, угрожала отравиться ядом, обещала задушить его спящим, взорвать газ, выброситься из окна, но всякий раз сталкивалась с угрюмым молчаливым отказом. Видя непреклонность старика, она попыталась испортить замки, забив личины ржавыми гвоздями, но на следующий день обнаружила, что к дверям приделаны петли и догадалась, что все замки заменены на висячие. Старик был непреклонен. Он был готов простить все самой Томочке, но его мужская гордость не могла вынести такого циничного издевательства со стороны посторонних самцов. Одним своим нагло-цветущим видом они

больно ранили его самолюбие и отравляли ему жизнь больше, чем все без исключения «невинные» шалости Томочки. И где? В его же собственном доме!

А чего стоили эти жаркие звериные стоны, доносящиеся из Томочкиной комнаты, эти диванные скрипы, эти ночные шлепанья босых ног по коридору и проклятия в адрес «старого дуралея»?

Такими ночами старик не спал, много курил, бродил по комнате, пробовал читать, но возня за стенкой отвлекала его. «Выгнать обоих! Немедленно! На улицу!» — он гневно захлопывал книгу, вскакивал с кровати, подлетал к двери, но решительность в этот момент оставляла его, старик замирал, топтался на месте, затем обводил унылым взглядом комнату и возвращался обратно в постель. Самое большее, во что выплескивалось его негодование — мстительное включение на полную громкость видео с самым отъявленным порно. В ответ из-за стены доносился смех...

Когда по утрам не случалось истерик, старик пробовал сам заговаривать с Томочкой.

— Птенчик, ну пожалей ты меня... — хныкал он. — Ну что же это?.. Ну, хоть бы на ночь их не оставляй... Иль к ним ходи... А уж если к нам приводишь, то уж так, чтоб, когда меня нет...

Томочка в ответ оскорбленно молчала, поджимала губки и в совершенно голом виде дефилировала по квартире.

Тогда старик решил призвать на помощь искусство. В театре начали репетировать новую пьесу. По сюжету, старый знаменитый лекарь при дворе испанского короля женится на пятнадцатилетней девушке, но в первую же брачную ночь понимает, что кроме бесед и поцелуев, ничего больше не может... Спустя много лет смертельно больная Мария, так звали девушку, дабы облегчить свою

душу, признается супругу в трех изменах. Везалий (так звали лекаря) молча берет ее за руку и ведет в свою лабораторию. Там он показывает ей останки тех самых трех ее любовников, отчего, придя в ужас, несчастная Мария немедленно умирает, а ученый муж тотчас кладет ее на операционный стол и препарирует для торжества науки.

Эта леденящая душу история должна была, по замыслу старика, навеять легкомысленной Томочке некоторые аналогии с действительностью, чтобы посредством искусства, в чью сокрушительную силу он свято верил, смирить ее необузданный нрав. Дабы усилить сходство, старик сам взялся играть Везалия, а роль Марии поручил Томочке, которая хоть и стала реже бывать в студии, но все же любила прийти и иногда что-нибудь поиграть.

С годами ему все чаще снилось детство: то он видел себя маленьким мальчиком, таскающим огурцы с лужниковских огородов, то резвился со сверстниками на берегу Москвы-реки, то лез за яблоками на высокое раскидистое дерево с шершавой корой... но вдруг черные тени выступали из внезапно сгущавшейся темноты — грозные великаны в черных балахонах окружали его со всех сторон и принимались нещадно молотить невидимыми дубинками. Старик кричал во сне, уворачивался, бежал, но тщетно — тени неминуемо настигали его и наносили страшные бесшумные удары. «Убейте! Убейте же меня!» — умолял старик и, падая на землю, рыдая и зарываясь в мягкую и теплую на ощупь траву, корчился, словно придавленный палкой уж. «Убейте!!!» Но его не убивали... Всякий раз он просыпался в своей постели, чувствуя жуткую слабость и ломоту во всем теле. Он списывал такие сны на возраст и надвигающийся ревматизм.

Старик по-прежнему приходил в студию и

просиживал целые вечера в одиночестве, пока не появился юноша, и не начались песни. Но передачу закрыли, и петь стало незачем.

Касательно юноши старика раздирали противоречивые чувства. С одной стороны были песни, застолья и даже какое-то подобие — старик всегда боялся этого слова — дружбы, хотя какая могла быть дружба, когда разница в возрасте тридцать лет? «Но ведь и Томочка моложе на тридцать... — находил оправдание старик, — хотя что же он... а с Варварой-то они чего удумали? Значит, он уж переспал, может, с ней? Так, что ли? Или нет... Черт его разберет! Я-то думал, похорошеет девушка, а оно вон как вышло...»

— Послушай, птенчик, — решил поделиться с Томочкой старик, — как ты думаешь: голубок-то наш с Варварой мог сойтись, али как?

— Варвара эта — просто...! — коротко отрезала Томочка. — Вот же нейметса бабе. Она за этот подвал удавиться готова. Стерва!.. Ее никто не трахает, вот она и бесится.

— Вот я тебя и спрашиваю, птенчик, — усмехнулся старик, — трахает он ее или не трахает? Как ты думаешь?

Томочка показала из ванной.

— Он ее?

— Нуда.

— Судя по тому, что вы рассказываете... либо плохо трахает, либо совсем не трахает... — рассудила Томочка.

— Ты понимаешь, — поморщился старик, — как-то все сходится не так: она его на режиссера отправляет учиться. Спрашивается: зачем ей это надо? Ведь она ничего просто так не делает. Говорит, он ее просил... Может, и так... Значит, вроде бы трахает... А зачем она мне об этом сказала? А? Значит, он ее трахать не стал, а она, знаешь, таких вещей не

прощает... И его она никуда не направит, а мне как бы говорит: если ты его, старый хрен, не прогонишь, то я его режиссером сделаю... Чтоб заодно и мне нагадить... Ведь чуёт, небось, чутьем своим звериным, что я б её удавил с радостью... Чутье у неё бешеное... Так выходит?..

— А если она ему рассказала, для чего вы его к ней привели — представляете? — показалась из ванной Томочка. — Она вас давно съесть хочет. А тут его руками душить будет. Да, зная её, я уверена — все выложила. Иначе и быть не может.

— Может, и так, птенчик... может, и так, — проговорил старик. — Если она ему сказала, тогда конечно... В любом случае — режиссером он хочет быть... хе-хе... ну-ну — это уже показатель. Значит, решил уж и голос подать свой. Ведь не вечно же у них там ремонт будет, ведь сделают же и сцену, и зал, и спектакли играть можно будет... Вот он и хочет там режиссерствовать.

— Вместо вас, — вставила Томочка.

— Что ему этот подвал — тьфу! А там уже другой будет расклад, покруче... Но, видно, он с ней не поладил — не поспал как полагается, и она его мне сдала... Я так думаю... Что ж... — старик вздохнул, — посмотрим... Они ещё не знают, с кем дело имеют... Есть в мире одна болезнь, птенчик, которая не лечится... Знаешь, какая?

— Какая?

— Глупость...

Старик теперь собирался ставить детскую сказку.

— Да нас в любую школу пустят играть! — шумел он. — Это ж сейчас всем надо!

И выбрал для постановки совсем недетскую историю «Кузнечик-музыкант», вырезал из старого картона гигантских жуков, бабочек и стрекоз,

обклеил их разноцветной бумагой и прибил к подвальному потолку — в старую потрескавшуюся штукатурку гвозди входили, как в труху. Вскоре подвал превратился в сцену из «Гулливера в стране великанов». Главную роль музыканта, по замыслу старика, должен был играть скрипач. Скрипача стали разыскивать, но оказалось, что он как в воду канул, отчего старик хмурился еще больше.

— Послушай, — как-то сказал он юноше по дороге домой, — надо бы тебе девушку искать, что ли... Хочешь, я тебя женю?

— Не надо... Зачем? — испугался юноша.

— Ну, как зачем... хе-хе... Томочка про тебя тут спрашивала. Говорит, что это он к нам в гости не заходит. Пригласите, говорит, его непременно. Я его хочу... хе-хе... Уж мокрая вся... Хочу, говорит, и все тут! Она, знаешь, девушка с характером. Если чего в голову взяла, то уж не выбьешь... Я сам ее боюсь, порой... хотя конечно... ну, да что говорить...

— Чего это она? — юноша был шокирован открытостью старика, вспомнил и вечер с поцелуями. — Может, успокоится?

— Она-то? Может, и так, — вздохнул старик. — Знаешь, я шестьдесят лет прожил и дам тебе один совет, который, ежели ты конечно слушаешь, поможет тебе избежать многих бед, — старик лукаво посмотрел на юношу, — бойся женщин, старик... Это самое страшное, что есть на свете. Уж не одного человека, не один талант они сгубили... Бойся женщин... Что у них в голове — один черт знает.

Юноша покраснел.

— Хорошо, спасибо. Я и так боюсь, честное слово...

В вагон, где ехали старик и юноша, зашла эффектная длинноногая блондинка. Вся она была словно обернута в изящный деловой костюмчик.

Старик и юноша невольно оглянулись.

— Нравится? — кивнул старик. — Забирай!

Юноша растерялся.

— Зачем же так сразу? — смущенно проговорил он. — Может, мы характерами не подходим. Может, еще чего... Зачем же сразу забирать? Этак наберешь, потом не будешь знать, куда бежать...

— Да чего ты, забирай, говорю тебе. Потом разберешься, как и что.

Молодость старика протекала бурно, и он в таких случаях не колебался ни минуты.

— Ну ладно, коли нравится — можно так полюбоваться, — усмехнулся он. — Я вот теперь тоже, знаешь, люблюсь все больше. Вчера еду в метро, ну такая дива вошла — глаз не оторвать. Подошел, смотрю на нее. Тоже блондинка, волосы длинные, глазница, фигура, словом — все! Вылитая эта, как ее... ну, самая красивая... Ну, ты знаешь... Клаудиа...

— Шифер?

— Во-во! Шифер. Ну вот. Стою, разглядываю. Она спрашивает: «Что это вы на меня смотрите?» Я говорю: «Любуюсь. Можно полюбоваться? Такую красоту мне, старику, редко где увидеть доводится». Она плечиками дерг, говорит: «Любуйтесь». Я спрашиваю: «Куда едете? работаете, али учитесь? замужем ли?» Она говорит: «Не замужем, учусь». — «И кем же будете?» — спрашиваю... «Адвокатом...» — «Ага, — говорю, — значит, жуликов и бандитов защищать будете? Очень хорошо. Вот, оказывается, для чего нынче красота нужна — бандитов защищать». — «Нет, — говорит, — я бандитов защищать не буду». — «Позвольте, — говорю, — как же это не будете, если в этом ваша профессия заключается. Это, говорю, тогда “професьен де фуи” получается. Тут все зависит от того, какую дорогу выбрать, по какой пойти. Заплатят вам миллион долларов, так не то что бандита, самого черта защищать станете и

еще за счастье почтете. Так что, — говорю, — это ошибка большая, думать, что, мол, не захочу и не буду. Деваться некуда, не та дорога...» Ну да что ей говорить, молодая еще, много чего не знает... Я знаю, да мне не верит никто.

— Я верю, — сказал юноша.

— Спасибо, милый, — старик покосился недоверчиво, — спасибо, мой хороший... хе-хе... Хоть один умный человек нашелся. Другие дураки оказались, для них деньги важнее всего на свете, важнее искусства, театра... А что может быть сильнее этого? Ничего! Дураки! Не понимают...

Поезд подошел к станции. Двери вагона распахнулись и девушка вышла.

— Ну ладно, не хочешь эту, мы тебе другую найдем, — ухмыльнулся старик. — Мало ли их вокруг? Полно! Вот что, дружок, приезжай-ка ты завтра к нам, плов будем кушать. Я, знаешь, решил себе завтра праздник устроить. У меня рецепт особый — с черносливом. Попробуешь завтра. Сядем, посидим, по рюмочке выпьем. Ну как, приедешь?

— А что за праздник?

— Потом скажу.

— Я к тому, что, может, подарок нужен? Купить чего или как?

— Нет. Ничего не нужно, — отмахнулся старик. — Просто приезжай, там уж будет все.

— Одному приходится?

— Ой, ну что ты так много вопросов задаешь? — замялся старик. — Как хочешь, как у вас получится... Хотя, может, лучше одному — посидим, о наших делах актерских потолкуем. Томочка, опять же, все о тебе спрашивала... Где, говорит, этот красавец? Скоро ли придет? Чуть не требует уже: приведите мне его, говорит. Чем-то ты уж ей приглянулся так?... Ну а я что — мое дело стариновское.

Я уж дедушка, я только об одном прошу: не обижайте дедушку-то, дайте дожить спокойно... Не бейте... За что меня бить-то?... Не надо... — старик словно впал в забытие, глаза его потускнели, речь стала тише. — Пощадите...

— Да что вы? что вы? Никто вас и не думает бить. Что с вами? — забеспокоился юноша.

— Что? — очнулся старик. — Да... Это я... Не обращай внимания. Словом, завтра в четыре. Придешь?

— Приду.

— Ну, добре. Значит, до завтра.

«Что это он мне все Томочку навязывает?» — думал юноша, шагая по пахнущему мочой подземному переходу на Павелецкой.

Запоздалая цветочница предлагала остатки хилых, как дети войны, подмосковных роз; по мраморному полу, под присмотром дюжих молодцов, перемигиваясь, кружили механические игрушки; вдали отчаянно и неугомонно пилил одинокий скрипач. Несчастливая скрипка визжала, как бензопила. Юноша, стараясь быстрее миновать проклятый туннель, прибавил ходу. Но с каждым шагом скрипач неминуемо приближался, визг усиливался, фальшивые ноты гремели под сводами.

В назначенный час юноша звонил в бронированную дверь стариковой квартиры.

— Здравствуй, дорогой, — старик улыбнулся, распахивая дверь. — Ну, заходи, заходи. Томочка заждалась уж... Плов готов, стол накрыт... Можно наливать, пить и закусывать. Проходи, мой хороший. Вот тут присесть можно, тапочки, ежели желаете, прошу, вот вешалочка, пожалуйста. Чего изволите — все есть.

— Плов с черносливом? — уточнил юноша.

— С черносливом, с черносливом, — закивал старик. — Надо же как! Запомнил, что с черносливом должен быть. Ишь ты!

Юноша прошел в комнату, где на полу, на ворсистом ковре стояло блюдо с пловом, рюмки, оливки в вазочке, грибочки, фрукты и бутылка коньяку.

— О! — воскликнул юноша. — Да это целый пир! Позвольте прибавить к этому великолепию скромную, так сказать, долю! — он вынул из пакета бутылку водки. — Можно охладить.

— Охладим! — старик выхватил бутылку и понес ее в холодильник.

— Но это еще не все! — вслед ему крикнул юноша. — У нас пирог!

— Ну? — отозвался старик — Блеск! С чем?

— С чем? — переспросил юноша. — С картошкой и грибами!

— У-у, — сложив губы дудочкой, протянул старик. — Это мы не едим. Грибы — это еще как-то можно понять, но картошка — яд. Все, что растет в земле, не полезно, темной энергии много, света не набирает. Кушать надо то, что над землей растет, к солнышку тянется. Кашки там разные, плов, например...

— Ну, хорошо. В следующий раз сделаем пирог с рисом, — пообещал юноша. — А где же Томочка?

— А вот, слышишь, водичка шумит? — старик приложил ладонь к уху. — Слышишь?

— Слышу.

— Ну вот, это Томочка плещется, ванну принимает. Птенчик! — крикнул он через дверь. — Ты скоро? Уж и гости пришли.

— Иду-у! — раздалось из-за двери.

— Идет красавица, — обрадовался старик. — А мы пока можем и по маленькой. А?

— По маленькой — хорошо, — согласился юноша.

Томочка появилась в шелковом халатике.

— Ой, ну наконец-то вы приехали. Мы уж заждались прямо. Я в ванной чуть не уснула. Что-то так хорошо-хорошо стало, раз — и уже сплю. Сама не заметила даже...

— Ты, птенчик, поосторожней в ванне-то, — попросил старик. — Не спи. Мало ли что...

— Говорят, утонуть можно, — добавил юноша.

— Да ладно вам, — отмахнулась Томочка. — Там ноги-то не вытянешь по-человечески. Как лягушка корячишься в вашей ванне-то. Уж не знаю, до какого состояния нужно дойти, чтоб в этом корыте утонуть!

— Вот я и говорю, птенчик, — улыбнулся старик, — сложишься неправильно, уснешь, так и выбраться не сможешь, заклинит где чего...

— Вечно вы со своими глупостями! — рассердилась Томочка. — Хватит!

— Ну, хватит так хватит, — согласился старик. — Давайте, голуби мои, плов кушать. Чего тебе налить, птенчик?

— А вот этого и налейте — чего есть.

— А еще водка есть.

— Нет. Водки не надо пока... Налейте этого.

Курить выходили на кухню. Во время очередного перекура, когда коньяк был уже выпит, а водка почти ополовинена, юноша почувствовал, что нога сидевшей напротив Томочки плотно прижалась к нему под столом. Он взглянул на Томочку, и она, лукаво улыбнувшись, пустила в его сторону тонкую струйку дыма.

«То есть вот даже как?» — туманно подумал юноша, заглянул под стол, и, наклонившись, погладил Томочкину ногу чуть ниже колена.

«Именно так», — ответили Томочкины глаза.

Верно говорят, что лукавый подкарауливает пьяного и только и ждет, как бы подтолкнуть его на какую-нибудь необдуманную шалость.

— А я вот тут басенку сочинил, — вдруг сообщил захмелевший юноша, глядя на Томочкины ноги. — Хотите прочту?

— Про что? — сощурился старик.

— «Кузнечик-музыкант» называется, — объявил юноша.

— Это применительно к сквозному действию, али к сверхзадаче? — уточнил старик.

— Нет. Просто ради забавы.

Юноша был пьян; черт опять дергал его за язык.

— Короткая...

Содержание сводилось к тому, что легковые бабочки и мотыльки, привлеченные скрипкой виртуоза-кузнечика, неожиданно для себя попадали в паутину, развешенную кровожадным пауком. При этом кузнечик и паук находились в тесной дружеской связи и, как говорят, работали в паре. Словом, при желании можно было заподозрить в кузнечике юношу, а в пауке самого старика.

— Ну, как? — кончив читать, спросил юноша.

Томочка в ответ бессмысленно улыбнулась и скосила глаза. Старик же, мигом протрезвев, да он и не был пьян, сверкнул колючим взглядом.

— Ну, как тебе сказать, дорогой... Ты человек особенный... Ты не просто уйти, ты еще и в душу плюнуть хочешь.

— Да вы не так поняли. Это ж шутка.

— Да нет, чего уж... — усмехнулся старик.

Выпили по последней. Старик все кряхтел и усмехался, глаза его налились желчью, лицо побагровело.

— Не хочешь ты молиться нашему богу, — прого-

ворил он, когда юноша уже одевался в прихожей. — Не хочешь...

— Бог один, — отозвался юноша.

— Ошибаешься... — проговорил старик едко, — ошибаешься...

В студию юноша больше не приходил.

Спустя несколько лет старик вдруг сам позвонил юноше.

— Забыл старика... Приходи, потолкуем хоть, чайку попьем.

Юноша был рад. Едва он распахнул дверь в подвал, старик поднялся ему навстречу. Он почти не изменился, только чуть еще постарел, чуть похудел, чуть серебристее стали его вихрастые кудряшки.

— Здравствуй, дорогой! Давно, давно не виделись... Дай-ка я тебя обниму.

После объятий, снова, как по волшебству, на столе возникли коньяк и закуска.

— Планов громадьё! — шумел старик. — У Гоголя ж юбилей. Ставим оперу «Мертвые души». Петь будем. Я всем сказал, кто ходит, выбирайте отрывок, любой, кому какой нравится, и пойте. Музыка не важна, главное, чтоб пели. Как в опере. Старик, чудо, что должно получиться!.. Согласен? Ну еще вот «Ревизора» будем ставить, хотел тебя просить, больше некому...

— О чем?

— Да вот, Хлестакова сыграть... Ты подумай, дорогой, я уж прикидывал и так и сяк, больше некому, никто не потянет.

Как бывало, засиделись допоздна.

— Ну вот... Ну что тебе еще рассказать... Я ж тут в Америку слетал... — рассказывал старик. — К родне... Что ты! На свадьбу племянницы... Это я тебе скажу... Ну, ты пей вот чаек, наливай, вот

печеньица, конфетки, бери, что хошь... Ну, ежели по порядку... Племянница замуж собралась. Это когда делать нечего людям, они женятся... Спрашивается, ну женитесь — ну и женитесь себе преспокойно, коли охота такая пришла... Я тут при чем? На что вам публика? Так нет, все должны прилететь со всего свету, все бросить, чтобы ими полюбоваться, на морды их лоснящиеся посмотреть, поздравить, облобызать, выпить и закусить... Как же, говорят, традиция. Это, значит, чтобы оправдать любое безобразие, его традицией обзывают, и твори что хошь, никто слова не скажи, не пикни... Будто без этого нельзя. Им, видите ли, жениться приспичило, а ты бросай все и лети, куда тебе скажут, хоть на Луну! Это ж Америка — это ж для нас как Луна, другая планета, это бог его знает где... Ну, вызов прислали мне... Думаю, ладно, слетаю, когда еще доведется в Америке побывать, да и доведется ли... Словом, попутный ветер подул, а когда попутный ветер дует, это главное в любом деле, нельзя его упускать. Упустишь, жалеть будешь потом... Посольство всякое там, анкеты, документы, это ладно. Думаю, а как лететь? Во что это обойдется дедушке? Стал узнавать. Звоню туда-сюда, билеты, мать моя, целое состояние стоят! Где деньги такие брать?.. Это ж кем работать надо? Это ж какую они страну построили, что простому режиссеру народного театра надо два месяца пахать, ни есть, ни пить, чтобы только в один конец билет на самолет приобрести? А обратно как? Своим ходом? Вплывь через океан?.. Прощайте, скалистые горы?.. Родня из Америки по телефону утешает, мол, мы тебе вышлем сколько надо, только скажи, не переживай, не волнуйся, только прилетай, очень тебя все тут заждались... Понял, да? Не ждали, не ждали и вдруг заждались... Во как! Каждый раз часа по два говорили с ними по телефону. Ну, понятно, это они сюда звонили, у меня таких мульонов нет, чтобы в

Америку названивать и по два часа разговоры разговаривать. Это только они могут. У них там, видишь ли, какая штука, раз в месяц или в неделю, сейчас не помню, куда хошь позвонить можно бесплатно, ежели пенсионер. Ну, и скидки на все... Там, если ты на пенсии, то тебя просто спрашивают: что надо? И привозят мешками — картошку, морковь, лук, все по простому, чтоб не таскать сумками, сразу фургон подъезжает и сгружает тебе, чего хочешь, чего тебе требуется... Ну вот, они мне и говорят, мол, не переживай, если с деньгами проблемы, мы тебе вышлем сколько надо... Это понимаешь, мало того, что они раз в год бесплатно в любую страну мира по своему хотению могут смотаться, в любое удобное время, только пальцем ткни, хошь в Австралию, хошь в Африку, так они еще и мне говорят, мол, денег вышлем. Видал, какое изощренное унижение, а? Шедевр! Совсем уделали дедушку... А еще говорят, мы тебе тут невесту присмотрели... Хе-хе... Только прилетай, деньги, мол, вышлем... Но я говорю, нет уж. Что я нищий, что ли?.. Что я, на билет в Америку не заработал, не могу раз в жизни билет в какую-то там Америку купить?.. Могу!.. И вот я начинаю думать, что ж делать? Надо бы как-то подешевше... Чтоб не за мульоны, а хотя б за тыщи... Начинаю искать, посмотреть. Там-сям. Думаю, узнаю, кто туда летает? Узнал. Нашим Аэрофлотом — у-у-у... неподъемно, не заработаешь столько... А не летает ли еще кто? И смотрю, есть другая компания, ихняя, американская, «Дельта» называется. Цены пониже... Я к ним, а дело зимой было, в феврале, а мне лететь в мае, они мне говорят: «У нас зимой большие скидки, а если вы заранее купите, то вообще чуть ли не вдвое дешевле. Словом, берите сейчас на май, и тогда будет вам счастье...» Думаю, хорошо, беру, мне ж все одно лететь, так лучше сейчас взять дешевле, чем потом дороже... Пра-

вильно? Ну вот я и говорю: «Мне до Денвера билетик дайте». А они: «Мы до Денвера из Москвы не летаем, мы только до Нью-Йорка...» А мне-то надо в Денвер, это ж еще черте сколько переть... «Что же делать? — спрашиваю. — Как же мне до Денвера дочапать?» — «А вы, — говорят, — летите с пересадкой. Возьмите два билета: от Москвы до Нью-Йорка и от Нью-Йорка до Денвера. Мы, — говорят, — так летаем». Я спрашиваю: «Разве так можно, чтоб в Москве купить билет на внутренние американские линии?» — «Отчего же, — отвечают, — конечно, можно...» Понимаешь? У них все можно и все легко... Если пришел к ним человек, то человеку все можно. Видал, буржуи проклятушие до чего людей довели?.. Это ж наш человек от такого с непривычки может даже свихнуть с ума!.. Ну вот, беру, значит, билеты, доволен до крайности. Рейсы так подобрал, что у меня час на пересадку в Нью-Йорке. Содного самолета слез, в другой влез, и лети дальше. Правда, если б я знал, что такое нью-йорский аэропорт... Ну, это отдельная песня. Это надо книгу писать или кино снимать... Это целый город, там жить можно... Это, ну... видеть надо. Вот, значит, время идет, срок близится, весна в разгаре, потихоньку начинаю готовиться к путешествию... Это ж через океан... Двенадцать часов или около того. Что с собой брать? Какие вещи? А еще подарки, то се. А самое главное, все вокруг прознали, что я в Америку лечу... Соседи, друзья, родня... и все давай гостинцы своим передавать, тем, кто там обосновался. Как ждали! У всех нашлось, кому дрянь какую-нибудь послать-передать... И началось... Кто что тащит, Софочке варенье, друзьям фотографии, Семочке икру, Додику свитерочек... Пропасть! Хоть не лети никуда. Чемоданов пять надо брать, не меньше, чтоб все рассовать-расфасовать... Личный самолет требуется!.. Я говорю, вы что? Как же я это все допру?.. А мне

багаж брать-сдавать нельзя, у меня все подсчитано, на пересадку с рейса на рейс ровно час! Это значит, что я прилетаю в ихний Нью-Йорк и сразу должен бежать вприпрыжку на другой рейс. Какой багаж?! Свяжешься с ним — на посадку опоздаешь, пока получишь, пока то се... Думаю, нет, мне багаж не нужен, мне только ручная кладь. А вещей прорва набралась. Куда это все девать? Как везти? И, главное, сколько? Стал узнавать. Оказывается, можно взять с собой в салон сумку, но не простую... Там у них все указано, какие габариты... длина, ширина, высота... все. Я думаю, как же мне в эти, мать их так, размеры вписаться, чтоб тютелька в тютельку... И понимаю, что нужна такая сумка, чтоб точь-в-точь, как они требуют... А где такую сумку взять? Самому шить? А из чего? Из простыни не пошьешь... Но есть такие люди, китайцы называются, так они, давно, оказывается, этот вопрос выяснили, решили и все предусмотрели. У нас неподалеку рынок большущий, просто огромный, конца краю не видно, за неделю не обойдешь. И там все, что хошь, все есть и все очень недорого... Ну прям Клондайк!.. Кто там только не торгует, кого там только нет. И китайцы, и афганцы, и кавказцы, и наши, и не пойми кто... Словом, Вавилон... Туда с других рынков, со всей Москвы съезжаются и оптом закупают, что надо. Ряды многоярусные, высотой с трехэтажный дом, крытые, куда-то за горизонт уходят, и таких рядов там не счесть... Я там себе всегда все покупаю. Ботинки вот, — старик задрал ногу и потянул вверх брючину, открывая новенький сверкающий лаком ботинок, — там купил. Сколько, думаешь, стоит?

— Если кожа, то тысячи три, — оценил юноша.

— Шестьсот рублей!

— Да вы что...

— Точно тебе говорю. Он тысячу хотел, тот, кто

продавал. Я говорю: «Нет, дорого». Он: «Восемьсот». — «Нет, — говорю, — я ж пенсионер. Мне скидка полагается». И ухожу. А он: «Ладно, — говорит, — отец, только для тебя, бери за шестьсот». Тут я думаю, взять, что ли? Ботинки хорошие, не кожа, конечно, но зачем она нужна, кожа-то? Хранить ее? Будут валяться, место занимать. Сезон отходил, и ладно. Говорю ему: «За шестьсот беру». Он: «Бери, отец, и уходи... Только никому не говори, что я тебе за шестьсот продал». В сумку все упаковал, матерчатую, одна сумка рублей пятьдесят стоит. Я теперь с ней в магазин хожу.

— Так ведь не кожа...

— Ну и что, что не кожа?.. Зачем она нужна, эта кожа?.. Тут каждый год живешь, как последний. Зимы уж больно тяжелые... А с годами все тяжелее. Каждый раз думаешь: опять полгода зимы и холода... До весны, до тепла дотянуть бы... климат уж больно суровый... солнышка маловато... Ну вот, иду я на тот рынок и покупаю точно такую сумку, как надо. Видел, наверное, эти пластиковые сумки китайские? Нахожу прям один к одному, с точностью до миллиметра, до микрона... Они ж это все знают, все эти требования дурацкие, и все сделали, чтоб люди под завязку могли загрузиться вареньями, сувенирами и всякой этой химией... Прихожу домой, забиваю мою сумку до монолитности — так что ни щелочки, ни шовчика, там не то что мыши, микробу просочиться негде. Но тяжелая получилась — страсть! Ну, думаю, ладно, как-нибудь дотащу, пусть порадуются гостинчикам Додики эти разные... — Старик закурил и продолжил: — Приезжаю в аэропорт. На регистрации спрашивают меня: «Где ваш багаж?» Я говорю: нету, я, мол, с пересадкой, все в руках, сумочка вот небольшая. Они смотрят, переспрашивают: «Небольшая? Давайте измерим». Линейку достали, меряют, ничего понять не могут. Точь-в-точь. Тютелька в

тютельку. «Удивительно, — говорят, — первый раз такое встречаем... Никогда такого не было». Пропускают, но, знаешь, с такими лицами — загрызли бы. Словно у них добыча из когтей ушла, крупную рыбу поймали, а она себя съесть не позволяет. Иду дальше, девица сидит, таможенница. Смотрит на меня с этаким прищуром. «Первый раз, — говорит, — вижу, чтобы валюту в таких сумках провозили». Я прохожу мимо, вроде как не слышу, а она: «У вас, дедушка, — говорит, — доллары или всего понемногу?» Обратилась, значит, тут уж пришлось остановиться, передохнуть, сумка уж больно тяжелая, поставил я ее на пол и отвечаю вежливо: «Дочка, — говорю, — зачем дедушку обижаете? Да ежли б у меня столько валюты было, я бы на собственном самолете летал, а не на общественном». А она усмехается, скучно ей, решила над старичком поизмываться, шутница. «Откуда, — говорит, — я знаю. Может, вы перевозчик...» Это я-то!.. «Какие, — говорю, — у вас глазки зоркие, очаровательные, и все подмечают, не скроешься, как рентгеном насквозь просвечивают. У меня, — говорю, — начальница имеется на службе, так она вся в вас. А касательно багажу, можете половину моей валюты прямо себе оставить. Мне не жалко, а вам будет с чем чаек попить и подружек угостить». И уж начинаю сумку расстегивать, варенье доставать. А сам думаю, так все запаковано хорошо, спрессовано, умято. Сейчас все вынимать, такая канитель, потом фиг все так же уложишь, да и неудобно, и время поджигает. Но она меня пожалела-таки, говорит: «Проходите, дедушка, это я пошутила». А за мной уж другие идут, кто побогаче, она на них свой рентген перенастраивать начала. Я ей улыбаюсь, говорю: «Вот спасибо, миленькая, хорошей шутке и душа радуется». А сам думаю: «Гнида, чтоб ты подавилась, тут и так нервов не хватает, весь в трясучке, а она еще добав-

ляет...» Подхожу к будке, паспорт проверили, морду мою сличили, пустили к магазинам. А там все в огнях, все сияет, кругом хрусталь и мрамор. Загляденье!.. Этакая Семирамида да и только!.. Походил туда-сюда, посмотрел. Цены немаленькие. Все кусается... Думал, может, брату часы подарить. Представляешь? Они думают, нищий к ним из России едет, шваль, голодранец, а я — брату часы и всем подарки. Что ты!.. Опишутся все. Но куда там, приценился, тысячи требуют!.. Думаю, ладно, с этим повременим, в другой раз как-нибудь... В креслице присел, подремал, слышу, мой рейс объявляют. Ну, думаю, вот сейчас судьба и решится. Вроде как к краю пропасти подходишь, уже, можно сказать, бездну зришь, а сзади уже напирают, и отвернуть нет никакой возможности. Только прыгай, не задерживай, не то затопчут...

Иду по кишке. Под ногами пол ходуном ходит, как палуба корабельная. Уже не разобрать, то ли коленки дрожат, то ли вокруг все дрожит и колышется. Захожу в самолет, «Боинг» двухпалубный, громадина — жуть берет и не отпускает, цельный дом с крыльями. Народу полным-полно. Ковчег... Кажется, сейчас какой-нибудь ихний Ной навстречу, а там дальше, за портьеркой, небось, клетки со зверями и птицами, целый зоопарк... Как такое летать может?.. Вроде по всем понятиям не должно. Но, видно, мощь такая в движениях, что тут что хошь полетит. Четыре вот такие, — старик широко развел руки, — здоровенные бандуры под крыльями болтаются, подвешены, я туда в полный рост войду — в соплу ихнюю. А топлива жрет! Представить сколько сложно... Страшное дело. Летучий корабль, словом. К подводной лодке приделай крылья и скажи ей: лети. Вот, примерно, то же самое... У входа в нутро стюардессы, улыбаются миленько, талон посадочный смотрят, на сумку мою поглядывают подозрительно, но ничего, тоже пропускают... Нахожу свое

место, стюардесса мне говорит: «Сумочку наверх надо...» А как ты ее наверх закинешь? Я ее едва от земли отрываю. Прошу ее: «Помоги, дочка, рука что-то не поднимается». Попробовали с ней вдвоем, но куда там... У нее чего-то хрустнуло внутри, в лопатках, так она, как штатив, внутрь себя складываться начала... Хорошо рядом, бугай здоровенный оказался, сзади меня сидел, подскочил к нам: «Давайте, — говорит, — помогу». Стюардесса в сторонку отползла, и так потихоньку поковыляла куда-то, бедненькая... А мужик, — вот такая ряха! два меня в ширину, — приподнял сумочку, словно перышко, и набок в шкафчик задвинул.

— Как Шварценегер?

— Во-во... Привык железо ворочать... Или грузчик. Молодой парень, симпатичный. Я его потом расспросил, кто он, откуда и чего летит? Он говорит, к друзьям, мол, помочь надо, что-то там без него не решается, какие-то задачи. Ученый оказался, хотя и не похож. Сажусь в кресло. Напряг такой, думаю, без коньяка не долечу. Хорошо, что взял с собой фляжку полулитровую, в карман у сердца положил, и время от времени прикладываюсь... Половину до взлета высосал — не берет, ни в одном глазу. Хоть ты что!.. В обычный день полбутылки коньяку — шутка ли? А тут выпил, как воду, и ничего. Организм в такой стресс вошел, спиртное не действует...

Когда взлетели, первые часа два, как на иголках, да и потом не лучше. Подумать только — через океан!.. Да тут все, что хошь. Вон, показывают по ящику: то эти, падлы, террористы повылазят отовсюду вдруг, — черт знает, откуда они берутся, — то движок переклинит, то молния в самолет вдарит, да еще и на подлете эти ихние Бермуды. Кто их знает, как они себя поведут, и когда жажнут?.. Нет-нет, а вдруг однажды шваркнет, и привет, поминай как звали. Думал, выпью — засну. А спящему не

страшно, хоть в Бермуды, хоть куда... Тяну коньяк, грызу колбасу потихоньку. Это я с собой взял закусить палку копчененькой... Плащик у меня такой, полупальтишко, ну ты знаешь, так вот, слева в одном кармане коньяк, а справа в другом — колбаса. Из одного глотну, из другого закушу. Да куда там!.. Ни в одном глазу. Курить охота — жуть! Пытка!

Сели в Денвере, выхожу из аэропорта, осматриваюсь. Старик, другая планета!.. Даже воздух другой, атмосфера не наша, и я стою, как космонавт, первый человек на Марсе, Незнайка на Луне... Вижу, все идут куда-то, ну и я за ними, думаю, народ знает, куда надо. Так и есть, вон брат стоит, машет рукой мне, встречает. Садимся в его машину, покатили... Приезжаем к нему, дом двухэтажный, четыре спальни, два туалета, гостиная. Лужайка, пара кустиков, словом американская мечта, стриги газон и горя не знай. А время уж к вечеру. Брат спать пошел, а я в гостиной у телевизора остался. Не спится, каналы щелкаю. А там их сотня!.. Казалось бы, часов двадцать уже глаз не сомкнул, да какой там, больше! Это ж еще те, что до полета считать надо. А не спится и все тут. Организм из стресса не желает выходить. А у брательника в холодильнике литровая водки и литра три вина сухонького красного. Ну вот, я сижу у телевизора, культуру ихнюю массовую впитываю и потихоньку пью. Все надеюсь, выпью — усну. Должно ж меня сморить-таки когда-нибудь. Ведь не бывает же такого, чтобы человек не заснул рано или поздно. Правильно?.. Вот пью, пью... водку выпил, вино допиваю и только часам к шести утра, уж светать начало, чую, начало меня потихоньку в сон клонить. Ну думаю, слава богу... И заснул наконец-таки. Проснулся около полудня, вижу: брат надо мной склонился, осматривает, будто я неживой, принохивается, пульс щупает. Проверяет, дышу я

али как? Заметил, что я глаза открыл, «фу-у, — говорит, — как ты меня напугал!» Я спрашиваю: «Что случилось? Чем это я тебя мог напугать?» А он, говорит: «Скажи, пожалуйста, как ты себя чувствуешь?» — «Ничего, — говорю, — нормально чувствую». — «А позволь спросить, — говорит, — у нас тут ночью кто-то еще был?» Вижу, он на бутылку пустую из-под водки косится и на бадью винную... а в ней тоже на донышке. «Нет, вроде, — говорю. — Я никого не видел, при мне никого не было. А что? Что-нибудь пропало?» Он руками машет. «Нет, — говорит, — ничего не пропало... И ты не подумай ничего такого... Ты можешь брать в этом доме все, что захочешь... Но скажи, пожалуйста, неужели это ты один все выпил?» Я киваю, да, мол, один... А что тут удивительного? А он губами пожевал, глаза у него распахнулись во всю природную ширь, и говорит мне: «Знаешь, — говорит, — если б я столько выпил, я бы, наверное, умер». Это он, значит, никак поверить не мог, что обычный человек, такой, как я, в одиночку столько выпить может. Ну, я по плечу его потрепал, улыбнулся ласково и отвечаю: «Это потому, что ты, брат, любитель... А я-то — профессионал!» Встал, умылся, чаю попили и поехали на свадьбу.

Для свадьбы ресторан сняли за городом. Место красивейшее. Предгорье, холмы зеленые, долина в низине, все цветет и благоухает. Народу понаехало, встать негде. Все ж на своих машинах. Там, в Америке, без машины ты ж не человек, вообще никуда не доедешь. Они ж общественный транспорт у себя весь почти изничтожили. Все теперь на личных авто рассекают... Прикатило, в общем, человек сто гостей. Все с детьми, с друзьями, кто с кем, со всего мира съехались, да еще и я из России. Ресторан русский, все официанты по-русски лопочут... И это при том, что среди приглашенных ни

одного русского, все евреи. Это, знаешь, целый народ новый вывелся — русские евреи, ашкенази такие... Да и музыканты тоже, небось, евреи по паспорту. То ж евреи в России культуру создали, как и, мать ее так, революцию, и русским ее подарили, но не приживается никак, сколько лет прошло, нет, ни в какую. Вот они ее с собой, куда ни поедут, берут, культуру эту, и дальше несут... Не в пейзажах же ходить! Смешно даже, маскарад какой-то... Словом, музыканты русские, из эмигрантов, голосищи как в Большом театре, все в рубашках-косоворотках. Ну и все, что хошь, поют: оперу, шансон, эстраду... Чего ни попросишь, все знают... От Кобзона до Гудзона... Я к ним подошел, спрашиваю: «"Лошадок" подыграете?» Оказалось, нет, не все знают... Плечами пожимают: «Каких таких лошадок?» Я говорю: «Как каких? Лещенко, конечно!» Они: «Ах, Лещенко!.. Хм... Мы у Лещенко много чего знаем, "День победы" и "Родительский дом" знаем, а вот "Лошадок" не знаем». Молодые ребята совсем. Видно, когда эмигрировали, совсем еще детками были несмышлеными, или уж там народились, не разобирать. «Нет, — говорю, — не того Лещенко, который сейчас поет, а Петра Константиновича Лещенко, великого русского певца. Слыхали про такого?» — «Нет, — говорят, — извините, про такого не слышали. А где он поет и какие песни?» — «Да он уж не поет давно». — «Как жалко, — говорят, — мы бы послушали». — «Так послушайте, на пластинках есть. Записи-то остались». — «А где он сейчас живет?» — спрашивают. Понимаешь, нет? Им кажется, что любой, кто чего-нибудь в России добивается, капиталец сколотит или открытие сделает для всех очень важное, али научается чего-нибудь делать такое, чего другим не удастся, или еще чего, то сразу уматывает отсюда к такой-то матери в другую страну жить. Ну, в общем, так и происходит по большей части, конечно. С деньгами-

то можно, где хошь, устроиться. Ты без денег попробуй. Кому ты нужен? Я им отвечаю, знаешь, ликбез такой провожу, экскурс в русскую культуру им устраиваю: «Не живет он, уже нигде, — говорю, — замучили в застенках еще в середине века прошлого... А жил он, — говорю, — в Румынии, а сам из Кишинёва». — «Надо же... — говорят, — мы и не знали... Спасибо, что рассказали нам про певца такого интересного. Мы его записи обязательно послушаем... А вы, — говорят, — когда подойдете к микрофону, просто начинайте петь, а мы за вами пойдем и подхватим. Нам, — говорят, — главное тональность понять, а там уж мы разберемся. Как это сразу, да после самолета?... А у меня и голос подсел от переутомления. А мне ж поздравлять надо... Ну, вот вышел к микрофону и говорю: «Позвольте в честь молодых, — а им уже под сорок, но там видно, раньше жениться не принято, — спеть песню великого русского артиста». И начинаю... Уж в какой тональности, не знаю, я ж не Карузо... Но ребята-музыканты чего-то там вроде подхватили... Правда, я их всеми силами старался не слушать, думаю, надо отвлечься от всей этой ихней музыки и своим внутренним слухом, с картинками... Не то собьюсь... А там как пойдет... А голосу нет, сип какой-то. Но микрофону ж все равно, он что хошь усилит. И пою... Вижу, народ заулыбался... Там друг к другу все очень по-доброму, крикни ура — кричат ура, крикни горько — все кричат горько, никто на тебя криво не смотрит, не косится подозрительно, в горло тебе клыки не целит, очень доброжелательно все, приветливо... Понятно, от сытости, наверное... Ну, допел я, похлопали они мне. Все, думаю, отмутился, теперь можно отдыхать. Ребят-музыкантов поблагодарил. Они как узнали, что я больше петь не собираюсь, очень обрадовались... Выпил уже по-настоящему, на спокойное, закусил плотненько, там еды было — не съесть столько. Они там все жрут, я

тебе доложу. Я среди всех гостей, включая детишек малых, что под столами словно мячики кувыркались, самый худой был. Истощенный прямо на вид, узник концлагеря в сравнении с остальной публикой. Кушают они очень прилично. А на меня так все глядели сочувственно. «Какой вы, — говорили, — худенький. У вас, наверное, с продуктами сложности...» Они ж, когда уезжали, это начало девяностых, у нас пустые прилавки, очереди, все по талонам... Вот они и думают, что тут все по-прежнему, а то и того хуже. А средний американец, это такой пухлячок, желеобразный колобок такой, который постоянно таскает с собой два больших рюкзака: один на пузе, а другой — пониже спины. Вот они и ходют-переваливаются черте как, словно каракатицы. Ну, а как тут иначе, когда, идут они, к примеру, по улице, а вокруг них со всех сторон жратва. Руку лишь протяни — тебе бутылку пепси в зубы, прямо на ходу сосешь. Высосал, в урну пустую бутылку кинул, идешь дальше, тебе курицу, чтоб ты не скучал, сразу в пасть суют — это у них за мясо и не считается даже, куры на каждом шагу жаренные, — ну и сжираешь курицу. Пока до ресторана доберешься, уже закусил и сыт. Гамбургеры там, шваббургеры всякие, этого вообще без счету. Только рот открывай, они сами туда прыгают. Вот и ходят люди — рюкзаками своими трясут, у кого сколько. И дети у них такие же, поперек себя шире. Ну и болеют, конечно. Если б не их медицина, там бы все полегли давно, но лечат круто. Брату, вон, операцию делали, так он ничего не платил, все по страховке. Только подписал там бумаги, какие надо, и все, палата отдельная, оборудование, ни копейки, ни цента не взяли...

Ну, это к слову. Поели-попили, пляски начались, пошли трясти телесами. Паноптикум какой-то, бегемотики на танцполе, пузанчики в отрыве, медузы в штанишках... Пляшут красные, румяные,

веселуха, словом. Но чтоб кто сам стишок прочел или песенку спел, таких и не было, такой только я один выискался. Меня сразу с мадам одной познакомили, это которую для меня как бы, я уж не знаю, в шутку иль как, приготовили в невесты... Приятная такая женщина лет пятидесяти пяти, светленькая, полненькая, пышечка такая, улыбается миленько, и глазки хорошие... Спрашивает меня: «Вы женаты?» Я говорю ей: «Я уж в таком возрасте, миленькая, что забываю, что это значит и для чего это нужно... Очень редко когда, — говорю, — воспоминания находят, но быстро очень проходят и опять полный покой и благоденствие наступает». Она говорит: «Вы знаете, вам, возможно, очень повезло, я как раз умею освежать память, у меня это со всеми моими мужьями всегда получалось». Я думаю: «Эге, это значит, она уже не первого старичка на тот свет провожает. По всему видно, большой специалист, тоже профессионал в своем роде, дело, судя по всему, знает». Только не пойму, зачем я ей? Квартира ей моя московская нужна, что ли? «Дайте мне, — говорит, — ваш телефон, я скоро буду в Москве, я вам позвоню». — «Ага, — думаю, — ты еще Томочки не видела». Ну, дал ей телефон, черт с ней, пусть звонит. По телефону поговорить, это ж не жениться, правильно? А может, она шпионка-разведчица, черт ее знает. Это как мне один знакомый рассказывал, к нему графиня из Италии приезжала, очень детишками нашими интересовалась. «Мы, — говорила, — по благотворительной программе возим детишек из России в Италию на отдых». Вот она это все и организовывала. Договаривалась со школами, интернатами, чиновниками, чтоб детишек ей давали. Конечно, очень все на первый взгляд благообразно выглядит, благородно, несчастных нищих детишек в Италию... А суть простая и очевидная. Потом, через годы, когда эти детишки повьрастают, и посты разные займут кто где, в правит-

ельстве или на фирмах своих, то контракты с кем заключать станут? С ними — с итальянцами. У кого покупать чего надо будут? У них же. Это такое вложение на дальнюю перспективу. Внедрение в мозги детские нужных приоритетов сызмальства. Так вот, она — графиня, казалось бы, денег куча, ну если и не куча, то по крайней мере должны быть, у нее ж поместье в Италии родовое, да и за шпионство ей платить должны командировочные, на гостиницу, питание и всякое такое. Но она, когда в Москву приезжала, то всегда у него, у знакомого моего останавливалась. «Гостиница, — говорит, — очень дорого». Это графине-то!.. Старушка уже, ей за шестьдесят. И вот несколько лет она ездила и каждый раз у него останавливалась по нескольку раз в год, как своя. И ни сувениров, ни подарков. Так, привозила иногда какие-то пирожные, печенья дешевенькие, и ни копейки, ни лиры, ни доллара, ничего не платила, улыбалась только. Культурная Европа этакая... Вот мой приятель и думает: «Какой мне с нее прок? Ничего не дарит, не платит, к себе не зовет. На фиг она мне сдалась?.. А дай-ка я тоже к ней в Италию нагряну с ответным визитом. Поживу у нее в замке как человек. Пущай ответит на гостеприимство соответственно». И вот как-то раз она опять приехала, он и сказал ей, мол, ждите в гости, сеньора. Ну тут она очень огорчилась. До крайности прямо. Аж перекосило ее всю. У них, знаешь, у европейцев, особенно у графинь, улыбка на все тридцать два зуба, все отработано, наиграно, включается по команде, как лампочка. А тут у нее спиралька внутри потухла электрическая, губки в этакую жопку сложились, в дудочку, бровки нахмурила, головкой качает. «Не знаю, — говорит, — очень сложно будет вас устроить». — «Так у вас же свой замок!» — приятель говорит. «Нет, в замке нельзя. Вам лучше снять гостиницу». — «Почему нельзя?» Спрашивается, что ей, замка жалко? «У

меня там, — объясняет, — полы очень дорогие, старинные. Я сама по ним лишний раз стараюсь не ходить. И у меня там специальный экологический режим, влажность особенная, все поддерживается искусственно, чтобы древние фрески не повредились. Вы, — говорит, — нарушите биологическую среду, а это очень плохо скажется на сохранности здания. Это, — говорит, — исторический памятник. И если там что-то разрушится, то у меня будут большие неприятности, штрафы и всякое такое прочее». Будто он чего-то рушить туда ехать собрался!.. Будто, если из России, то обязательно все вокруг себя крушить должен, всюду писать на стены и древние фрески на память отколупывать... Ну, все равно, съездил он туда, пожил в гостинице, прощвырнулся по Италии, по Апеннинам ихним потоптался, денег потратил кучу. Вернулся сюда, а она звонит через месяц и сообщает, что, мол, скоро приедет в Москву, мол, нельзя ли опять у него остановиться? А он ей и отвечает: «Сеньора, — говорит, — я как раз собираюсь подать заявку в ЮНЕСКО, с просьбой включить мою квартиру в список культурного наследия города. Поэтому меня сейчас очень волнует экосистема моего жилища. Прямо до крайности... Ночами не сплю... И почему бы вам в связи с этим не снять гостиницу?» Ну, она ни слова не сказала, трубку положила и больше не звонила. Графиня...

Ну, и я вот тоже, как Колумб, для себя Америку открыл, погулял и обратно. Летел оттуда — спал, как младенец. Ну, и гостинцев, понятно, нагрузили, как на верблюда, еле допер...

Среди зимы юноша опять заглянул в студию, старик встретил его радостно. Глаза его по-юношески сверкали, он возбужденно прохаживался по залу, переставляя стулья и декорации.

— Ну, дорогой, наконец-то! Свершилось! Я говорил, я всегда говорил, что рано или поздно какая-нибудь падла проклюнется. Посмотрит наши песни и скажет: шедевр! Ведь где это видано, чтоб три года, как на работу, ходили, песни пели, костюмы шили, шеи мыли — и ничего, никакой реакции, акромья зрительской... Ведь мешки писем, туча звонков, и ни один продюсер, ни одна сволочь не позвонила, не позвала. Чем они там все занимают-ся?.. Понять невозможно... И ты видишь, что происходит? Пять лет прошло, как канал закрыли, как мы им последнюю песню спели, и, видишь ты, вспомнили!.. Посмотрел кто-то записи. Все ж в архивах хранятся... Нашли. Позвонили мне... «Мы, — говорят, — передачу делаем о легендах общественного телевидения, приглашаем вас песенку спеть...» Это спустя пять лет-то!.. Они вдруг решили передачу сделать о легендах! Непонятно, зачем? Хотят, чтобы и их тоже прикрыли, что ли? Ну да это их дело. Я говорю: «Очень приятно... Как это вы о нас вдруг вспомнили?» А там девица какая-то мне отвечает: «А у нас лучшие номера в архиве оцифрованы». Я спрашиваю: «А какие песни вы хотите? Сколько и когда?» Ну, она мне все рассказала. «Там, где, — говорит, — вы ковбой, потом алкашей спойте и где вы в ушанках и валенках». Это про телевизор... Три песни отобрали. В общем, ждут они нас в четверг. Что скажешь?

— Думаю, надо идти...

— Ну вот и я тоже подумал, — обрадовался старик. — Не сходить всегда можно, а вот сходить — это ж другое дело. Давай сходим... Я ее спрашиваю: «А что платите?» — «Это, — говорит, — вам надо будет с режиссером обсудить, когда приедете». — «А сейчас нельзя потолковать с режиссером?» — спрашиваю. — «Сейчас нельзя, он в отъезде». Вот это меня сразу насторожило. Раньше-то мы ходили новое показывать, можно сказать, для собственно-

го удовольствия, вроде как вложение делали... А тут уже дивиденды пошли!... Это ж не мы их просим. Они же сами нас раскопали и зовут, приходите попойте... Значит, должны платить. Вообще, что за времена настали? Я помню, в советское время были тарифы официальные, все понимали, что человека от работы отрывают, от еще каких занятий личных для него важных, значит, надо компенсировать, заплатить ему, и все официально, тарифная сетка была... Приглашаю я, скажем, в передачу студента или простого гражданина — плачу ему, условно говоря, рубль, приглашаю доцента — три рубля, профессора — пять рублей... А сейчас? Ну ладно, посмотрим... Все порушили и совести ни на грош...

В четверг старик и юноша встретились у Белорусского вокзала.

— Тут недалеко, на улице Правды они находятся, — сказал старик. — Пойдем потихоньку.

Юноша нес гитару, старик курил на ходу, держа юношу под локоть.

— Ну, значит, давай сразу уговоримся. Если денег не платят, уходим. Правильно? — Юноша кивнул. — Ну вот, это главное. Пойдем здесь вот. — Они свернули налево. — Видал, чего отгрохали? — удивился старик, кивая на залитое огнями здание. — Раньше тут дом культуры «Красная звезда» был, а теперь казино...

Здание, в котором обитал телеканал «ТЫ-1», походило на заброшенную мануфактуру; широкие темные окна, обшарпанные деревянные рамы; весь в черном охранник на страже... Маленькая юркая девица-администратор проводила их в просторную освещенную комнату, прося подождать. В комнате рядами, как на грядках, скучала дюжина девиц, благоухая на все лады. Томясь в ожидании вечерних вояжей, они точили изящные ноготки, подводили тонкие брови и красили пухлые губки. Теле-

фоны возле красавиц изредка уныло позвякивали, но вскоре умолкали, не удостоенные внимания. Один из них трезвонил особенно настойчиво, явно скандаля и напрашиваясь на неприятности. Приложенная к нему девица недовольно поджала губки, вздохнула «Ах...», оторвалась от складного зеркала и, сняв трубку, бросила ее на стол.

— Невесты, — шепнул старик юноше, подмигивая. — Целая комната невест. Не иначе как дочки местных начальников. Куда их девать? А тут сиди, ничего не делай, жди жениха... Букет!.. Розарий!.. Оранжерея...

— Пойдемте к режиссеру, — позвала, администраторша, вынырнув откуда-то.

В просторном зале уже находились куплетист, сочинявший скабрёзные юмористические куплеты про Петровича, танцовщица, исполнявшая стрип-тиз до определенных границ, и мальчик-виртуоз с аккордеоном... Их пригласили, как и старика и юношу.

Режиссером оказался высокий молодой человек с крашеными перекисью волосами, припухшим бледным лицом и водянистыми глазами.

— Пойте, — приказал он, когда юноша расцехлил гитару, старик вынул из сумки бубен и откуда-то из-за портьеры на стуле выехал оператор с камерой.

Спели алкашей.

— Нормально, снято, — поморщился режиссер, трогая висок. — Давайте еще.

— А простите, можно задать вам один вопрос? — спросил старик.

— Ну?

— Скажите, пожалуйста, сколько нам заплатят?

— Чего?..

— Я спрашиваю, сколько вы нам заплатите? — повторил старик так громко, что из-за портьеры выглянуло испуганное личико администраторши.

— А вы в какой валюте предпочитаете? — ухмыльнулся режиссер, подмигнув оператору. — Это нам обычно платят...

— Нет, извините. Мы артисты, а артистам принято за работу платить. А бесплатно только кошки... — добавил непечатное слово старик.

Последовала немая сцена, не уступавшая картине из великой комедии. Мальчик-виртуоз еще крепче обнял свой аккордеон и непроизвольно взял торжественный аккорд. Окинув победоносным взглядом обомлевшего режиссера, куплетиста и танцовщицу, старик ринулся к выходу. Юноша поспешил за ним...

— А мы будем сниматься бесплатно! — донеслось до них бодрое заверение куплетиста. Очевидно, от пережитого потрясения он оправился первым.

— Ну и снимайся, — проворчал старик, тщетно пытаясь найти в коридоре нужную дверь и открывая их одну за другой.

Следом за ними в коридор выскочила танцовщица. Она подбежала к старику и схватила его руку:

— Какой вы молодец, — залепетала она. — Я бы сама ни за что не решилась. Вы совершенно правы. Они обнаглели, с этим надо что-то делать... Спасибо вам...

— Ну что вы, миленькая... — улыбнулся старик. — Должен же кто-то им сказать, ежели сами не понимают... Привыкли, что все перед ними стелется... Пусть теперь знают.

По дороге к метро, он торжествующе обещал юноше:

— Можешь мне поверить, у них теперь только и разговору будет, что пришел какой-то старик и выдал им, что бесплатно только кошки...

Через неделю спетую ими песню без всякого уведомления дали в эфир, а еще через месяц телекомпания «ТЫ-1» навсегда сгинула в небытие...

Как-то раз, когда по обыкновению сидели в студии, старик рассказывал, пуская клубы сигаретного дыма:

— В театре нищета, фабрика грез, конвейер, денег нет, пальто нет, ничего нет. Всей семьей деньги на пальто мне собирали. Нищета... А тут курсы режиссерские на телевиденье объявили. Стипендия больше моей зарплаты. Ну, я и пошел. Думаю, лучше быть режиссером на телевиденье, чем нищим актером в театре... Отучился два года, пришел работать... А что, куда, как? Оборудование новое, свет, люди вокруг незнакомые, да мы — молодые ребята, неопытные. Но там тоже не дураки всем управляли. Каждому молодому режиссеру — опытного оператора. Пожалуйста, учитесь. Я, к примеру, свою первую передачу делал когда, то и не знал с чего начать, что кому говорить, куда себя девать, все в новь... Растерялся, суечусь, бегаю то сюда, то туда. А мне мой оператор говорит: «Вы не волнуйтесь, сядьте-ка вон там в сторонке и наблюдайте, а я, — говорит, — все сам сделаю, и все будут думать, что это я ваши указания выполняю». Ну и вот, так и научались все потихоньку, а потом уж я и сам соображать стал, решать художественно. Раз поехали турбину для электростанции снимать в Среднюю Азию, а она, знаешь, турбина эта, таких размеров, что в кадр вмещается с трудом, специальным тягачом ее тащили. А дороги ты себе представляешь, а в тягаче мощь, как в локомотиве, прет напролом, ну, и пыль, грязища... А мне снимать надо, как енту турбину везут. Я говорю начальнику ихнему: «Надо помыть тягач». Он: «Да вы что! Как же помыть! Вы видали, какая махина! Где ж я его тут помою, в степи!» — «Как хотите, — говорю, — только все должно сверкать: и тягач, и турбина, и даже колеса... И диски колесные свежей красочкой покрасьте, чтоб было видно, что советская техника самая

передовая». И что ты думаешь, старик? Вымыли и покрасили! Не дай бог, мы потом скажем, что чудо отечественной промышленности, можно сказать, символ советской индустрии пришлось в грязном виде представить всему миру, да по чьей-то вине... Что ты! Потом того дядю и не сыскали бы... Ну и ругался он на меня... ужас как! Не разговаривал даже, мимо проходил, матерился в сторонку. Зато, когда отсняли все, да показали ему, он посмотрел, говорит: «Да, вы были правы... Только так и надо было делать». Ну и помирились. Потом, когда дотасили ее до места, то снимали уже в цеху, как эту бандурину устанавливали. Та же история. Прихожу, смотрю, там какие-то в углу контейнеры свалены, трубы валяются, мусор, окна не мыты, освещение слабое, говорю другому дяде уже, местному начальнику: «Снимаем для центрального канала, все лишнее надо бы вынести из цеха, окна помыть, полы отдраить, стены покрасить, свет чтобы горел весь, какой можно». На следующий день, старик, все сделали. Государственное дело! Попробуй не сделай...

Ну вот, примерно, лет этак с десять отработал, медаль за открытие Останкино получил, за вклад в наше телевидение и кинематограф. И вот после десяти лет пошли новые веянья. Я, по-моему, единственный такой на всем советском телевидении был — еврей да еще и беспартийный. А телевидение это, дорогой мой, все равно что филиал КГБ. В общем смотрю, этого уволили, того сократили. Настоящая чистка идет. И никто, понятно, не возникает, слова не говорит, все боятся... Ну, и в нашей студии начальника сменили. Настоящий дядя ушел, который смыслил в профессии, телевизионный человек, а посадили полковника кэзэбэшного. Вот он меня через неделю вызывает к себе и говорит: «Вам надо уволиться». Я спрашиваю: «А почему? Я, вроде, не собирался, меня, собственно,

все пока устраивает. Так чего же это мне увольняться?» Он говорит: «Такие, как вы, нам больше не требуются». Я говорю: «Интересно, я тут работаю десять лет, а вы только неделю, и вы уже берете на себя наглость судить, кто требуется, а кто не требуется». Ну он тут орать начал чуть не матом, кулаками по столу стучать, мордой краснеть, в общем, такой стиль руководства преобладал тогда, если аргументы кончились, то ором, хамством и жлобством брать. Под конец спрашивает: «Будете писать заявление?» — «Не буду». — «Как хотите. Не хотите по-хорошему, будет по-плохому. Я вас все равно уволю, так или иначе». Я говорю: «Попробуйте». Ну, и уволил, конечно. Сначала нашу редакцию сократили, а меня на понижение помрежем. Я жалобы, ну, и пока не хожу на работу. А он быстро приказ подготовил и уволил за прогул. Прихожу, а меня уж уволили. Только промашка у него вышла. Уволил он меня задним числом, по ведомости я еще два дня после увольнения зарплату получал, а это прокол. Я в суд со всеми бумагами. Два суда было. Первый суд с требованием восстановления я проиграл, а второй, где меня неправомерно уволили, выиграл. Шум поднялся, человека задним числом уволили, по вражескому радио сюжет прошел даже, это ж пропаганда, и дошло аж до начальства над моим полковником, а там уж генерал. И вот однажды мне звонят и приглашают для беседы. Прихожу. А там замечательный дядя сидит, он по таким ситуациям мастак, он их разгребает, если где что, он решает, как кому быть, и никто уж тогда не пикнет, как скажет, так и будет. Вот сидим с ним, он улыбается, смотрит на меня приветливо, и спрашивает: «Ну что вы так разволновались? Такой шум из-за чего поднялся? Давайте вместе разберемся, что и как, кто прав, кто не прав, чем вы не довольны?» Я говорю: «Вот этим вот человеком не доволен, новым начальником». А у

меня уж решение суда в кармане, где все указано, и что меня увольнять задним числом никто права не имел. Это ж бумага, это документ. Я ж его могу обнародовать. Дядя все это знает и понимает, и, видно, им лишний шум сейчас ни к чему. Он говорит: «Ну давайте, может, как-нибудь найдем точки соприкосновения, как-нибудь уладим эту ситуацию, и, знаете, — говорит, — я, в общем, на вашей стороне, нельзя так относиться к людям, к специалистам, столько лет отдавшим организации и... — в общем, говорит, — в следующий раз приходите, я его тоже вызову и мы поговорим».

Через неделю прихожу, тот, полковник, тоже пришел, сидит тихий, пришибленный, словно его отругали и отшлепали. И вот генерал говорит ему при мне, распекает, что же вы, говорит, дорогой мой, опытного сотрудника с многолетним стажем, награжденного медалью в честь открытия нашего прославленного телецентра и так неуважительно, некрасиво и незаконно уволили. Поступили с ним недостойно нашей системы советской, обращенной прежде всего на человека, на его чаянья, независимо от национальности, религиозных и прочих взглядов... Тот сидит, молча в пол глядит, словно там его совесть и ответы на все вопросы прописаны. Ну, видно, у них возражать не принято или они уж заранее обо всем договорились, не знаю. Только он вдруг такой ласковый сделался, прямо нежный. «Извините, — говорит мне, и по имени — отчеству, и, — я, — говорит, — был неправ». Словом, дурака из меня делают. Генерал мне: «К сожалению, восстановить в прежней должности мы вас не можем, увольнение есть увольнение, но исправить ошибку обязаны». И приказывает тому: «Обеспечьте нашему специалисту на выбор несколько мест работы на свободные вакансии соответственно его профессии и окладу. И пусть он сам выберет».

И на следующий день мне звонит полковник, и

мы с ним начинаем выбирать. Несколько мест на выбор, сходу предложили, одно другого почетнее. Например, главным режиссером Парка Горького. Я говорю: «Нет, ездить далеко». Еще два места, одно совсем рядом с домом, директором дома культуры. Словом, если б я хотел работать, старик... А я все отказываюсь... Месяц прошел, а места мне так и не нашли. Чего только не предлагали. Все не годится. Опять меня приглашают на беседу к генералу. Он такой же приветливый, но усталый, смотрит уже не так нежно, как в прошлый раз. Спрашивает: «Что же вам, ничего не подошло?» Я говорю: «Нет, не подходит... Ничего не годится. Не лежит душа». Он чувствует, что дело здесь совсем в другом, и напрямую спрашивает, наклоняется ко мне и говорит: «Скажите, чего вы добиваетесь?.. Вы же видите, мы готовы идти вам навстречу, но вы должны сказать, в каком направлении нам двигаться... Неужели вы его не можете простить? Так сильно обижены?» Тут я понял, что надо говорить прямо, и выдаю ему: «Я хочу, — говорю, — чтобы его уволили!» — «И вы тогда будете удовлетворены?» — «Да». — «И никаких претензий к нам иметь не будете?» — «Нет». Он головой покачал. «Хорошо, — говорит, — идите». И что ты думаешь, старик? Уволили полковника с телевидения... Ну, хоть в том моя заслуга, что я эту гниду убрал, скольким людям здоровье и жизнь, можно сказать, по сути спас.

И еще пролетел год. Однажды юноша заглянул в подвал навестить старика.

— А-а, заходи, заходи, дорогой. Дай я тебя обниму. — Старик поднялся навстречу. — Ну, проходи, проходи, присаживайся... чай-кофе наливай, печенье вот...

Юноша вынул из пакета бутылку коньяка, закуску.

— У-у! Пируем! — обрадовался старик. — Двойной праздник сегодня... — Старик вынул рюмки из ящика письменного стола. — На вот, сполосни, если нетрудно.

Пригубили коньяку.

— А у нас новости... — сообщил старик, ставя рюмку на стол. — Важные новости... Новый этап в жизни, так сказать... Слушай, расскажу тебе все по порядку... Вчера Варвара звонит мне и к себе вызывает... А я ей уже говорил, что меня в тот же день, в который звонишь, вызвать нельзя, меня можно вызвать только на следующий... Думаю: «Чего этой падле от меня понадобилось? Все отчеты я ей еще на той неделе сдал, планы составил. Чего ж ей, подлюке, еще надо?» Пробую разведать по телефону, спрашиваю вкрадчиво: «Что случилось? Что за срочность такая?» Она говорит: «По телефону нельзя, приедете, тогда и расскажу». Голос грустный. Думаю: «Ужель стряслось что? Или еще чего похуже?» Ну, в общем, приезжаю к ней на следующий день. Она сидит вся серая, глаза грустные, не орет, как обычно. Бывало, зайдешь к ней, так сразу ор, а тут притихла... Уж сколько раз я ее udавить мечтал, казалось, вот еще раз она гавкнет, пасть свою раскроет, и udавлю прямо тут, в кабинете, не посмотрю ни на что... и меня оправдают. Но она, правда, всегда как чувствовала, чутье у нее бешеное, она ж, как и я, Тигр по гороскопу... всякий раз вовремя останавливалась. А тут глянул на нее, даже жалко стало. «Что случилось, — спрашиваю, — Варенька? Какие напасти? Может, помощь какая нужна?» Она говорит: «Все уж, ничем не поможешь...» — «Да что стряслось? Рассказали бы... Вместе что-нибудь придумаем». Она вздыхает: «Не придумаешь тут ничего... За нас уже все придумали. Закрывают нас...» И тут она произносит это страшное слово. Знаешь, какое? Не знаешь... А-а, то-то же. — Старик торжественно откинулся на спинку

кресла. — Оптимизация!.. Ты и не слыхал такого, небось? Ну да, счастливцев... Я говорю: «Как так закрывают? Не может быть!» А сам думаю: «Чего-то она хитрит. Чтоб Варю и закрыли! Да она к любым начальникам двери ногами открывала! Да у нее кругом кум и сват. Она ж всех знает, со всеми пила, если чего не больше. Эге, — думаю, — видно, тут какой-то хитрый маневр, чтоб дедушку надуть, документы у него стребовать и подвал захватить». Она ж на него давно зуб точит, чтоб тут платные студии устроить, танцы-шманцы, чтоб те, кто ходят, все сами оплачивали... Но оказалось, нет, не угадал. Промахнулся... Бумагу мне протягивает. «Нате, — говорит, — читайте...» Читаю, действительно закрывается клуб, вообще упраздняется, а помещения, все какие есть, велено передать Дому моды. Это где эта, как ее, ну, не припомню сейчас, по ящику частенько мелькает... Спрашивается, зачем ей наш подвал? Какую с него можно пользу поиметь? Выставку здесь открыть? Так много не вывесишь, две стены всего по десять метров, потолки низкие, свет не выставишь... Чего они тут собираются устраивать? Склад разве что? Подсобку... Будто у них места мало!.. А в клубе, на Пречистенке, там сцена, там зрительный зал, это им зачем? Показы устраивать? Это, как его, фэшн шоу? Дефиле? Да?.. Ну да пес с ними!.. Одним словом, оптимизация!.. Слово какое хорошее нашли. Просто музыка, и смыслу в нем уйма!.. Варя говорит мне: «Вот вам уведомление...» — и листок мне протягивает. А там все четко прописано. «В связи с ликвидацией государственного клуба...» и все такое прочее... Ну, давай по глоточку... за встречу...

Выпили по глоточку.

— А по закону они ж уволить просто так никого не могут, — продолжал старик. — Они мне должны предложить работу, правда, я на нее, скорее всего, не соглашусь, ежли, скажем, дворником — конеч-

но, я откажусь. Оно мне надо? Вот тогда они меня с чистой совестью, с ветерком, со свистом на улицу вышвырнут. Я спрашиваю: «Что, только меня увольняют? Или и вас тоже?» Все никак поверить не могу. Она говорит: «У меня такое же уведомление, как у вас... Всё, соколы, отлетались... По всей стране велено работу с населением прекратить, все клубы, все кружки, все студии бесплатные, народные театры и прочее, все закрыть. А ключи передать, кому скажут». Понял? Всё! Не надо с населением культурой заниматься, хватит!.. Детишек не надо учить рисовать, лепить, танцевать. У кого деньги есть — нанимай учителей, Петипа всяких, Шишкиных, Чайковских — и пусть они богатых отпрысков обучают, а у кого денег нет — свободен... Ну это ладно... Ты представляешь, скольких педагогов — на улицу!.. Это ж по всей стране. Тысячи и тысячи... Оптимизацией это теперь называется... Я говорю: «Варенька, это ошибка, это с их стороны глупость большая, это они чего-то не понимают, — говорю. — Надо письма писать в вышестоящие инстанции... Ведь это невиданная вещь... Годами система складывалась, чтоб детишки не пили-курили-кололись, а хоть чем-то приличным занимались бы... Чтоб люди после работы не водку пьянствовали и не грабили бы по глухим закоулкам, а какому-нибудь искусству обучались бы... Ведь народ-то темный в основном, не великих способностей, всех развлечений-то по пальцам перечесть, пьянка да драка. Это ж если сейчас упустить все и разрушить, страшно представить, чем может обернуться... Это кто ж, — говорю — такое выдумал? Управа? округ? министерство?» Она говорит: «Выше берите». — «Да неужто с самих верхов?» Она к столу пригнулась и шепчет: «Тише вы! Тут везде уши... И прекратите мне тут агитацию... Я ж еще ваше начальство... Невменяемые все... Хотите, чтоб вас не просто уволили, а насов-

сем? И меня заодно с вами?.. Уведомление получили? Вот и распишитесь...» Я спрашиваю по наивности: «А выходное пособие? Компенсацию или еще чего дадут?» Оказалось, старик, не все так просто. Она мне: «Вот, чего они вам предлагают... Они вас на другую работу берут. Если захотите... Так, где это у меня? — по столу пошарила, порылась. — Ничего не найдешь... А-а, вот, нашла, значит так... зрителем в зале будете... правда, с потерей в зарплате, но обещают компенсировать премиальными...» Читаю, а там полный рабочий день с девяти утра до шести вечера, с понедельника по пятницу, а денег на тысячу меньше... Это при том, что я в студию ходил вечерами два раза в неделю и когда сам назначу... Мы ж люди творческие, у нас рабочий день не нормирован, мы и по ночам, если надо, работаем, и круглые сутки, и даже во сне работа идет, подсознание кипит, образы транслирует, чтоб мы всякие там художественные задачи по утрам решали, а потом говорили, мол, ента озарение... А ведь пока с идеей не переписишь, ничего не сделаешь, ход правильный не найдешь. Переспать с мыслью надо, с замыслом... Конечно, я откажусь, и уволят теперь по всей строгости закона... Всему свой конец бывает... Когда-нибудь студию должны были прикрыть, это ясно. Этого я, как бы, всегда ожидал, что ли... Но чтоб клуб закрыли, это вещь неслыханная... «Не волнуйтесь, — говорю, — Варенька, мы с вами другую работу найдем, получше этой... Было б кому, а уж что делать — всегда найдется. Мы с вами, к примеру, в кино пойдем сниматься... А что? В массовке — пятьсот рублей в день, а то и тыщу. Слов учить не надо, чай с бутербродом дают. Только в передние ряды не лезь, чтоб не светиться, и ходи — снимайся. Массовка всегда нужна. А где, может, и эпизодик какой дадут сыграть». Она смотрит на меня, как на блаженного, через умильную слезу.

«Пойдемте, — кивает. — Только я ничего такого играть не умею». — «И не надо, — утешаю ее, как маленькую. — В массовке никакой особой игры и не требуется. Скажут: стой здесь — стоишь здесь. Скажут: иди туда — идешь туда. Вот и все. Главное не светиться, чтоб тебя не запомнили. А не то скажут, вы уже там снимались и там, уже примелькались, идите с богом... Это кто неопытные, те вперед лезут, а кто бывалый, тот знает. А там, может, и на большие роли замахнемся». — «Да вы что! — Варя руками машет. — Какие еще роли!» Но, гляжу, заулыбалась, полегчало ей чуток. «А что? — говорю. — Я вот, недавно с Пистолевским в сериале снялся. Скоро по всем каналам крутить будут». — «С самим Пистолевским?» — Она мне не поверила. «Да, — говорю. — А что тут такого? У меня школа-то посерьезней его будет. Он ведь МХАТ не кончал, с Грибовым, Далем и Вициным в одном фильме не снимался. А то, что он народный, так сейчас народных пруд пруди, всем кому ни попадя народного дают». Она на меня, знаешь, во все глаза смотрит, от удивления зенки растопырила, они у нее аж на самый лоб повылазили, еле бормочет: «Так уж и всем... Вам ведь не дали». Это она меня из последних сил уже уязвить пытается, характер такой, просто порадоваться за других не может, не под силу ей такое. «Подождите, — говорю, — Варенька. Может, еще дадут. Кто его знает, как жизнь обернется». Ну, тут совсем она в транс впала, в анабиоз, смотрит на меня и глазками только хлопает. Дар речи начисто потеряла. Она ж меня, сколько знала, иначе как дворником не называла, а тут такое, да с самим Пистолевским! Он ей, небось, снился всю жизнь только.

А я тут, знаешь, сидел, думал, где бы подработать, и мне звонят из киностудии, у них же все мои данные в картотеке есть: фото, где учился, фильмография. Звонят и приглашают на пробы. При-

ехал, отсняли эпизод, и уехал, не надеялся даже. Там кроме меня еще трое старичков было, а один так и вовсе знаменитый. Я думал, ему и дадут роль. Вдруг вызывают. Вас утвердили, говорят, на роль папаши главного героя картины. Роль большая, со словами, учить замучаешься. Памяти не стало совсем. Вечером учишь, и вроде помнишь все, а утром — белый лист. Ничего не помню. Ну, я тактику свою, особенную, разработал и применил. Ничего уже не учу, понял уже, что без толку, как воду в решето лить, всю память мошь поела. Действую просто: читаю накануне, а перед тем, как в кадр идти, повторяю еще раз и схватываю на час-другой. Так хоть что-то запоминаю, ну, а забудешь в кадре если, так своими словами... Там такой текст, что своими словами даже лучше выходит. Это ж не Пушкин сценарий писал, а Ушкин какой-нибудь... Такое, знаешь, порой встречается, язык не поворачивается произнести, ну, и сделаешь вид, что забыл, мол, и своими словами от себя чего-нибудь добавишь не по тексту. Они потом посмотрят, послушают, подумают, сравнят, и мой вариант очень часто оставляли... Короткая память стала, подолгу в башке ничего не держится... Так вот, Пистолевскому положили восемьсот баксов за съемочный день, а мне четыреста. Каждую серию снимали дня за два, за три, не больше. Конвейер!.. Поточная линия. Когда тут вживаться? Работа на износ. Режиссер — молодой парнишка, талантливый. Я поначалу начал, как учили: с паузами, с картинками, с жестами, артикуляцией. А он подошел ко мне, под локоточек взял, в сторонку отвел и говорит: «Уважаемый, не надо как во МХАТе. Не надо, как правильно. Сделайте, — говорит, — проще... Как в обычной жизни люди разговаривают... Понимаете?» — «Понимаю, — говорю. — Как скажете». Ну, я ж актер... Мне что сказали, то я и сделал. Так после третьей серии за мной уже на дом машину присылали. И потом домой со съемок

отвозили. И подняли оклад до шестисот за день. Я когда деньги получал, спрашиваю, не ожидается ли прибавки? А там один день был такой, когда не уложились и полночи еще доснимали, так это ведь уже считается второй день пошел, надо бы доплатить... А мне бухгалтерша ихняя говорит с возмущением, аж раскраснелась вся: «Вам что — мало? Вон какие деньжищи! Я, — говорит, — за месяц столько не получаю, сколько вы за два дня». Я говорю: «Миленькая, так идите и попробуйте, поснимайтесь... Чего ж вы не идете? И потом, — говорю, — это ж не каждый день, а пока кино снимают. А там сиди, жди, пока опять позовут... А когда позовут, неизвестно... Может, через месяц, а может, через год, а могут и вообще не позвать...» Но она там сказала кому-то про мою петицию и потом продюсер доплатил действительно, не за полный день, правда, но все же... Но тут Пистолевский не выдержал. Конкурента во мне углядел. Уж как ни старался я под него подстраиваться, подыгрывать ему, ничего не помогло... Ему, видно, показалось, что я его затенять стал... Машина киношная сначала за мной заезжала, потом за ним. Вижу, он морщится, но терпит. Вот едем как-то раз, я ему и говорю: «Два талантливых человека, когда вместе, могут и шедевр создать». Ну как бы, хотел польстить ему, фильм похвалить, подружиться, что ли, вот и вырвалось... Так он, видно, подумал, что это как бы я себя в один ряд с ним ставлю. Ну, этого он уже, конечно, не мог перенести. Мало того, что меня на машине возют, как звезду какую, так я еще и вровень встаю. Он — народный, а я для него кто? — шваль подвальная, актеришка с улицы, тьфу... и говорить не о чем. А продолжение должны были снимать в Америке. По сценарию, главного героя посылают в Штаты и там уже стрельба-резня идет по-американски... Крохопетова пригласили нашего эмиссара-резидента играть, тоже шишка немаленькая... А это ж всё оплатить надо: перелет,

проживание, оборудование, павильоны, гонорары... Большие деньги! И когда в Америку они полетели снимать дальше, то меня не взяли. Не знаю, что там за разговор был, думаю, поставил он им вопрос ребром, ну и перестали меня в сценарий вписывать. Хотя режиссер обмолвился, что в Америку и я ехать бы должен. Но не вынес Пистолевский, почуял, видать, что ежли так дальше пойдет, то скоро кино про меня будет, а не про него, что моя роль может главнее его заглавной стать. Ну да он, конечно, зубр, тут ничего не скажешь. Таланта у него большого, конечно, нет, но работоспособность бешеная. Ни капли себе не позволял, не курит, диета особая, дисциплина железная, сон по часам... Ну, да иначе и не выдержать. На нем же все выстроено, весь сюжет. Ты видел, наверное, по НТВ уже крутили, «Филерские штуки». Ну вот... Не видел? Ну, еще будут повторять... Посмотришь...

Так что вот дорогой, обо всем тебе рассказал, все поведал... Закрывается студия... Тридцать лет я эту студию вел, начинали у меня дома, потом по клубам мотались и вот здесь в подвальчике приютились, но и отсюда гонют... Сколько народу прошло через студию! Тысячи! Всех не упомнить. Я иногда смотрю альбомы старые. Думаю, а это кто? И начинаешь вспоминать вдруг, да, было, был такой или такая... Куда теперь они пойдут? Новые люди? Чтоб чего-нибудь для души, а не ради денег?.. Ну да ладно...

Старик разлил остатки коньяка по рюмкам.

— Не знаю как ты ко мне, это дело твое, а я тебя люблю и всегда любил... Ты меня знаешь... Даст бог, еще, неровен час, что-нибудь придумаем, ежли живы будем... Сейчас вот выпьем по маленькой, по последней, слова хорошие пролопочем друг дружке и распрощаемся пока. А там еще посмотрим, поглядим... Чутье мне подсказывает, это еще не конец...

Целитель

*Посвящается
Николаю Лугинову*

Казгирей, как и все остальные молодые люди, мечтал о хорошей жизни. В первую очередь хотел разбогатеть, построить себе дом, а затем жениться, занять детей и воспитать их нормальными людьми. Он рано остался без родителей, и не всё у него получалось в жизни: хотел учиться, но не смог поступить в институт, и жениться не смог, хорошенькие девушки на парня без образования не смотрели, да и красавцем он не был. До армии работал разнорабочим на стройке. Тогда ещё была работа в ауле. После службы в армии он, как многие из соотечественников, не стал рваться в поисках работы, а так как в армии его изводила ностальгия по родной степи, вернулся в свой аул. Уезжать на заработки не хотел, думал, что осуществить свою мечту можно и дома. «Ведь жили люди на ней веками, почему теперь нельзя на ней жить?» — задавался он

**ИСА
КАПАЕВ**

Братство кавказских литератур

очень серьёзным вопросом и настойчиво искал выход. Но у него ничего не получалось. Работы не было, а на случайные заработки не разживёшься; несправедливый путь — воровство, разбойничанье — он отменял на корню. Ему хотелось осуществить свою мечту законным образом. Поэтому он с другом арендовал землю. Друг пас овец, а он трудился на поле, выращивал арбузы. Вместе они смогли купить лошадь, подводку и подержанные старые «Жигули». Затем приобретённое поделили: лошадь и арба достались чабану, а машина ему, Казгирею. Сначала он ездил в аул и просто по степи, где не было машин. В первый же день своего выезда на трассу попал в аварию. Машина разбилась вдребезги. Его в бессознательном состоянии привезли в районную больницу.

Друг Казгирея чабан Салман приехал в больницу на подводе.

— Я родственник, пустите меня! — рвался в приёмном отделении Салман, но его не пускали.

Ночью сердобольная пожилая медсестра всё же пустила чабана в реанимационную палату. Долго при больном оставаться было нельзя. Через некоторое время медсестра пыталась его выдворить:

— Уходите, его нельзя беспокоить!

— Я немного посижу, он что-то хочет сказать... — вглядываясь в глаза забинтованного друга, сказал Салман.

— Десять минут, не больше, — согласилась медсестра.

— Ну, скажи что-нибудь! — с мольбой просил чабан.

Когда Салман без всякой надежды собрался покинуть палату, Казгирей открыл глаза.

— Забери меня. Положи в землю. Я не хочу

умирать среди чужих людей. Я хочу увидеть нашу степь, — прошептал он...

Слова Казгирея глубоко запали в душу чабана. Он редко задумывался о смерти, но тут, в больнице, понял, как это тяжело — умирать вдали от родной земли. Это чувство ему было знакомо. У Салмана когда-то была семья, двое детей. Он с семьей поехал на заработки на Север. Стал пить, из-за пьянства его выгнали с работы. Из-за этой склонности и из семьи ушёл. Он, наверное, тогда умер бы на чужбине, если бы один из родственников на грузовой машине не привёз его в аул. Он мог умереть и на родине. Кроме выпивки, у него не было никаких устремлений. С утра сходиллся с местными алкашами, потом ночевал в своём заброшенном доме. Тогда каким-то чудесным образом поднял его на ноги случайно встретившийся Казгирей. Новый друг привёл в порядок его дом, а затем повёз Салмана в райцентр и там закодировал от выпивки у приезжих специалистов, а затем они арендовали землю, построили кошару и стали жить в степи. Салман смотрел аульских овец, вскоре заимел и своих ягнят, вырастил их. Сначала Казгирей помогал ему с пастьбой, но затем на участке, который был ближе к каналу, стал выращивать арбузы. Оба они не пили, но чтобы не было совсем скучно, ездили к разведёнкам в аул, иногда и разведёнки приезжали к ним; но на женщинах особо не зацикливались, до тех пор, пока не имели устойчивого заработка, обзавестись семьёй не мечтали. Они поочерёдно готовили есть, по вечерам слушали транзисторный приёмник, играли в нарды. Друг к другу были честны, заработанные деньги делили поровну, ничего не утаивали друг от друга. Оба друга знали,

что в одиночку они пропадут, поэтому и держались вместе. Казгирей помогал многодетной двоюродной сестре по матери, живущей в ауле. Салман не по принуждению, а добровольно клал деньги на сберкнижку, открытую на своих детей. Но оба молодых человека чувствовали неприкаянность, такая бесцельная жизнь долго продолжаться не могла. Так оно и случилось, чаша жизни треснула.

Утром Салман пробился в кабинет врача:

— Доктор, он выживет?

— А вы кто?

— Я его друг.

— Ну, что я скажу тебе, друг? Сквозная черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью, — врач развёл руками.

— Как это так?! Он же молодой человек, ему жить да жить... Он вчера пришёл в себя и сказал, чтобы я его забрал домой.

— Тебе показалось. Верится с трудом, чтобы он разговаривал. Я могу отдать только родным под подписку.

— Почему только родным? Я его друг!

— Друг — это не ближайший родственник! В больнице я несу ответственность за пациента.

— Он долго протянет?

— Не знаю.

— Он точно просил. Отдайте мне, пусть по-человечески умрёт. Вы же понимаете?

— Понимаю. Но ничего не могу поделать! Я не могу нарушить закон! Могу отдать пациента только родным и только под подписку. Однозначно!

Салман целый день просидел в приёмной больницы. Когда врач уходил, он с намерением

мися на глаза слезами подошёл к нему:

— Доктор, не могу я так уйти! Мы с ним друзья с детства. Вместе росли, вместе в школу ходили, а сейчас рядом работаем, вместе живём в кошаре. Он — фермер, я — чабан. У меня в степи овцы, скот без присмотра, как же я его оставлю тут умирать?! Может, мулла молитву прочитает? Говорят, помогает!

— Не знаю! Нельзя по закону!

— Доктор, вот, — Салман вытащил из кармана заранее заготовленную пяти тысячную купюру и протянул врачу.

Врач посмотрел по сторонам:

— Ты можешь его забрать, но только так, чтобы я об этом не знал!

— Хорошо, доктор!

— Напиши расписку, что ты родственник и под свою ответственность за жизнь пациента забираешь его. Договорись с санитарями. Когда стемнеет, они тебе вынесут его на носилках к воротам. Вдруг что... Ты сам вынес больного через окно. Одним словом, похитил без разрешения. Понял?

— Да, доктор!

— Давай ещё тысячу, я отдам санитарям, чтобы помогли.

Салман быстро вытащил тысячу и протянул врачу. Врач, оглядываясь по сторонам, взял деньги.

— Понял, доктор! Я сам похитил труп. У меня и паспорт с собой, чтобы правильно расписку написать, — обрадовался Салман.

— Расписку на тумбочку положишь! Смотри, не подведи!

— О чём вы, доктор?

— Если умрёт — я напишу заключение. С мили-

цией сам решишь вопрос. Будешь говорить: по обычаю положено, чтобы родственники попрощались, и мулла должен напутствие сделать и т. д. Но я ещё раз повторяю: он — не жилец! Череп раскроен, нога и ребра поломаны... Такие не выживают...

Степь. Курганы. Ветер колышет травы. Кошара Салмана. На железной кровати лежит с забинтованной головой Казгирей. Нога его в гипсе. Из окна кошары видно, как подъезжает подвода. На арбе автомобильные колёса. В подводе сидят Салман и Гульджамал. Подвода останавливается возле окна. Салман спрыгивает с подводы и помогает слезть Гульджамал. Они заходят в помещение.

— Три дня не шевелится. Не знаю, что делать?! Неужели умрёт мой закадычный друг?! Неужели ничего нельзя сделать?! Надо помочь, Гульджамал!

Гульджамал осматривает помещение, подходит к кровати, вглядывается в забинтованную голову больного, прикладывает руку ко лбу, щупает тело, руки.

— Пить давал? — спрашивает Гульджамал.

— Давал. Не пьёт!

— Мочи ему губы водой... Дай мне сейчас воду и чистый бинт!

Салман подаёт банку с водой, затем из пакета вытаскивает бинт. Гульджамал отрывает кусок бинта и, смачивая его водой, касается губ больного. Несколько раз повторяет эти движения.

— Вот так делай! Он, кажется, шевелит губами. Похоже, что будет жить! Тут что-то не так. Он никому ничего не должен был?

— Деньги не занимал. Вещи ни у кого не брал. Мы тут с ним арбузы сажаем, всё покупаем в складчину. Про долги я бы знал. Он целый день на поле. Когда продаём, мы себя особо не утруждаем. К нам из самой Махачкалы машины приезжают, за несколько заездов весь урожай вывозят, деньги сразу на руки дают. Аульские фермеры мучаются с реализацией. Не было нужды занимать деньги. Машину купили на свои кровные. Вот разбил. То, что осталось, забрал камазист, водитель машины, об которую он стукнулся. У него тоже нет претензий.

Гульджамал опять стала внимательно осматривать помещение:

— Может, он случайно у кого-то что-то взял и не отдал? При его ранах обычно просят на тот свет, а он тянется, как будто у него неисполненный долг...

— У него в ауле непутёвая родственница есть, он ей помогал деньгами, но чтобы он что-то был должен? Нет!

— Ничего не пойму! — Женщина видит лежащий на полке с чашками кобыз, подходит и берёт его в руки. — А это что?

— Это музыкальный инструмент, мы его нашли.

— Такие инструменты у ногойцев только до войны были, сейчас их и в помине нет. Он не забрал его у кого-либо?

— Нет! Мы его в земле нашли.

— Как его можно найти? Как может деревянная вещь в земле сохраниться? Наверное, нашли ещё что-то?

— Только его.

— Как можно такое в земле найти? Это очень старинная вещь!

— Кобыз в железном ящичке лежал, ящичек весь ржавый, раскололся на кусочки, а этот целый, крепкий, хотя и из дерева.

— Значит, это ему передали.

— Как это передали? Кто передал?

Гульдзамал многозначительно посмотрела на Салмана и сама себе многозначительно кивнула головой:

— Он что-нибудь говорил?

— Да! В больнице он ненадолго пришёл в себя и сказал, чтобы я его отвёз сюда и положил в землю. Я думаю, что о своей смерти думал!

— Где вы выкопали кобыз?

— Возле кургана Дауши-бия!

— Вы там что-то искали?

— Да, хотели найти клад. Голову золотого барана...

— Дураки! Сколько раз говорили наши предки, не ищите ничего возле курганов, не лазайте там! Надо друга положить в землю там, где раскопали. Если земля не заберёт — то ему повезло. Пусть полежит в земле, он должен жить.

— А что мне делать? Я тебя для того и привёз, чтобы мне помогла. Я не знаю, что делать!

— Раны водой промоешь и забинтуешь, как было. Три дня пусть одну воду пьёт, а после, — она достала пучок травы из кармана, — пои его отваром этой травы. Затем можешь давать шурпу молодого ягнёнка. Еду дашь, когда он сам попросит. Если буду нужна — позови меня.

— В земле и ночью будет лежать?

— Пусть лежит. Его никто не тронет. Лисицы живых не трогают, а своих собак ты кормишь, волков они не подпустят. А теперь отвези меня обратно.

Курган Дауши-бия. Возле кургана распряженная подвода. Салман возится около разведённого костра, подкладывает дрова, ставит треножник. Невдалеке, в яме, на постеленной траве лежит Казгирей. Салман опускается в яму и смачивает водой губы больного. Затем выходит из ямы, ставит на треногу чайник с водой. Когда закипает вода в чайнике, пьёт чай из цветной пиалы. Через некоторое время он складывает из легких металлических трубок каркас, ставит его над ямой, затем накрывает цветной палаткой, для прохлады раскрывает все четыре боковины. Ночью спит в подводе, иногда встаёт и заглядывает под полог. После опять ложится спать, накрываясь овечьим тулупом.

Утром чабан отгоняет скот и овец, оставляет пастись недалеко в степи. Возвращается к палатке и ухаживает за другом.

— Ничего не пьёт, не ест. Как он выздоровеет? Не знаю, что делать... — бормочет он, обмачивая бинтом губы.

Когда наступают сумерки, чабан по периметру ямы обкладывает аркан:

— Чтобы змеи не попали в яму, — поправляет верёвку, осматривает яму, снимает матерчатый полог. — А теперь надо напоить овец и скот, да и еду себе на газовой печке приготовить, — говорит сам себе Салман и идёт к лошади, которая пасётся недалеко, садится на лошадь и скачет к кошаре.

Наступает ночь. На темном небе блестят звезды, луна ярко освещает курган и палатку. Слышится звук кобызы. Отчётливо видно созвездие Ориона. Высвечиваются какие-то причудливые расщелины, пропасти. Казгирей в темноте открывает

глаза и смотрит на звёзды. С ним начинает говорить небесный голос.

— Небу — небесное, земле — земное!

— Небу — небесное, земле — земное! — повторяет Казгирей.

— Твоё — это моё?

— Да.

— А моё — это твоё?

— Нет.

— Ты копал землю?

— Да.

— Ты хотел в землю?

— Нет.

— В земле ты искал богатство?

— Да. Я заблуждался.

— Тебе что было нужно в земле?

— Не знаю!

— Ты торопился в землю?

— Нет.

— Ты торопился к небу?

— Я ничего не хотел. Я понял, что всё бесполезно... Я в тупике.

— Ты аннулировался? Так говорят о людях без всяких устремлений.

— У меня есть большое желание. Я что-то должен совершить.

— Ты хочешь, чтобы тебя запомнили?

— Нет.

— Значит, ты всё же стремишься к небу... Все хотят к небу, но не все могут. У большинства земной путь. Ты его прошёл?

— Я же в земле. Я чего-то хочу.

— Чтобы подняться к звёздам, сначала надо пройти земной путь. Ты знаешь, что есть путь, но

ты его не прошёл.

— Я слышал дыхание земли. Я как новорожденный.

— Между небом и землей всего один шаг. От жизни к смерти всего один шаг. От жизни к бессмертию тоже один шаг...

— Я сделал один шаг, от жизни к смерти.

— Ты не сделал шаг. Ты подошёл к черте. Ты сможешь сделать свой шаг?

— Я вижу только звёзды... Мне туда? Я же аннулированный?

— Даже аннулированный может подняться! Только там другая жизнь. По какому пути ты пойдешь?

— По небесному пути...

— Что надо сделать для этого?

— Всего один шаг... Я вижу только звёзды.

— Ты встанешь из могилы?

— Встану! Ради цели!

— Ради высокой цели ты лишишься земного имени. Ты станешь Коркутом, Страстью могилы, Вставшим из могилы! Узнавший смерть — бессмертен! Вставай! Иди!

Слышно горловое пение. Звёзды превращаются в птиц. Наступает рассвет.

Салман и Он сидят около костра и пьют чай.

Он с костылём подымается на вершину кургана.

Он сидит на кургане и учится играть на кобызе.

По аулу едет подвода, на ней сидят Он с костылём и чабан. Салман останавливает возле аульской пекарни, на которой висит вывеска с надписью: «Хлеб». Чабан спрыгивает с подводы, машинально отряхивает и разглаживает плащ, поправляет

фуражку на голове. Подымается на возвышенность, на которой стоит здание пекарни, подходит к окошку, покупает десять буханок хлеба и, вытащив из кармана плаща полиэтиленовый мешок, кладёт в него хлеб. Затем идёт к подводу. Когда сбрасывает мешок в подводу, из-за угла пекарни выходит молодая девушка с крашеными соломенными волосами в шортиках и цветастой кофточке, на пупке оголённого живота блестит кольцо. Она сверху игриво смотрит на мужчин. Салман, увидев её, поражается:

— Слава Всевышнему! Откуда такое создание?!

Девушка спускается к подводе и подходит к Салману:

— Не хотите развлечься? — спросив, трогает ручкой Салмана по груди.

— Не понял... Я? — удивляется чабан, расставляя руки показывая на свой не походящий для развлечения вид.

— Да. Ты — красавчик!

— Я — красавчик? — смеётся и вопросительно смотрит то на друга в подводе, то на девушку.

— Не тяни, красавец. Тут у нас сауна, пойдём?

— Какая сауна?! — ещё больше поражается Салман. — Ничего не знаю про сауну! В нашем ауле чтобы была сауна — первый раз слышу!... — Вопросительно посмотрев на друга, неуверенно улыбается. — Раз приглашают — надо идти. Я пойду, посмотрю...

Салман идёт за девушкой. За пекарней сбоку стоит ветхое подсобное строение. На дверях строения красной краской коряво написано: «Маленькая сауна». Салман, прочитав надпись, удивляется:

— Какая же может быть тут сауна?! — Заходит за

девушкой в каморку, в которую еле вмещается одна кровать.

Все стены каморки обвешаны картинками из модных журналов. Перед кроватью стул с ворохом одежды, возле стула на полу стоит тазик с кумганом.

— Это сауна?! Тут даже душа нет! — смеётся Салман.

— Так ты сюда не мыться пришёл же? Подмыться можешь, вон кумган с водой.

— Надо же как-то по-человечески.

— Жизнь такая! Нечеловеческая! Мы на работе. Деньги нужны!

— Деньги всем нужны, — подтверждает Салман.

Девушка снимает с себя кофточку и, оставшись в одном бюстгалтере, спрашивает:

— Ну как?

— Мне нравится! Я что?

— Ты не придурайся! Деньги вперёд!

— Сколько?

— Пятьсот в час.

— Это по-божески. Часа мне хватит, — как бы сам себе говорит чабан, и, вожаделенно посмотрев на грудь девушки, спрашивает: — Что, ты вот так просто?

— А что?

— Как-то не так!

— Ты деньги давай, красавчик!

Салман, вытащив из кармана, протягивает деньги. Девушка, взяв купюру, прячет её среди одежды на стуле.

— Мы тут с подругой работаем. Она в магазин за мороженым пошла. Можем её позвать для друга!

— Я спрошу у него, только вот мы все не поме-

стимся здесь!

— Сперва мы, потом они... Раздевайся!

— Я-то что... Я-то сразу... — Салман неторопливо снимает плащ. — А откуда вы?

— Тебе что? У нас говорят: «Не спрашивай огород — ешь виноград». Нас мент крышует, чтобы вам весело было, и мы заработали. Нас защищает, чтобы всё по закону. На своей машине возит. Еду, резинки привозит. Ваши аульские девки в нашем ауле кувыркаются, а мы вас развлекаем, — она подходит к Салману и пытается помочь ему расстегнуть брюки.

Салман отстраняет её руки и сам расстегивает брюки:

— Если государство о нашей жизни печётся, давай и я попробую...

После происшедшего Салман с чувством превосходства одевается. Девушка тоже одевается. Салман спрашивает:

— Ну и много у вас клиентов? Денег много заработали?

— Заработаете с вами! Молодых нет! Одни пенсионеры ходят. От старух своих бегают. Затем старухи приходят поругаться, деньги требуют.

— Я не пенсионер, мне до пенсии ещё лет пятнадцать.

— Ты ещё ничего! Приходи почаще...

Через некоторое время Салман, горделиво выпятив грудь, довольный выходит из помещения.

— Долго? — спрашивает он, подойдя к подводе.

— Нет. Поехали!

— Тут их двое. Сейчас подруга вернётся, хочешь? — спрашивает Салман.

— Нет! Нельзя этого делать!

— А что?

— Она тебе в дочери годится!

— Ты же видел, она сама напросилась.

— А если с твоими дочерьми кто-то так же поступит?

— Зачем так сравнивать?! Это же она потащила меня.

— А ты не иди! Это грех!

— И давно ты таким праведником стал? Не учи меня!

Из-за угла пекарни показывается голова девушки:

— Ну, что твой друг?

Салман отрицательно машет рукой.

— Надумаете, приезжайте в любое время суток...

Салман, махнув рукой, чтобы девушка отстала, взбирается на подводу и берёт поводья в руки...

Он с костылём в руках прохаживается возле домика кошары. Останавливается возле двери, о чём-то поразмыслив, бросает костыль в сторону. Ходит без костыля, затем берёт в руки палку и, опираясь на неё, прохаживается вокруг домика. Заходит в домик. В помещении Он сидит на своей кровати и учится играть на кобызе. Из окна видно, как, стоя во весь рост, несётся на подводе Салман. Чабан заходит в домик.

— Друг, ты не отрываешься от этого инструмента, как будто с ним родился! — говорит Салман и садится на стул возле стола.

Он, показывая кобыз и смычок:

— Я понял, что музыка соединяет землю с небом. Я летаю на нём на небо.

— Ты говоришь непонятные мне вещи. Давай

лучше поиграем в нарды? — Салман берёт со стола нарды и трясёт ими.

— Оставь. Я выздоровел. Мне надо идти. Я уйду отсюда!

— Последнее время ты только об этом говоришь. Куда тебе идти? Ты еле ходишь...

— Я сегодня ходил без костыля. Мне надо идти.

— А что ты будешь делать?

— Я немного поживу в ауле, а потом уйду.

— Куда?

— Мне надо идти. Есть и другая жизнь.

— Опять то же самое. Ты всерьёз решил покинуть меня? А как же я?!

— Я тебя покину! Я не могу ради тебя находиться здесь!

— А как же я?! Обо мне подумал ты? Я буду один жить? А если я стану пить? Тогда пропало всё! Ты же мне спас жизнь, жизнь мне подарил...

— Ты больше не будешь пить!

— Как же не буду?

— Человек пьёт от неустроенности, от неуверенности в себе. К тебе вернётся жена.

— Как же она вернётся?! Если я их предал, я отнимал у них последнее ради глотка проклятой водки.

— Ты же осознал, что делал неправильно? Если семья вернётся, ты же не повторишь свои ошибки?!

— Если мои вернутся, то конечно.

— Она с детьми собирается в дорогу.

— Как будто ты их видел! Откуда ты знаешь?!

—...

— Слушай, когда сегодня был в ауле, встретил соседку. Она у меня спросила, не хочу ли я, чтобы

жена вернулась...

— И что ты ответил?

— Сказал, что очень соскучился по детям.

— Значит, я прав! Она возвращается.

— Не знаю. Я не уверен, что простит. Если бы она простила — я на всё готов!

— Она тебя простит. А ты не повторяй своих ошибок. Человек должен жить и думать о ближнем. А у тебя дети — самые близкие, твоя кровь. Такая жизнь будет правильной... Стремись к правильной жизни — это легко!

В отсутствие Салмана Он уходит с кошары. Опираясь на палку, идёт по одинокой степи. Степь. Небо. На горизонте степь соединена с небом.

На кошаре перед домиком Салман сидит с дочерьми на скамейке. Чабан что-то рассказывает. Дети смеются и льнут к отцу, он обнимает их, гладит по головкам. Его жена на вынесенном из домика столе занимается разными домашними делами. Переливает из ведра молоко в эмалированный тазик, делает творог, месит тесто.

Его настоящее имя люди забыли. В ауле называли Целителем. А между собой шёпотом его называли Коркутом, Страстью могилы, Вставшим из могилы.

Степной аул. Одна из улиц заставлена автомобилями. Среди них выделяются дорогие внедорожники. На тротуаре выстроилась вереница людей. Женщины, мужчины, старики и старухи с вожделением смотрят вперёд. По центру улицы, хромая, идёт Целитель. Он с удивлением смотрит на выстроившихся в очередь. Останавливается. На нём белая тубетейка, белый бешмет и белые брюки, бешмет опоясан ремнем из разноцветных

ниток, на ногах белые кроссовки. Целитель в руках держит чётки и перебирает их. К нему подбегает юркий человек, одетый на современный лад.

— Целитель, где ты ходишь? — спрашивает он и напряженно смотрит в глаза.

— Мало ли где ходит свободный человек? Мне нужен отдых!

— И мне нужен отдых. Однако я давно здесь. Много приезжих. Есть состоятельные люди из Махачкалы, Кизляра, Ставрополя. Один даже из Казани своим ходом прибыл. Деньги! Деньги сами плывут, маэстро!

— Мне что от этих денег? Деньги — мусор, их с собой не унесёшь! Небу — небесное, земле — земное!

— Не говори непонятные вещи! Давай приступай к делу!

Целитель делает несколько шагов и останавливается, увидев в очереди девочку лет десяти с заплаканными глазами.

— Это кто? — спрашивает Целитель.

— Девочка из аула. Вчера тоже тут стояла, — с пренебрежением отвечает Менеджер. — Ты сперва моих прими! Они издалека приехали.

По улице прямо на них несётся белая иномарка, она резко тормозит. Целитель и Менеджер оборачиваются. Из машины выскакивает молодая женщина в жёлтом брючном костюме, в чёрных очках.

— Ужас! Твоя двоюродная сестра! Опять за деньгами!

— Агай, здоровья тебе! — она, подбежав, обнимает Целителя.

— Чего тебе, Асиет? — спрашивает Целитель.

— Срочно деньги нужны! — говорит она и

бережно гладит целителя по лицу и по плечам.

— Ты стала каждый день просить деньги!

— Агай, срочно нужны! А то меня зарежут!

Целитель обращается к Менеджеру:

— Дай ей денег!

— Это невозможно! — Менеджер хватается за голову.

— Дай, тебе говорю!

— Сколько можно?! Ещё год назад у неё дом разваливался, детям жрать нечего было, в доме у неё горсти муки не было! А теперь мы ей двухэтажный дом отгрохали! Вон, какую машину подарили! Детей на учёбу устроили! Каждый месяц им деньги шлём! А эта чучундра!.. Теперь каждый день за деньгами приезжает...

— Родственница! А родственников не выбирают. Дай ей деньги!

— Они с мужем у косого Шала в игральные автоматы всё просаживают!

Женщина, снимая очки, зло смотрит на Менеджера:

— Муж тебе башку пробьёт!

— Пробьёт! Знаю, что пробьёт! Травкой обкурится и пробьёт! — кричит Менеджер, отскакивая от напирющей на него женщины.

Целитель отводит в сторону родственницу:

— Дай ей денег! Вопрос закрыт!

— Даже не говорят, сколько! — Менеджер достаёт пачку и отсчитывает несколько тысячных купюр.

Женщина выхватывает всю пачку:

— Муж секатором пальчики обрежет, жадюга! — угрожая, она убегает к машине. Сев в машину, на задней скорости мчится обратно.

— Шеф, видишь, что делает?! Мне охрана

нужна! Я из Махачкалы бойцов вызову. Она с мужем мне житья не даст!

— Правильно сделают! — Дойдя до калитки, Целитель останавливается. — Очень скучные посетители! Ничего интересного! — Он оглядывает очередь. — А где эта девчонка?

Менеджер тоже смотрит:

— Нет её. Куда-то исчезла!

Помещение Целителя. В центре комнаты стоит операционный стол с медицинской кушеткой. В дальнем углу справа от окна находится письменный стол с радиоприёмником и синим глобусом. Слева от окна на полу — большое количество полиэтиленовых бутылок с водой. Вдоль стен стоят табуретки. Целитель идёт к письменному столу, рукой вращает глобус, затем останавливает и приставляет палец. Менеджер подбегает к глобусу и, вглядываясь, говорит:

— Тихий океан! Острова! — Читает: — Филиппины!

Целитель садится за стол и включает радио. Раздается голос диктора:

— Президент Филиппин Родриго Дудерте обозвал Барака Обаму «сукиным сыном»...

— Ой-бай! Маэстро! Гениально! Как это у тебя получилось? Как совпало? Ты настоящий провидец!

— Я знаю, что провидец, — произносит Целитель и выключает радиоприёмник. — Воду из Иссибулака привезли?

— Конечно, Целитель. Как ты сказал: сто бутылок!

— Хватит! Заводи своего клиента, моего пациента!

Менеджер быстро выходит из помещения. На

улице он ищет кого-то в очереди. Увидев нужный внедорожник, быстро торопится к нему. Возле внедорожника стоят молодые люди, похожие на телохранителей, и держат под руки согнувшегося седоволосого мужчину.

— Заводите! — приказывает он.

Телохранители тащат согнувшегося начальника. Стоящие в очереди возмущаются:

— Мы со вчерашнего дня стоим!

— Какая несправедливость!

Менеджер кричит на них:

— Доктор сказал, что сначала примет тех, кто приехал издалека!

Телохранители заводят мужчину в помещение, следом заходит Менеджер. Целитель презрительно смотрит на них:

— Что, все трое больные?

Седоволосый мужчина, подняв голову:

— Нет! Я один! Это мои люди.

— Пусть выйдут! Остаься один.

— Они меня охраняют, — отвечает мужчина, хватаясь за стол.

Менеджер покорным голосом:

— Это Камал — авторитет из Махачкалы. Его одного они не оставят.

— Я сказал, чтобы вышли!

— Выйдите, — стонет мужчина.

Телохранители, недовольные тем, что их выгоняют, с угрозой смотрят на Менеджера.

— Я отвечаю. Ничего с ним не произойдёт, — извинительно говорит Менеджер.

— И ты выходи! — требует Целитель.

Менеджер, кротким взглядом пытаясь успокоить больного, выходит.

(Сцена излечения проходит под музыку Арама Хачатуряна).

— Что с тобой?

— Полгода не могу разогнуться. Что только ни делали, куда только ни ездили!

— Выпрямись!

— Не могу.

— Выпрямись!

Мужчина хочет разогнуться, но сразу же сгибается и охает.

— Не стонать! Как это произошло? Ты кого-то обидел?

— Нет, никого не обижал.

— Вспомни хорошо! Перед тем как ты заболел, что ты сделал? Кого ты обидел?

— Приходил старик из моего аула, за сына просил...

— Что он просил?

— Чтобы я отпустил сына.

— А ты что сделал?

— Я выгнал старика.

— Как ты выгнал?

— Выгнал вон!

— Как ты выгнал?

— Я пнул его ногой.

— Как ты пнул?

— Не помню.

— Помнишь! Как ты его ударил?

— Под зад ударил.

— А сына отпустил?

— Нет. Он у меня в зиндане сидит.

Целитель разбегается и бьет пациента ногой под зад. Больной стонет:

— Я тебя убью! Как овцу зарезу!

Целитель разбегаются и бьёт еще раз ногой под зад:

— Ты так его ударил?

— Я тебе ногу вырву! Урою, гад!

— Меня зарывали! Выполз! Так ты хочешь выползти?!

— Хочу! — вытирая слёзы, цедит сквозь зубы мужчин. — Меня никто так не обижал!

— Ты хочешь выползти?

— Хочу!

— Снимай одежду!

— Я не могу. Меня, — кивает головой в сторону двери, — они одевают и раздевают.

— Я тебя сейчас раздену! — бьёт ногой под зад.

— Меня никто так не обижал!

— Хочешь вылечить?!

— Да, — стонет пациент и начинает раздеваться. Снимает пиджак, сорочку, майку.

— Хватит! — подводит пациента к операционному столу. — Нагнись и ложись животом на стол!

Больной ложится. Целитель из лежащих на полотенце инструментов выбирает железную лопатку, затем рукой шупает спину, находит нужное место на позвоночнике. Подняв лопатку, приставляет к позвонку, глубоко вздохнув, нажимает со всей силы. Раздаётся душераздирающий крик.

Телохранители врываются в помещение.

— Вон отсюда! — приказывает Целитель, и пальцами продолжает мять поясницу.

— Уходите, — шепчет больной, но лежит неподвижно.

Телохранители выходят. Целитель идёт к письменному столу и садится. Больной продолжа-

ет лежать.

— Вставай!

— Я не могу.

— Можешь!

Больной встаёт. Он с улыбкой смотрит на Целителя, не веря своим глазам, ощупывает себя, начинает вертеться на месте.

— Я, кажется, выпрямился?

— В чём провинился сын старика?

— Он торговал моим товаром и задолжал мне большие деньги.

— Отпусти сына и извинись перед стариком!

— Это большие деньги...

— Ничего вы не понимаете! Любое зло наказуемо!

Больной после некоторого раздумья:

— Хорошо, сделаю, как ты сказал. Что мне тебе сделать? Чем тебя отблагодарить?

— Мне ничего!

— А эта болезнь не повторится? — касается рукой спины и вопрошающе смотрит на Целителя.

— Если не будешь обижать людей, то не повторится. Одевайся!

Пациент, одевшись, достаёт из внутреннего кармана пачку денег:

— Это в благодарность!

— Иди! — машет рукой Целитель и берёт пачку в руки. — Деньги пойдут на строительство медпункта в ауле.

Целитель кладёт деньги в ящик письменного стола, встаёт и, взяв с пола пару бутылок воды, ставит на стол:

— Каждое утро натошак пей по одной столовой ложке! Пусть твои бутылки заберут! Ничего

тяжелого не подымай, не напрягайся!

— Спасибо, уважаемый!

На протяжении всего дня заходят посетители. Целитель осматривает их, делает наставления. Посетители уходят с бутылками.

Солнце пошло к закату. Машины отъезжают. Очередь разошлась. Последней заходит убитая горем женщина. Она не прекращает плач и в помещении. Целитель, скучая, смотрит по сторонам:

— Что у тебя?

Женщина не прекращает плача.

— Хватит реветь! Говори!

— Верните мне сына!

— Я не волшебник.

— Но вы всё можете!

— Что с твоим сыном?

— Уехал на Север и не вернулся больше.

— Ты с ним поддерживала связь?

— Нет. Из милиции города Сургут пришло извещение о его смерти.

Целитель разводит руками:

— Мёртвые не возвращаются. Я с мертвецами не имею дела!

— Но ты же встал из могилы?!

— Я и не умирал.

— Я не верю, что сын умер!

— Чтобы убедиться, поезжай в Сургут.

— Я за пределы аула не выезжала. Как я поеду?

— Поезжай с кем-нибудь!

— У меня нет денег.

— Дай подумать...— Целитель, закрыв глаза, думает, после медленно говорит. — Найди кого-

нибудь, чтобы поехал с тобой. Тебе надо ехать. У твоего сына остался ребёнок...

— Ни о каких детях я не знаю.

— Он есть, тебе надо ехать. — Целитель открывает ящик письменного стола и считает деньги. — Вот тебе сто тысяч! Только про деньги никому не говори! Тебя могут ограбить... — Он протягивает деньги.

Женщина берёт деньги и, сложив их, прячет за пазухой, в бюстгальтер. С мольбой смотрит на Целителя:

— Кто же со мной поедет? Кто же?

— Возьми с собой мальчика.

— Мальчика?.. Руслана, сына сестры! Спасибо, Целитель! Спасибо, хороший человек!

Женщина уходит.

Целитель опять скучает. За дверью слышится голос Менеджера:

— Доктор уже не принимает.

— Я не на приём. Я его друг...

Целитель узнаёт голос Салмана, вскакивает с места, идёт к двери и приоткрывает её:

— Салман, друг мой! Заходи!

Входит Салман, держа за руку заплаканную девочку.

— Здравствуй, друг! — Целитель обнимает Салмана.

— Здравствуй! — отвечает друг.

Целитель смотрит на девочку:

— Я тебя утром видел, куда ты делась?

— Она за больной бабушкой смотрит. Гульджамал совсем плохо. Лежит и в сознание не приходит, — вместо девочки отвечает Салман.

— Кто такая Гульджамал? Это не та, что подняла меня?

— Она самая! Она тебя из могилы подняла!

— Она же сама целительница?

— Несколько дней без сознания лежит. Я только сегодня узнал. В аул случайно заехал, хотел навестить, а тут такое с ней. Ничего не говорит. А девочка плачет. Куда ей теперь? У неё никого нет, круглая сирота. Только в детдом надо отдавать!

— Я не пойду в детский дом! Бабушка должна поправиться!

— Может, и поправится! Но я сомневаюсь. Сама говоришь, врач сказал, что у неё мозг отказал, — морщится Салман.

— Бабушка, как только заболела, сказала, что её должен посмотреть Вставший из могилы. Это его болезнь, она сказала.

— То есть его? — Салман показывает рукой на Целителя.

— Да.

— А почему ты меня сразу не нашла?

— Я приходила, а у вас тут всё время очередь, людей много.

— Надо было дождаться.

— Ваш помощник всё время выгонял.

— Да, этот прохиндей ко мне подпускает только тех, у кого деньги есть... Ладно... От судьбы не уйдешь! Что ещё бабушка сказала?

— Сказала, что Главный нагнал своих ушуков — летающих духов. Этот Главный злой из-за того, что она подняла вас из могилы...

— Вот! — Целитель поднял вверх указательный палец. — Настал мой час! Я не могу оставить её в беде! Битва впереди! Главного я не осилю, но его ушуков мне надо изгнать из аула. Я их изгоню. У меня есть один шаг, один шанс! Я или зло?! — Целитель, безумно радуясь, потирает руки. —

Когда я потеряю силы, Салман, ты увези меня к кургану Дауши-бия, к моей могиле...

— Хорошо, друг!

— У тебя есть жертвоприношение?

— Я привёз для Гульджамал чёрного барашка.

— Отлично! Зарежем! Нужна свежая кровь и селезёнка жертвы! — Целитель достаёт из-под стола кобыз. — Я устрою пир для Главного! — Целитель начинает играть на кобызе, но сразу же обрывает игру.

— Ты научился играть на кобызе?! — удивляется Салман.

— Мой друг, медведи учатся ездить на велосипеде, а я что, не могу научиться играть на инструменте наших предков?! Пожелаешь — и ты научишься!

— У меня нет таких способностей.

— Каждому своё! Теперь слушай внимательно! — Целитель хочет успокоиться, напускает на себя невозмутимый вид, передаёт кобыз со смычком Салману, затем, помахивая руками как крыльями, идёт к операционному столу, среди лежащих на полотенце инструментов достаёт скальпель и медицинский зажим. — Пока будет вариться мясо в казане, пусть этот нож раскаляется на огне. Когда я скажу, возьми зажимом раскалённый нож и подашь мне!.. Слушайте мои наставления. Я не смогу с вами разговаривать. После моего сеанса позовите побольше людей. Пусть съедят жертвенное мясо. Только кости пусть не разбрасывают. Заверните их в шкуру барана, увезите в степь и заройте в землю. Ты, девчонка, в селезёнку воткни сорок спичек, затем каждый день вытаскивай по одной спичке, на сороковой день высохшую селезёнку раствори в воде и дай выпить Гульджамал. Пожалуй, всё! —

Целитель от наплывающей радости подпрыгивает на месте.

— Бабушка будет жить? — спрашивает девочка.

— Я уверен! — Он снова подпрыгивает.

Девочка смеётся. Салман с удивлением смотрит на друга:

— А что делать с головой барашка?

— Это угощение Главному! Кинь его с вершины кургана Дауши-бия в сторону севера... И ещё. Возьмите бутылки с животворной водой для Гульджамал. И мне семь бутылок. Я буду на могиле семь дней пить воду с Исси-булака. Если положено — встану!

Салман в одной руке держит кобыз со смычком, в другую берёт клетчатую сумку с бутылками воды. Целитель в одной руке держит медицинские инструменты, другой держит девчонку за руку. Они выходят.

Целитель, Салман, девочка едут на подводе по аулу. Слышится величественная музыка. Арба останавливается возле дома. Все слезают с подводы и заходят во двор. Во дворе рядом с домом навес.

— Где барашек? — спрашивает Целитель.

— Под навесом. — Салман показывает на связанного по ногам барашка.

Целитель подходит к барану и гладит его по голове:

— Хороший баран! Жирный, вкусный! Хорошее угощение! Пусть принесёт удачу!

Целитель идёт в дом. Салман и девочка идут позади него. В чистой опрятной комнате на кровати лежит Гульджамал. Она укрыта белой простыней, видно только лицо. Целитель обходит кро-

вать, останавливается возле изголовья:

— Много пережила! Измучили ушуки! Открой-те окно! Больную надо перенести на пол.

В конце двора разожжен костёр. Над костром висит большой казан. У края костра на кирпичах раскаляется скальпель. В комнате постель Гульджамал перенесена на пол. Целитель сидит у изголовья и играет на кобызе. Лётся музыка. Целитель, отложив кобыз, в правую руку берет пиалу с шурпой, в другую селезёнку. Он речитативом произносит ушыклау. Хор повторяет слова.

Если ты злой дух, вылетай,
Улетай через окна, улетай!
Подымись из подушки, вылетай из матраса,
Не задерживайся на сайгаке и
На быстроногом жеребёнке,
Вместе с песней, лети,
Улетай от них, долети до вороны,
Войди в её ухо, умертви её.
Барана зарежем, голову проткнём,
Жир — собаке, хворь — вшам,
Если ты злой дух, вылетай,
Вместе с песней улетай!
Туда улетай, сюда улетай,
На север лети, все летите,
Уставая лети, в измождении лети,
Сгорая, исчезни, в выси исчезни,
В могиле исчезни!

Целитель протягивает пиалу Салману, девочке отдаёт селезёнку. Салман выносит пиалу и выливает на огонь в костре. Огонь шипит, издаёт треск. Салман зажимом берёт раскалённый скальпель и заносит его в комнату. Целитель голый рукой

выхватывает раскалённое железо. Машет раскалённым ножом перед собой и продолжает речитатив:

Если не изыдешь, ты — подлец!

Если не изгоню, я — подлец!

Целитель проводит ножом по лицу. От ножа исходит пар, на лице остаются красные полосы. Целитель скальпелем проводит по языку. Раскалённое железо шипит. Густой пар исходит от лица Целителя. Салман и девочка, поражённые увиденным, жмутся друг к другу и провожают глазами уходящее в окно облачко пара.

Целитель переходит к горловому пению. Салман и девочка взглядами провожают что-то, улетающее в окно.

Степь. Салман едет на подводе. Подвода останавливается посреди степи. Он берёт лопату и копает яму. Затем вытаскивает кости, завернутые в шкуру барана, и кидает туда. Зарывает яму.

Степь. Курганы. Кошара. Яма Целителя. В яме бутылки с водой. Над могилой Целитель, пританцовывая, выпускает горловое пение. Салман восходит на курган с головой барана в руке. Поднявшись на вершину, со всей силы кидает голову.

Преображённая степь. На дороге машины, спецтехника. В том месте, где Салман зарыл кости жертвенного барана, установлена нефтяная вышка, ведутся буровые работы. Из скважины пробивается фонтан нефти.

Целитель исчез. Его больше не видели в Ногайской степи. Говорят, что Менеджер, ездивший по делам нефтяной кампании за рубеж, встречал его за океаном, в Венесуэле.

Менеджер увидел его на митинге среди группы

президентских колдунов. Группа эта охраняла президента страны от телепатических атак со стороны толпы. Доступа к колдунам не было, они стояли за оградительной полосой на возвышенности, возле трибуны. Менеджер был внизу, в первых рядах митингующих, сразу после полицейских. Когда Менеджер увидел его, хромающего, у него ёкнуло сердце. До того запомнилась эта хромота. Хромец был, как и остальные колдуны, в красной шерстяной накидке, черной шляпе с пером совы. Двое колдунов подбежали к нему и, подняв, понесли и посадили на носилки. Четыре колдуна подняли носилки до уровня плеч. Хромец был главным среди них. Менеджер, взглядевшись в лицо поднятого на носилки, понял, что это Он.

— Ой-бай, шеф! Бу мен ногай, биз бирге ислегенмиз (Эй, шеф! Я твой ногаец, мы вместе работали)! — кричал он из толпы.

Менеджеру даже показалось, что его слышали. Так как колдун посмотрел в его сторону, но, увидев его, отвёл взгляд в сторону толпы.

Авторизованный перевод рассказа с ногайского языка

Проклятый «Сатурном»

*Уроженец ставропольского
села Александровского,
легендарный советский
разведчик Александр Иванович
Козлов полвека вынужден
был доказывать, что он
не предатель*

Из «Истории Великой Отечественной войны»:

«Сотрудники госбезопасности проникли в немецкий разведывательный орган «Абверкоманда-103», осуществлявший подрывную работу на московском направлении, и добыли данные на 127 агентов германской разведки, подготовленных к переброске или переброшенных к нам в тыл».

Позднее эти события легли в основу документальной повести обладателя Государственной премии СССР и премии Комитета госбезопасности Василия Ардаматского **«Сатурн» почти не виден** и снятому по ней двухсерийному фильму **«Сатурн»** и **«Конец «Сатурна»** со звездами отечественного кино Михаилом Волковым и Георгием Жженовым.

Газета «Красная звезда» в

**АЛЕКСЕЙ
КРУТОВ**

**ОЛЕГ
ПАРФЕНОВ**

Краеведение

декабре 1967 года писала: «Советский разведчик, пробравшийся в логово врага и ставший прототипом героя фильма Сергея Крылова, здравствует и поныне».

Подвигу разведчика посвятили книги Александр Сердюк («**Разглашению не подлежит**»), Иван Мутовин («**В кольце Абвера**») и наш земляк Владимир Гнеушев («**Хранить вечно**»). Были сняты документальные фильмы «**Лицом к «Сатурну»**» и «**Байкал-60**».

Прототипом главного героя книг и фильмов стал лейтенант Красной армии Александр Иванович Козлов. Герой, живая легенда, гордость страны!

Как-то в разговоре бывший разведчик в сердцах бросил, что о его судьбе после войны можно снять еще один фильм. И назвать его так: «**Проклятый «Сатурном»!**»

Тактика тотального шпионажа

После проигранного сражения под Москвой Гитлер устроил разнос руководству Абвера (управление германской разведки и контрразведки) за низкое качество сведений о противнике. Исправить положение решено было с помощью тотального шпионажа — массовой заброски агентов в советский тыл.

Усилиями адмирала Канариса в 1942 году в сравнении с 1941-м немцы смогли увеличить заброску в советский тыл разведчиков, террористов и диверсантов более чем вдвое. Только в 1942-м в структуре Абвера подготовили 7 тысяч шпионов и 2500 радистов и диверсантов. Эти первые результаты были успешными.

Но судьбы немецких агентов складывались поразному. Одни, оказавшись на советской территории, на связь не выходили, но и с повинной в органы «Смерш» тоже не спешили, опасаясь репрессий. Другие чистосердечно открывались в надежде спастись и снова оказаться в рядах Красной армии. Кому-то из них верили, кому-то нет. Бывало, агентов как шпионов уничтожали на месте.

Вербовали немцы, прежде всего, из числа советских военнопленных, которые не выдерживали условий содержания в концлагерях. В Абвере считали, что агентуру из военнопленных можно готовить быстро, к тому же для зафронтовой работы ее легче внедрить в части Красной армии. С каждым кандидатом проводились индивидуальные беседы, выяснялись данные биографии, личные качества, связи, отношение к советской власти и к немцам.

Тех, кто давал согласие работать на немцев, немедленно изолировали от других военнопленных и направляли в специальные проверочные лагеря или непосредственно в учебные центры.

На каждого агента заводили подробную анкету, брали подписку о добровольном согласии сотрудничать с немецкой разведкой, присваивали псевдоним. В некоторых случаях завербованных приводили к присяге на верность Гитлеру.

Преподавательский и инструкторский состав школ комплектовался из белоэмигрантов и бывших офицеров Красной армии, уже проверенных в работе в качестве агентов Абвера. Общее руководство школами осуществляли сотрудники военной разведки.

Срок подготовки агентов зависел от характера предстоящей деятельности: для разведчиков ближнего тыла — до четырех недель, для диверсантов — до двух месяцев, для радистов — до четырех месяцев, для разведчиков глубокого тыла — до полугода.

В Германии и на оккупированных территориях было создано 60 специализированных учебных заведений для подготовки агентов, и это не считая 130 разведывательных органов, работавших на всей протяженности советско-германского фронта.

Разведшколы, в частности, создавались при абверкомандах: шесть разведывательных, шесть диверсионных и пять контрразведывательных. Общее руководство их деятельностью осуществлял штаб «Валли» под Варшавой.

Основными поставщиками шпионских кадров были Варшавская (центральная) и Борисовская (с филиалами в Катыни и Орджоникидзеграде) школы.

На счету Абвера было немало успешных операций, в том числе на территории Ставропольского края. Так, в 1942 году диверсанты уничтожили мост возле Минеральных Вод, другой мост рядом с Пятигорском захватили и удерживали до подхода передовых частей вермахта. В Ставрополе (Ворошиловске) во время оккупации дислоцировалась абверкоманда-101 под командованием подполковника Гемприха.

Под названием «Сатурн» в истории Великой Отечественной войны стала известна абверкоманда-103 (подполковник Герлиц), работавшая против Западного, Калининского, Центрального, Белорусского и Прибалтийского фронтов.

Дважды представляли к ордену

В июле 1941 года выпускник Калиновического в Белоруссии военного пехотного училища, молодой лейтенант Александр Козлов попадает на Западный фронт.

Кадров катастрофически не хватало, и Козлова назначают помощником начальника штаба полка по разведке. Осенью он становится командиром батальона 21-го стрелкового полка 7-й стрелковой дивизии Московского народного ополчения.

Вскоре четыре армии, в том числе 7-я стрелковая дивизия, оказались во вражеском кольце. Часть бойцов и офицеров смогла вырваться из окружения, остальные пытались организовать борьбу с врагом в его тылу.

Из уцелевших солдат Козлов сформировал партизанский отряд, насчитывающий более ста человек. Позднее отряд вошел в состав партизанской дивизии «Дедушка», воевавшей на Минском направлении и имевшей связь с Москвой. Это было достаточно сильное соединение, способное нанести врагу заметный урон.

После объединения отрядов Александр Козлов был назначен командиром 3-го батальона 1-го партизанского полка. Здесь судьба свела его с военфельдшером Галиной, ставшей его женой.

Из партизанской характеристики А.И. Козлова:

«С октября 1941 года принимал активное участие в партизанском движении в Смоленской области. Был организатором партизанского отряда в деревнях Селянка, Фенино, Громани, Калита Дорогобужского района... В 1942 году дважды представлялся к правительственным наградам.

Командир партизанской дивизии «Дедушка» Воронченко В.И. Комиссар Силантьев П.Ф.».

В книге «Первая партизанская», вышедшей в Москве в 1983 году, есть фотография Александра Козлова, командира одного из крупных и успешных отрядов, действовавших на Смоленщине.

За проявленные храбрость, решительность и умение вести военные действия в тылу врага Козлов был представлен к награде — ордену Красной Звезды, который получит только в мирное время.

В июне 1942 года против партизанской дивизии немцы бросили большие силы, уничтожив ее. Разрозненные группы предпринимали отчаянные попытки выйти из окружения и пробиться к своим.

«Шли ночами, а днем отсиживались в болоте, накрывшись тиной, — вспоминал десятилетиями позднее Александр Иванович. — Поначалу крепились, а потом терпеть стало невозможно. Комары ели поедом, закончилась еда. Съели офицерские ремни, планшетки, изнемогали, но шли...»

На десятый день Козлов с группой попал в засаду. Переодетые в форму красноармейцев немцы смогли подойти вплотную и обезоружить партизан. От удара прикладом по голове командир потерял сознание. Так лейтенант Козлов оказался в лагере для военнопленных под Вязьмой.

Уникальный для вербовки случай

Спустя несколько дней Александра доставили на допрос. Перед ним сидел такой же молодой обер-лейтенант Гибауэр.

- У нас есть сведения, что вы комиссар.
- Это не так.
- Как подтвердите ваши слова?
- Можете спросить у моих товарищей, у жены.
- Жены?! Она тоже в плену? Где находится, кто она?..
- Лейтенант медицинской службы.
- Присаживайтесь. Расскажите о себе подробнее: где родились, учились, служили?..

На следующий день Александра из лагеря перевели в казарму. Хлеб, колбаса, масло, водка — всего в изобилии. Долго не мог понять, чего от него хотят, почему, как обещали, не дают встретиться с женой?.. И вдруг понял — им заинтересовалась разведка!

«У нас есть к вам предложение о сотрудничестве, — услышал Александр на очередном допросе. — Вы пройдете подготовку, вас с заданием забросят в советский тыл. Если не согласны, вас с женой отправят в лагерь, сами понимаете, по раздельности. И не торопитесь с ответом, подумайте хорошенько. Посоветуйтесь с супругой».

Галина к тому времени ждала ребенка, и для немцев это был идеальный случай получить верного и исполнительного агента.

«Встретились с женой, — вспоминал Александр Иванович. — Что делать? Не согласиться — двумя неизвестными могилами больше. Согласиться — пойти на предательство... Тогда я предложил: «Даем согласие на сотрудничество, а в нашем тылу я начистоту все выкладываю в НКВД. Ты... остаешься в заложниках».

Галина дала согласие.

Встретились два земляка

Разведшкола «Сатурн» находилась в белорусском городке Борисове. В подготовке агентов немцы использовали метод полного погружения в советскую действительность: русские фильмы, «Беломор», зубрежка красноармейского устава, «Комсомольская правда», обращение друг к другу не иначе как «товарищ»... Получив псевдоним Меньшиков, в школе Александр проучился год.

«По окончании разведшколы я получил самое ответственное задание, — рассказывал Козлов. — Почему выбор пал на меня? У меня была заложница. Немцы знали определенно, что я возвращусь. К тому же, мы ждали ребенка... Но случилось так, что ребенок родился слабым и спустя три дня умер».

Козлову предстояло передать немецким радистам в Малаховке под Москвой полмиллиона рублей и питание для рации. Это была очень ценная для немцев группа, передававшая сведения о движении военных эшелонов.

В июне 1943 года на скоростном бомбардировщике «Дорнье-217» Козлов в советской форме, с документами на имя гвардии капитана Раевского глубокой ночью был сброшен на парашюте вблизи Тулы. По инструкции парашютисту предписывалось скрыть следы своего появления.

Вместо этого Козлов, разрядив пистолет, что должно было свидетельствовать о его истинных намерениях вернуться к своим, пошел в сторону города. Вскоре увидел палатку и часового. Командира роты попросил отвести его к начальнику штаба.

Первым, кого встретил Александр Козлов, был

Петр Александрович Шацкий, в будущем... профессор Ставропольского педагогического института. Тогда о своем землячестве эти два человека даже не догадывались.

Уже после войны Шацкий прочитал книгу А. Сердюка «Разглашению не подлежит» и вспомнил, как все было. Он написал Козлову, они встретились. По рассказам родственников Шацкого, Александр Иванович часто бывал у них дома, они дружили, но подробностей их встреч, увыв, история не сохранила.

Случай невероятный, небывалый, просто фантастический! Случай, который никогда бы не использовал в своей книге ни один романист, потому что он бесконечно далек от правдоподобия! Но жизнь подкидывает и не такие еще сюжеты, и нам ничего не остается, как только верить происходящему.

В Туле Козлов по цепочке дошел до Главного управления контрразведки «Смерш». Его могли расстрелять, но ему поверили. Как вспоминал Александр Иванович, немалую роль в этом сыграл бывший командир партизанской дивизии, находившийся тогда в московском госпитале, дав своему товарищу по оружию самую хорошую характеристику.

Повезло и в том, что «Смерш» был создан всего за два месяца до заброски Козлова в советский тыл. Как обычно бывает при организации чего-то нового, в этом случае тоже допустили немало просчетов, а в руководство затесались некомпетентные люди.

В «Смерше» рисковали, но и понимали: другого такого случая, чтобы внедрить в немецкую развед-

школу своего агента, не представится — отбор из числа пленных немцы производили сами. Козлову дали позывной «Байкал-60» и стали готовить к переброске на сторону немцев.

Из справки-характеристики на агента «Байкал-60»:

«В июле 1943 года в органы «Смерш» явился с повинной агент германской разведки «Раевский», он же «Меньшиков» — Козлов Александр Иванович. После явки был перевербован Главным управлением «Смерш» и под позывным «Байкал-60» 17 июля 1943 года переброшен в тыл противника под видом выполнившего задание германского агента...

Начальник 4-го отряда Главного управления «Смерш» генерал-майор Утехин».

Вербовал своих же агентов

Козлова немцы встретили как героя. Накрыли стол, понеслись поздравительные тосты.

«Чувствую, меня спаивают, — рассказывал разведчик. — Начал вставать и не могу — пьяный! Но голова работала четко, понимал — вот сейчас решается вопрос жизни и смерти. Больше всего боялся зондерфюрера Фурмана — сильный был разведчик, просто бестия! Мне постоянно казалось, что он читает мои мысли и я нахожусь на грани провала.

После общего застолья Фурман пригласил меня в кабинет: «Вас на советской стороне взяли органы НКВД, признайтесь». — «Нет! Я говорю вам правду!» — «Не спешите отвечать, Меньшиков. У нас были такие, которых там обрабатывали, а потом присылали сюда с заданием. С каким заданием вас

забросили к нам?..»

И все же Фурмана Александр Козлов перехитрил. И это «случайный» разведчик, которого никто не готовил и специально в тыл врага не забрасывал!

Рацией Козлову пользоваться было нельзя, подслушивающие устройства устанавливались везде. Даже в общении с женой у Александра были свои условные знаки.

Но разведчик, который не может передать нужные сведения, теряет всякую ценность.

«Я вошел в доверие к руководству школы, имел уйму нужной Центру информации, но долгое время не имел возможности передавать ее, — рассказывал Александр Иванович. — Была договоренность, что забросят еще одного разведчика — Бориса, он найдет меня, подойдет и назовет пароль. Все как-то очень непрофессионально, по-книжному. Будто в детской игре. Конечно, связного я не дождался.

Пришлось отчаянно рисковать, ставить под срыв операцию — перевербовывать агентов и с ними передавать разведданные».

Перевербовывать тех, кого сам же и готовил для заброски в советский тыл! Какие основания были у Козлова, чтобы ему поверили? Как вообще можно было поверить в то, что он — капитан Абвера, начальник учебной части разведцентра «Сатурн», удостоенный пяти наград за заслуги перед рейхом, — на самом деле советский разведчик?!

«Когда в школу поступала очередная партия военнопленных, я медленно обходил строй, всматривался в лица новичков и здесь уже отбирал

тех, с кем предстоит работать, — делился опытом разведчика Козлов. — Наблюдал за ними, вызывал на разговор, «раскрывал» за игрой в шахматы, отсеивал и оставлял самых надежных».

Рискуя ежедневно и ежечасно, Александр Козлов перевербовал семь агентов, сообщив о десятках других, что позволило Центру подсовывать немцам правдоподобную дезинформацию, которой руководство Абвера до конца войны питало армейское командование. Фактически Козлов парализовал деятельность «Сатурна».

Такая работа была под силу лишь человеку незаурядного ума и железной воли. Тогда разведчику без специальной профессиональной подготовки было всего 23 года.

«Постоянно думаю о том, что кто-то свыше помогал мне...» — вспоминал разведчик.

Заподозрили в связях с американцами

По мере отступления немцев разведшколу перевели в Кенигсберг. Все это время Козлов даже не представлял, доходят ли его сведения до советского командования. Первым, кто вернулся «с той стороны», был Николай Титаренко, который и рассказал, что Центр Козловым доволен, но просит усилить работу.

«Ничего не оставалось, как взять повышенные обязательства и вскрыть внутренние резервы», — шутил Александр Иванович.

В 1945-м «Сатурн» оказался в Бисмарке, на левом берегу Эльбы. Это последнее место дислокации разведшколы. В мае город оккупировали союзнические американские войска. Что предпринимать дальше, Козлов не знал.

Если бы операция была продумана, он, конечно, в такую ситуацию не попал бы. Признаться американцам, что он советский разведчик, без разрешения из Центра он не мог. Да и понимал: в разведке союзников нет, в этой сфере табачок всегда врозь.

Ничего не оставалось, как выбросить немецкие ордена и сдаться американцам в плен под видом советского диверсанта. Козлова отвезли в Бельгию, затем во Францию, в лагерь военнопленных.

Коменданту лагеря Александр рассказал, что месяц назад его в составе группы выбросили на западном берегу Одера с целью восстановления оборонительной системы, но члены группы растерялись, и где его товарищи сейчас, он не знает. Попросил предоставить ему возможность встретиться с советским командованием.

Примерно через неделю Козлова отвезли в Париж, передав в нашу военную миссию, а вскоре из Москвы за разведчиком прибыл человек с Лубянки.

Родина Александра встретила неласково.

Встал вопрос: что делать с разведчиком дальше? Козлову настоятельно «порекомендовали» уволиться не только из органов, но и из армии — в НКВД подозревали, что он мог быть перевербован американской разведкой.

«Глупо! — не скрывал эмоций Александр Иванович. — До сих пор считаю, что если бы меня оставили работать в разведке, я бы стал профессионалом экстра-класса. Три года в немецком тылу дали мне бесценный опыт агентурной работы. Но вместо этого отпустили на все четыре стороны с записью в личном деле о том, что «три года про-

был в немецком плену».

И ни слова о том, что эти три года он служил в советской разведке! Для Александра Ивановича это был удар, ведь он, кадровый военный, не имел никакой другой специальности!

А дальше началась история, которой ни в книгах, ни в фильмах о «Сатурне» места не найдется. Даже в титрах к картинам Вилена Азарова имя Козлова упоминать запретили. Началась эпоха замалчивания, унижения, безысходности.

Вернулся в родное село Александровское, но с черной меткой «был в плену» на работу принимать не хотели. Перебивался маляром, колхозником, грузчиком, военруком в семилетней школе, помощником лесничего.

Не выдержав гнетущей атмосферы, в которой оказалась семья, жена Галина уехала к родным в Саратовскую область. Семья распалась. А тут военком бдительность проявил: как, мол, с 1942-го по 1945-й ты пробыл в плену, а из армии уволен в 1946-м, да еще с должности помначштаба полка, расформированного в 1941-м?!

Пройдя, казалось, самое сложное, в тот момент, признавался Александр Иванович, он думал застрелиться. Единственное, что останавливало, — это отсутствие оружия, а другими способами уходить из жизни, как офицеру, было стыдно.

Но жизнь стала налаживаться. Александр встретил Марфу Васильевну, которая стала его женой и его ангелом-хранителем. Благодаря этой женщине Александр бросил пить, поступил на заочное отделение Воронежского лесохозяйственного института, в 1948-м у них родился сын Вячеслав.

Спустя год бывшему разведчику пришел вызов из Москвы. Как он обрадовался, ехал в столицу полный надежд, думал, что вот, наконец, родина оценила его заслуги и теперь ему позволят вернуться в разведку!

Запугивал репрессиями НКВД

В Москве Александра Ивановича арестовали. В постановлении на арест значилось: «Будучи начальником учебной части «Сатурна», Козлов высказывал резкие, антисоветские суждения и запугивал агентуру репрессиями со стороны НКВД».

А дальше Лубянка, Бутырка, Лефортово. Следствие велось почти полтора года.

По постановлению особого совещания при МГБ СССР от 25 октября 1950 года Александра Козлова обвинили «в разглашении сведений, не подлежащих разглашению». Никакого суда не было и в помине — вызвали в кабинет, полковник зачитал приговор и — вагон, Карлаг, каторжный труд.

Домой Александр Козлов вернулся в июле 1952-го. И снова пришлось мыкаться в поисках куска хлеба. Работал пожарным, бетонщиком, разнорабочим...

Многое, но далеко не все изменилось в судьбе разведчика с первой волной хрущевской реабилитации. Военным трибуналом Московского военного округа от 30 декабря 1963 года Александра Ивановича Козлова оправдали. Вскоре вернули и затерявшийся орден Красного Знамени, к которому он был представлен еще в 1942 году за партизанскую борьбу в лесах Смоленщины.

Наградили орденами Отечественной войны I

степени и Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» I и II степени.

К очередному юбилею ВЧК-КГБ Александру Ивановичу вручили Почетную грамоту за активное участие в боевой деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны за подписью Юрия Андропова. Одна за другой выходили о нем книги, снимались фильмы.

Только справку из КГБ выдали такую, что три года в «Сатурне» снова выпали из его биографии! И сколько ни бился разведчик, четких сведений о себе получить так и не мог. А с темным пятном в биографии лишен был льгот, положенных государством для фронтовиков и репрессированных.

В 1969 году В. Ардаматский, автор прославившей Козлова повести, пишет своему герою письмо, в котором настоятельно советует прекратить всякие публичные выступления о своем прошлом. В противном же случае пригрозил опубликовать в центральной прессе статью, разоблачающую Козлова как самозванца, выдающего себя за прототипа Крылова-Крамера в фильмах о «Сатурне»!

Началась травля. Александр Иванович с семьей решает перебраться в соседний Краснодарский край, сначала в Гулькевичи, потом в Горячий Ключ.

Разведчики увидели «зазеркалье»

Только в 1993 году работники собеса смогли получить справку из Московского военного трибунала, где впервые официально была признана ошибка в отношении Александра Козлова.

Вот выдержка из справки:

«Военный трибунал округа обратился (в 1963 году. — Авт.) к председателю Госбезопасности СССР с просьбой рассмотреть вопрос о представлении Козлова А.И. к награждению орденом. Возбуждая ходатайство, была высказана просьба — обратить внимание, что Козлов с июля 1943 года по апрель 1945 года по заданию органов безопасности находился в немецкой разведшколе, сначала преподавателем, а затем начальником учебной части.

Используя свое служебное положение, перевербовал 7 немецких агентов, 6 из которых прибыли по паролю, данному Козловым, в органы госбезопасности. Козловым проводилась также работа по отчислению немецких агентов, которые были наиболее преданы немецкому командованию.

Возвратившись в июне 1945 года в Советский Союз, Козлов представил в органы госбезопасности подробный отчет о деятельности разведчиком. Назвал 57 агентов и 29 человек официальных сотрудников школы. В дальнейшем, проживая в Ставропольском крае, оказывая помощь органам госбезопасности, им было опознано 12 немецких агентов».

Эта справка во многом изменила жизнь легендарного разведчика. Стал получать льготы, пришло официальное признание.

Точку в борьбе ветерана за свое честное имя поставило письмо из ФСБ:

«Дорогой Александр Иванович! Невозможно переоценить вклад в Победу советских разведчиков, работавших в глубоком тылу врага. Мы с уважением относимся к вашему подвигу и сочувствуем драматическим вехам в вашей судьбе.

Мы рады, что справедливость восторжествовала и родина, хотя и с опозданием, смогла оценить ваши боевые заслуги. Отныне ваше имя занимает достойное место в истории советской контрразведки».

Признание к разведчику пришло и на его малой родине, в селе Александровском! В 2005 году по инициативе сотрудников районной библиотеки состоялось открытие памятной доски на доме, где жил Александр Козлов.

После войны многих разведчиков, работавших в тылу врага двойных агентов, постигла тяжкая участь.

«Кто из разведчиков остался в живых, тот был связан обетом молчания, почти всех репрессировали, — размышлял Александр Иванович незадолго до смерти. — Почему? Я думал над этим всю свою жизнь и не находил ответа. А сейчас понял: разведчики видели «зазеркалье». Некоторые разочаровались в нашей действительности...»

Ровно 75 лет назад разведчик начал свой путь в «Сатурн».

В свое время губернатор Кубани Николай Кондратенко подписал ходатайство о присвоении разведчику звания Героя России. Ответа, правда, не последовало до сих пор. Думаем, что на Аллее почетных граждан Ставрополя должен стоять бюст Александра Ивановича Козлова. Заслужил жизнью!

Звезда и крест Ивана Аксёнова

Николай Гумилёв как-то заметил, что у поэта должно быть или очень счастливое, или очень несчастливое детство.

Детство И. Аксёнова счастливым никак не назовёшь.

— Когда мне не было ещё и семи лет, — говорит Иван Михайлович, — началась Великая Отечественная война. Отец мой, Михаил Кириллович, воевавший в гражданскую войну в Первой Конной армии Будённого, в мае 1942 года был мобилизован и участвовал в качестве артиллериста в Сталинградской битве. Дошёл до Западной Украины, где в 1944 году и погиб неподалёку от города Ровно.

Мать моя, Прасковья Андреевна, осталась с четырьмя детьми, мал мала меньше. Без отца мы стали совершенно незащитными. Над нами дико издевался бригадир полеводческой бригады, в которой работала мама. Однажды он даже поджёг у неё на спине вязанку сухого бурьяна, а её исхлестал кнутом. Не менее страшными зверями были и

**ЮРИЙ
ТИМАШЕВ**

Литературо- ведение

объездчики, за несколько подобранных на скошенном колхозном поле колосков избивавшие несчастных вдов и отправлявшие их в тюрьму. Мы страшно голодали, потому что на трудодни ничего не платили, а в 1947 году мы едва не умерли, каким-то чудом ухитрившись дожить до появления зелени. Одевались мы в домотканое тряпье, сотканное из волокон конопли. Село Привольное Молотовского (ныне Красногвардейского) района было тогда «медвежьим углом» на границе Ставропольского края с Краснодарским краем и Ростовской областью...

От отчаяния мальчика спасало только чтение. Из сельской библиотеки, где он был своим человеком, Ваня Аксёнов приносил домой собрания сочинений и прочитывал их том за томом, не пропуская ничего — ни редакторских статей, ни комментариев, ни писем и дневников, ни даже алфавитных указателей, — ему было интересно всё. Трагедии Шекспира, «Большие надежды» Диккенса, «80 тысяч лье под водой» Жюль Верна, многочисленные произведения советских писателей — все эти книги сельский подросток жадно впитывал в себя, восхищаясь тем, что простой бумажный блок, вклеенный в картонный переплёт, способен мгновенно перенести в безбрежный морской простор или под сень таинственных тропических лесов, в неизведанный, полный захватывающих приключений, мир. Он прочитал все статьи Белинского из трёхтомника, а также — сочинения Добролюбова и Писарева, что помогло ему ориентироваться в книжном мире, научило давать правильную оценку литературным героям.

Как пишет Иван Аксёнов в своей автобиографической книге «Лоскутное одеяло», в этом чудном мире человеческого вымысла он скрывался от

окружающей нищеты, равнодушия, непонимания, взаимной враждебности. По мнению автора, ошибается тот, кто утверждает, будто человек за всю жизнь может прочитать не более шести тысяч книг: «Я кропотливо вёл учёт прочитанного мною, начиная с пятого класса, и уже ко времени окончания школы прочитал значительно больше. Но ведь я читал и потом, читал всю жизнь».

Закончив в 1954 году Привольненскую среднюю школу с золотой медалью, И. Аксёнов поступил на историко-филологический факультет Ставропольского педагогического института. Почему именно в педагогический институт, хотя золотая медаль давала ему право поступить едва ли не в любой вуз Советского Союза? Всё дело в том, что поехать в Москву или даже в Ростов-на-Дону сельский медалист не мог из-за бедности, а ближайшим городом, куда можно было добраться без больших денежных затрат, был краевой центр — Ставрополь.

С теплотой пишет Иван Аксёнов о преподавателях института, чьи лекции он слушал с огромным удовольствием — декане историко-филологического факультета Карпе Григорьевиче Чёрном, Андрее Васильевиче Попове, Вениамине Михайловиче Тамахине, Вере Ионовне Бойко, Нонне Анатольевне Пановой и других. Но были и преподаватели, которые слово в слово повторяли то, что написано в учебниках, а, значит, конспектирование их лекций было пустой тратой времени. На таких занятиях (а особенно скучными были лекции по истории КПСС, педагогике, истмату и диамату) студент Аксёнов со своими друзьями — Толей Павловым и Володи́м Игнатовым — сочинял шуточные стихотворения, юмористические рассказы и даже романы. Так

родилась «Бекцелиада» — пародия на пиратские романы, вроде популярного тогда «Наследника из Калькутты». Основные главы, которые рождались на лекциях, были написаны Иваном Аксёновым и Анатолием Павловым, свой вклад внёс также Николай Костиников. К сожалению, брызжащий юмором роман, который Иван Аксёнов переписал от руки в общую тетрадь, был в одном-единственном экземпляре, а сохранить черновики никто не догадался. Передаваемая из рук в руки, «Бекцелиада» в конце концов бесследно затерялась. Хотя кто его знает: может, и вынырнет однажды из небытия, подобно черновикам «Тихого Дона», к вящей радости любителей книжных раритетов? Ведь рукописи, как известно, не горят.

Тридцать девять лет проработал Иван Михайлович в школе — учителем русского языка и литературы, истории и изобразительного искусства. Этому периоду в своей жизни он дал такую оценку: «Переступив школьный порог с учительским дипломом в кармане, мы попали в ловушку, из которой нет выхода. Работа учителя, тяжёлая и неблагодарная, порабощает человека, и, если он... не вырвался на вольный простор, он обречён на вечное рабство. Эта монотонная, безрадостная работа не оставляет ни времени, ни сил на дружбу, на творчество, даже чтение становится недоступной роскошью... И даже за праздничным столом ты, как загипнотизированный, покорно слушаешь и поддерживаешь тягучий разговор о нерадивых учениках, о столкновениях со скандальными родителями, о проверке тетрадей и об открытых уроках».

Наверное, не все согласятся с такой резкой оценкой, а кое-кто, защищая «честь мундира»,

может обвинить автора в нарочитом сгущении красок. Но ведь он никому не навязывает своей точки зрения и, что вызывает доверие, приводит такое количество невыдуманных фактов из повседневной школьной жизни, что веришь всему, написанному им.

И всё же многолетняя рутина, работа под руководством карьеристов и подхалимов, озабоченных лишь тем, чтобы любой ценой достичь желанного «процента качества», на каждом шагу унижающих достоинство подневольного учителя, не смогли заглушить творческую жилку в Иване Аксёнове. Перенесённые в детстве, отрочестве и юности испытания закалили его душу и характер, и он неуклонно следовал своему призванию. Вместо отдыха после напряжённого трудового дня (а подготовка к урокам и проверка тетрадей зачастую длились до двух-трёх часов ночи!) Иван Михайлович упорно занимался литературным творчеством. Его пыл не охладило даже то, что редакции газет, которые нуждались только в полных оптимизма заметках и очерках о доярках и механизаторах, отклоняли его, написанные по велению души, материалы. Но, свято веря в свою звезду, Иван Аксёнов продолжал писать стихи и рассказы – для самого себя и узкого круга своих друзей.

После того как одна газета изуродовала до неузнаваемости рассказ Аксёнова, он перестал пытаться публиковать свои произведения. И только через десятки лет Степан Бабкин, автор дилогии «У Кумы-речки», желая подбодрить талантливого литератора, тайком от него послал его рассказ «Зимние дожди» в редакцию литературного альманаха «Ставрополье». Рассказ был опубликован, редакция заинтересовалась автором.

Через некоторое время там же увидел свет его рассказ «Утро туманное, утро седое», а затем и большой отрывок из романа «Осенний свет». Моральную поддержку И. Аксёнову также оказали писатели Виктор Колесников, Станислав Подольский, Семён Ванетик, Вадим Белоусов, Светлана Солодских и другие.

Это признание окрылило новопавловского педагога. С 1993 года Иван Михайлович с помощью спонсоров издал 14 книг. Это стихи, поэтические переводы, повести и два романа. Один из них, «Спящие собаки», был удостоен губернаторской литературной премии имени Андрея Губина, а затем в Москве — диплома Всероссийского конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова» и медали фонда Виктора Розова «За вклад в отечественную культуру».

С 1985 года произведения Ивана Аксёнова публикуются в краевой и региональной печати — в альманахах «Ставрополье», «Литературное Ставрополье», «Лирика Кавказа», «Литературный Кисловодск», «Голос Кавказа», в московском журнале «Российский колокол», в двух номерах петербургского журнала «Изысканная словесность» и других российских изданиях. Два рассказа Аксёнова опубликованы в США, в журнале «На любителя».

Стихи и прозу И. Аксёнова (в 1999 году он был принят в Союз писателей России) охотно публиковали газеты «Ставропольская правда», «Ставропольские губернские ведомости», «Кавказский край», «Кавказская здравница», и этот список далеко не полон. За плодотворную литературную деятельность Иван Михайлович награждён в 2007 году краевой медалью «За доблестный труд».

У произведений Ивана Аксёнова — солидная

пресса. Честным назвал его роман «Осенний свет» в своей большой рецензии «Сиреневый туман воспоминаний» («Ставропольская правда», 10 октября 1996 года) Вадим Белоусов. Известный ставропольский писатель поблагодарил Ивана Михайловича за этот «очень ставропольский роман, о чём свидетельствуют и географические названия, и характерный деревенский говор, и, наконец, степные пейзажи в разное время года». Отметив умение автора погружать стороннего человека в глубину своей любви, ненависти, обиды и радости, В. Белоусов подчеркнул, что Аксёнов словно сбивал замки с кладовых его памяти, и такое признание дорого стоит!

Поэтом, художником, просветителем назвал в своей статье в «Голосе времени» за 27 марта 2002 года Ивана Михайловича писатель Станислав Подольский. По мнению рецензента, раздел переводов в книге «Канат над бездной» прямо говорит о коренной связи автора с мировой поэзией — философическим Рильке, страстными испанцами — от Хименеса до Гарсиа Лорки и Мигеля де Унамуно, с романтическими латиноамериканцами.

«Актуальное, глубоко правдивое, исполненное трагизма, но одновременно несущее в себе заряд силы и надежды» — так характеризует Светлана Солодских («Ставропольская правда», 26 июня 2004 года) произведение И. Аксёнова «Спящие собаки», повествующее о том, как в результате продуманно жестоких интриг руководителей школы старый педагог, инвалид Великой Отечественной войны, и девочка-девятиклассница уходят из жизни. Вместе с тем, роман оптимистичен: «... Как бы ни была продолжительна зима, всё

кончится тем, что подует однажды тёплый ветерок, земля на глазах освободится от снега и льда, солнце жёлтым светом своим обольёт обновлённый повеселевший мир, и звенящая трель скворца пробудит в истомлённом нескончаемой чередой бед сердце давно забытое желание жить и верить в то, что когда-нибудь будет и на нашей улице праздник...»

О нескончаемом паломничестве литераторов со всего края в Новопавловск к Ивану Михайловичу Аксёнову в статье «Сердце поэта», опубликованной в курортной газете «Кавказская здравница», написала Оксана Воропаева. Руководитель литературного объединения «Лира», не жалея личного времени, бескорыстно читает, правит, иллюстрирует произведения местных авторов. И. Аксёнов многократно встречался с читателями — как с учащимися, так и со взрослыми. «Но сейчас, — говорит он, — школьные учителя избегают встреч с писателями, потому что ни школьников, ни их самих литература не интересует». Иван Михайлович с горечью говорит о том, что отношение властей к писателям в последние годы изменилось к худшему: они теперь никому не нужны. И тем, кто решил заработать творчеством, он советует заняться каким-нибудь другим делом.

Но настоящий писатель не может сидеть без дела даже при том, что литературный труд не только не приносит доходов, но даже убыточен. Такова уж, видимо, судьба многих авторов — писать «в стол»: рукопись первого романа И. Аксёнова «Спящие собаки» пролежала в столе десять (!) лет, прежде чем её удалось издать. Примером для себя Иван Михайлович считает Эдгара По, который редактировал свои прежние произве-

дения для каждого нового издания: «Начинающим я советую переписывать свои произведения несколько раз, иначе достичь совершенства невозможно. Добиться успеха в этом деле можно только при условии, если человек овладел теорией стихосложения и научился работать до седьмого пота над каждой строчкой, над каждым словом».

На вопрос, какое стихотворение он выбрал бы для «Антологии одного стихотворения», будь она издана в крае, И. Аксёнов ответил: «Все они мне дороги. Как сказал Иннокентий Анненский: «Так любит мать и лишь больных детей». Пожалуй, выбрал бы «Персик»:

Моё лицо сжигал полдневный зной.
В халате пёстром, в рваных шароварах
Бродил я по орущему базару,
Полуголодный, смуглый и босой.

Ишачьи крики, ржание коней,
Дувалы из растрескавшейся глины...
И вдруг две чёрно-жгучие маслины
Сверкнули из-под сросшихся бровей.
Торговцев ражих иступлённый гам,
Дым анаши, горячей пыли клубы...
Я лишь вздохнул, но розовые губы
В ответ прошелестели мне: «Салам!»

О поцелуй тех персиковых губ!
Твой запах в сердце впился так глубоко!
Но грустно знать, что сны так подло лгут,
Что никогда я не был на Востоке.

Ивану Михайловичу чуждо самолюбование. Он считает себя рядовым русской литературы и беско-

рыстно служит ей на протяжении десятилетий. Не привыкший тратить время попусту, Аксёнов полагает: мужчина днём может лежать или в больнице, или в гробу. Своими учителями он называет Тургенева, Бунина, Паустовского, Юрия Казакова и многих других. Из поэтов всегда любил Лермонтова, а позже — А. Блока, И. Анненского, Н. Гумилёва, А. Ахматову, К. Бальмонта и других поэтов Серебряного века.

— Я убеждён, — говорит Иван Михайлович, — что поэт не должен играть с читателем в поддавки. Он должен стремиться поднять читателя до своего уровня, ни в коем случае не упрощая ему в угоду свои стихи. Я не принимаю стихов, о которых автор говорит, что написал их в один присест, будто записал их под диктовку свыше. Николай Гумилёв говорил, что стихотворение должно быть выношено, как ребёнок, совершенное содержание должно быть облечено в совершенную форму. А это, конечно, требует кропотливой работы, чтобы в готовом стихотворении нельзя было заменить ни одного слова без ущерба для всего стихотворения.

Далёкими от поэзии называет Аксёнов стихи, написанные по плану: «Роман можно написать по заранее составленному плану, а вот стихи — нет: получается нечто холодное, рассудочное, казённое. Я знаю книги многих знаменитых московских поэтов, в которых талантливое стихотворение приходится днём с огнём искать. Вроде бы всё гладко, всё правильно, но не трогает: ремесленные поделки, в которых поэзия и не ночевала».

Своим главным критиком и редактором Иван Михайлович считает свою жену Полину Васильевну, с которой он учился вместе начиная с первого класса, затем — в одном институте, и с которой в

любви и согласии прожил более полувека: «Выход в свет каждой моей книги для неё — праздник. Благодаря горячей поддержке супруги, в прошлом — учителя химии — я пишу и издаю свои книги. Интересуются моим творчеством также сын Анатолий и внучка Полина, за что я им всем очень благодарен...»

Трудное детство, полуголодная юность, тяжёлая учительская работа, — всё это подорвало здоровье Ивана Михайловича. Но самый страшный удар на него и Полину Васильевну обрушился 26 июля 1994 года. Супруги потеряли младшего сына Андрея: он работал тележурналистом и погиб при исполнении служебных обязанностей. Проникновенными стихами на смерть Андрея отозвались друзья-поэты: Олег Воропаев, Раиса Олина-Литвиненко, Анатолий Павлов, Станислав Подольский, Юлия Каунова.

Но на судьбу писатель не сетует: это, считает он, бесполезно. Иван Михайлович убеждён, что недругов у него в творческом окружении (по крайней мере, явных) нет и быть не может, потому что он по-доброму относится к людям и очень многим — в качестве редактора, художника, корректора — помог издать книги, причём бесплатно.

С детства Иван Михайлович мечтал стать художником, но получить художественное образование помешала бедность. Жалеет он и о том, что не смог получить даже самого элементарного музыкального образования: для этого в селе совершенно не было условий. «Жизнь, — пишет И. Аксёнов в «Лоскутном одеяле», — никогда не была милостива ко мне. Вынужденный ... то и дело защищать своё достоинство от высокопоставленных мерзавцев, которые, пользуясь своим служебным положени-

ем, пытались унижить меня, я порою мрачно смотрел на жизнь... Но пессимистом-мизантропом я не стал...» А если его упрекают в том, что его стихи слишком грустны, то Иван Михайлович обычно отвечает словами поэтессы русской эмиграции Екатерины Таубер: «От счастья стихов не пишут».

Вот уже более тридцати лет Иван Михайлович руководит литературным объединением «Лира», из которого (вместе с ним) вышли три члена Союза писателей России. Для членов объединения им прочитано более 200 лекций о жизни и творчестве поэтов России и зарубежья, а «лировцами» издано около 50 книг.

В настоящее время И. Аксёнов издаёт книгу рассказов и эссе «Зона», работает над антологией «Имена писателей в ставропольской литературе», куда войдут произведения всех писателей края, начиная с 1937 года. Один из давних его учеников подарил писателю ноутбук, и он сам набирает тексты. «... Надо жить и надо делать дело» — таково его кредо, выраженное в стихотворении «Нирвана».

Несколько лет назад я побывал на заседании «Лир» в Новопавловске. В уютной библиотеке, за Т-образным столом, собрались 17 человек. И это, как мне сказали, ещё не все. Как всегда, заседание было тематическое. В этот раз разговор шёл о роли литературы в жизни членов литобъединения. Но прежде, чем дать слово каждому, с обстоятельным докладом по теме выступил Иван Михайлович. И это не было дежурным выступлением: прозвучало столько интересных, а то и малоизвестных примеров, что желающих поделиться своими мыслями было много. А затем, конечно же, звучали стихи. Причём, один поэт, чтобы услышать

мнение Аксёнова о своей новой поэме, приехал из Юцы. Что, впрочем, для «Лиры» явление обычное: побывать на уроках поэтического мастерства у Ивана Михайловича, хотя бы единожды, считают необходимым многие начинающие литераторы из ближайших городов и сёл.

Нелёгкой была для него педагогическая работа. Хотя, по большому счёту, он не считает свою учительскую судьбу столь уж печальной. Детей он всегда любил и делал всё возможное, чтобы дать им основательные знания. И дело даже не в многочисленных почётных грамотах, благодарностях, медалях «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда», знаке «Отличник народного просвещения». Гораздо важнее для Аксёнова то, что многие бывшие ученики помнят его, звонят, благодарят за то, что знания, которыми он щедро делился с ними, очень помогли в жизни.

В 2003 году И. Аксёнову было присвоено звание «Почётный гражданин города Новопавловска». В 2005 году мэр Новопавловска Владимир Кузнецов устроил праздник в честь 70-летия писателя, а в 2010-м — творческий вечер и банкет в ознаменование его 75-летия.

Закончить эти штрихи к портрету Мастера мне хочется строками из его сонета «След в сердцах»:

И хоть шаги мои слегка отяжелели,
Хочу, как прежде, жить, стремясь к высокой цели...
Лишь для людей живя, в сердцах оставишь след.

Подписано в печать 12.09.2019.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia»/ Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ №110919. Тираж 979 экз.
Дизайн и вёрстка: С.Е. Стефанова
Корректор: Н.А. Шулик
Отпечатано в типографии ООО «Мир»:
394033, г. Воронеж, Ленинский проспект, 119 А, литера Я, офис 215.
Тел.: 8-958-649-53-31.